

В. МАЯКОВСКИЙ

8

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ТРИНАДЦАТИ ТОМАХ

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1958

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

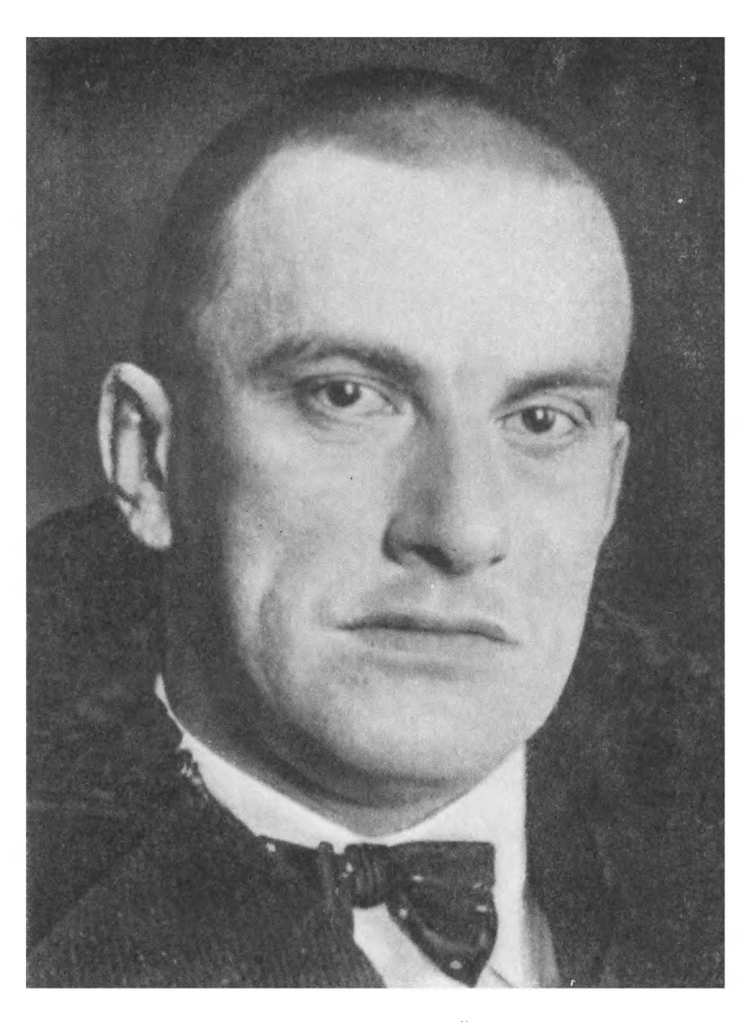
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ВОСЬМОЙ

1927

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1958

Подготовка текста и примечания
В. А. КАТАНЯНА

В. МАЯКОВСКИЙ

Фото 1927 г.

СТИХОТВОРЕНИЯ

(1927)

СТАБИЛИЗАЦИЯ БЫТА

После боев
и голодных пыток
отрос на животике солидный жирок.
Жирок заливает щелочки быта
и застывает,
тих и широк.
Люблю Кузнецкий
(простите грешного!),
потом Петровку,
потом Столешников;
по ним
в году
раз сто или двести я
хожу из «Известий»
и в «Известия».
С восторга бросив подсолнухи лузгать,
восторженно подняв бровки,
читает работница:
«Готовые блузки.
Последний крик Петровки».
Не зря и Кузнецкий похож на зарю,—
прижав к замерзшей витрине ноздрю,
две дамы расплылись в стончике:
«Ах, какие фестончики!»
А рядом,
учли обывателью натуру,—
портрет
кого-то безусого;

отбирайте гения
для любого гарнитура,—
все
от Казина до Брюсова.
В магазинах —
ноты для широких масс.
Пойте, рабочие и крестьяне,
последний
сердцещипательный романс
«А сердце-то в партию тянет!» [1]
В окне гражданин,
устав от ношения
портфелей,
сложивши папки,
жене,
приятной во всех отношениях,
выбирает
«глазки да лапки».
Перед плакатом «Медвежья свадьба»
нэпачка сияет в неге:
— И мне с таким медведем
поспать бы!
Погрызи меня,
душка Эггерт.—
Сияющий дом,
в костюмах,
в белье,—
радуйся,
растратчик и мот.
«Ателье
мод».
На фоне голосов стою,
стою
и философствую.
Свежим ветерочком в республику
вея,
звездой сияя из мрака,

---

[1] Ноты Музторга. Музыка Тихоновой. Слова Чуж-Чуженина. (*Прим. автора.*)

товарищ Гольцман
из «Москвошвея»
обещает
«эпоху фрака» [1].
Но,
от смокингов и фраков оберегая охотников
(не попался на буржуазную удочку!),
восхваляет
комсомолец
товарищ Сотников
толстовку
и брючки «дудочку».
Фрак
или рубахи синие?
Неувязка парт- и советской линии.
Меня
удивляют их слова.
Бьет разнобой в глаза.
Вопрос этот
надо
согласовать
и, разумеется,
увязать.
Предлагаю,
чтоб эта идейная драка
не длилась бессмысленно далее,
пришивать
к толстовкам
фалды от фрака
и носить
лакированные сандалии.
А чтоб цилиндр заменила кепка,
накрахмаливать кепку крепко.

Грязня сердца
и масля бумагу,

[1] Стр. 12 № 2 «Экрана». (*Прим. автора.*)

подминая
Москву
под копыта,
волокут
опять
колымагу
дореволюционного быта.
Зуди
издевкой,
стих хмурый,
вразрез
с обывательским хором:
в делах
идеи,
быта,
культуры —
поменьше
довоенных норм!

[*1927*]

БУМАЖНЫЕ УЖАСЫ

(ОЩУЩЕНИЯ ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО)

Если б
в пальцах
держал
земли бразды я,
я бы
землю остановил на минуту:
— Внемли!
Слышишь,
перья скрипят
механические и простые,
как будто
зубы скрипят у земли?—
Человечья гордость,
смирись и улягся!
Человеки эти —
на кой они лях!
Человек
постепенно
становится кляксой
на огромных
важных
бумажных полях.
По каморкам
ютятся
людские тени.

Человеку —
сажень.
А бумажке?
Лафа!
Живет бумажка
во дворцах учреждений,
разлеглась на столах,
кейфует в шкафах.
Вырастает хвост
на сукно
в магазине,
без галош нога,
без перчаток лапа.
А бумагам?
Корзина лежит на корзине,
и для тела «дел» —
миллионы папок.
У вас
на езду
червонцы есть ли?
Вы были в Мадриде?
Не были там!
А этим
бумажкам,
чтоб плыли
и ездили,
еще
возносят
новый почтамт!
Стали
ножки-клипсы
у бывших сильных,
заменили
инструкции
силу ума.
Люди
медленно
сходят
на должность посыльных,
в услужении
у хозяев — бумаг.

Бумажищи
в портфель
умещаются еле,
белозубую
обнажают кайму.
Скоро
люди
на жительство
влезут в портфели,
а бумаги —
наши квартиры займут.
Вижу
в будущем —
не вымыслы мои:
рупоры бумаг
орут об этом громко нам —
будет
за столом
бумага
пить чай,
человечек
под столом
валяться скомканным.
Бунтом встать бы,
развить огневые флаги,
рвать зубами бумагу б,
ядрами б выть...
Пролетарий,
и дюйм
ненужной бумаги,
как врага своего,
вконец ненавидь.

[*1927*]

НАШЕМУ ЮНОШЕСТВУ

На сотни эстрад бросает меня,
на тысячу глаз молодежи.
Как разны земли моей племена,
и разен язык
и одежи!
Насилу,
пот стирая с виска,
сквозь горло тоннеля узкого
пролез.
И, глуша прощаньем свистка,
рванулся
курьерский
с Курского!
Заводы.
Березы от леса до хат
бегут,
листками вороча,
и чист,
как будто слушаешь МХАТ,
московский говорочек.
Из-за горизонтов,
лесами сломанных,
толпа надвигается
мазанок.
Цветисты бочка́
из-под крыш соломенных,
окрашенные разно.
Стихов навезите целый мешок,

с таланта
можете лопаться —
в ответ
снисходительно цедят смешок
уста
украинца хлопца.
Пространства бегут,
с хвоста нарастав,
их жарит
солнце-кухарка.
И поезд
уже
бежит на Ростов,
далёко за дымный Харьков.
Поля —
на мильоны хлебных тонн —
как будто
их гладят рубанки,
а в хлебной охре
серебряный Дон
блестит
позументом кубанки.
Ревем паровозом до хрипоты,
и вот
началось кавказское —
то го́ловы сахара высят хребты,
то в солнце —
пожарной каскою.
Лечу
ущельями, свист приглушив.
Снегов и папах седи́ны.
Сжимая кинжалы, стоят ингуши,
следят
из седла
осетины.
Верх
гор —
лед,
низ
жар
пьет,

и солнце льет йод.
Тифлисцев
узнаешь и метров за́ сто:
гуляют часами жаркими,
в моднейших шляпах,
в ботинках носастых,
этакими парижа́ками.
По-своему
всякий
зубрит азы,
аж цифры по-своему снятся им.
У каждого третьего —
свой язык
и собственная нация.

Однажды,
забросив в гостиницу хлам,
забыл,
где я ночую.
Я
адрес
по-русски
спросил у хохла,
хохол отвечал:
— Нэ чую. —
Когда ж переходят
к научной теме,
им
рамки русского
у́зки;
с Тифлисской
Казанская академия
переписывается по-французски.
И я
Париж люблю сверх мер
(красивы бульвары ночью!).
Ну, мало ли что —
Бодлер,
Маларме
и эдакое прочее!

Но нам ли,
шагавшим в огне и воде
годами
борьбой прожженными,
растить
на смену себе
бульвардье
французистыми пижонами!
Используй,
кто был безъязык и гол,
свободу советской власти.
Ищите свой корень
и свой глагол,
во тьму филологии влазьте.
Смотрите на жизнь
без очков и шор,
глазами жадными цапайте
все то,
что у вашей земли хорошо
и что хорошо на Западе.
Но нету места
злобы мазку,
не мажьте красные души!
Товарищи юноши,
взгляд — на Москву,
на русский вострите уши!
Да будь я
и негром преклонных годов,
и то,
без унынья и лени,
я русский бы выучил
только за то,
что им
разговаривал Ленин.
Когда
Октябрь орудийных бурь
по улицам
кровью лился,
я знаю,
в Москве решали судьбу

и Киевов
и Тифлисов.
Москва
для нас
не державный аркан,
ведущий земли за нами,
Москва
не как русскому мне дорога,
а как огневое знамя!
Три
разных истока
во мне
речевых.
Я
не из кацапов-разинь.
Я —
дедом казак,
другим—
сечевик,
а по рожденью
грузин.
Три
разных капли
в себе совмещав,
беру я
право вот это —
покрыть
всесоюзных совмещан.
И ваших
и русопетов.

[1927]

ФАБРИКАНТЫ ОПТИМИСТОВ
(ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ)

Не то грипп,
не то инфлуэнца.
Температура
ниже рыб.
Ноги тянет.
Руки ленятся.
Лежу.
Единственное видеть мог:
напротив — окошко
в складке холстика —
«Фотография Теремок,
Т. Мальков и М. Толстиков».
Весь день
над дверью
звоночный звяк,
а у окошка
толпа зевак.
Где ты, осанка?!
Нарядность, где ты?!
Кто в шинели,
а кто в салопе.
А на витрине
одни Гамлéты,
одни герои драм и опер.
Приходит дама,
пантера истая —

такая она от угрей
пятнистая.
На снимке
нету ж —
слизала ретушь.
И кажется
этой плоской фанере,
что она Венера по крайней мере.
И рисуется ее глазам уж,
что она
за Зощенку
выходит замуж.
Гроза окрестностей,
малец-шалопай
сидит на карточке
паем-пай:
такие, мол, не рассыпаны,
как поганки пó лесу,—
растем
марксизму и отечеству на пользу.
Вот
по пояс
усатый кто-то.
Красив —
не пройдешь мимо!
На левых грудях —
ордена Доброфлота,
на правых —
Доброхима.
На стуле,
будто на коне кирасир,
не то бухгалтер,
не то кассир.
В гарантию
от всех клевет и огорчений
коленки сложил,
и на коленки-с
поставлены
полные собрания сочинений:

Бебель,
Маркс
и Энгельс.
Дескать, сидим —
трудящ и старателен, —
ничего не крали
и ничего не растратили.
Если ты загрустил,
не ходи далекó —
снимись по пояс
и карточку выставь.
Семейному уважение,
холостому альков.
Салют вам,
Толстиков и Мальков —
фабриканты оптимистов.

Саратов
[*1927*]

ПО ГОРОДАМ СОЮЗА

Россия — всё:
и коммуна,
и волки,
и давка столиц,
и пустырьная ширь,
стоводная удаль безудержной Волги,
обдорская темь
и сиянье Кашир.

Лед за пристанью за ближней,
оковала Волга рот,
это красный,
это Нижний,
это зимний Новгород.
По первой реке в российском сторечьи
скользим...
цепенеем...
зацапаны ветром...
А за волжским доисторичьем
кресты да тресты,
да разные «центро».
Сумятица торга кипит и клокочет,
клочки разговоров
и дымные клочья,
а к ночи
не бросится говор,
не скрипнут полозья,

столетняя зелень зигзагов Кремля,
да под луной,
разметавшей волосья,
замерзающая земля.
Огромная площадь;
прорезав вкривь ее,
неслышную поступь дикарских лап
сквозь северную Скифию
я направляю
в местный ВАПП.

За версты,
за сотни,
за тыщи,
за массу
за это время заедешь, мчась,
а мы
ползли и ползли к Арзамасу
со скоростью верст четырнадцать в час.
Напротив
сели два мужичины:
красные бороды,
серые рожи.
Презрительно буркнул торговый мужчина:
— Сережи!—
Один из Сережей
полез в карман,
достал пироги,
запахнул одежду
и всю дорогу жевал кормá,
ленивые фразы цедя промежду.
— Конешно...
и к Петровý...
и в Покров...
за то и за это пожалте прóцент...
а толку нет...
не дорога, а кровь...
с телегой тони, как ведро в колодце...

На што мой конь — крепыш,
аж и он
сломал по яме ногу...
Раз ты́
правительство,
ты и должо́н
чинить на всех дорогах мосты.—
Тогда
на него
второй из Сереж
прищурил глаз, в морщины оправленный.
— Налог-то ругашь,
а пирог-то жрешь...—
И первый Сережа ответил:
— Правильно!
Получше двадцатого,
что толковать,
не голодаем,
едим пироги.
Мука́, дай бог...
хороша такова...
Но што насчет лошажьей ноги...
взыскали про́цент,
а мост не проложать...—
Баючит езда дребезжаньем звонким.
Сквозь дрему
все время
про мост и про лошадь
до станции с названьем «Зимёнки».

На каждом доме
советский вензель
зовет,
сияет,
режет глаза.
А под вензелями
в старенькой Пензе
старушьим шепотом дышит базар.
Перед нэпачкой баба седа
отторговывает копеек тридцать.

— Купите платочек!
У нас
завсегда
заказывала
сама царица...—

Морозным днем отмелькала Самара,
за ней
начались азиаты.
Верблюдина
сено
провозит, замаран,
в упряжку лошажью взятый.

Университет —
горделивость Казани,
и стены его
и доныне
хранят
любовнейшее воспоминание
о великом своем гражданине.
Далёко
за годы
мысль катя,
за лекции университета,
он думал про битвы
и красный Октябрь,
идя по лестнице этой.
Смотрю в затихший и замерший зал:
здесь
каждые десять на́ сто
его повадкой щурят глаза
и так же, как он,
скуласты.
И смерти
коснуться его
не посметь,
стоит
у грядущего в смете!

Внимают
юноши
строфам про смерть,
а сердцем слышат:
бессмертье.

Вчерашний день
убог и низмен,
старья
премного осталось,
но сердце класса
горит в коммунизме,
и класса грудь
не разбить о старость.

[*1927*]

МОЯ РЕЧЬ НА ПОКАЗАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ПО СЛУЧАЮ ВОЗМОЖНОГО СКАНДАЛА С ЛЕКЦИЯМИ ПРОФЕССОРА ШЕНГЕЛИ

Я тру
ежедневно
взморщенный лоб
в раздумье
о нашей касте,
и я не знаю:
поэт —
поп,
поп или мастер.
Вокруг меня
толпа малышей,—
едва вкусившие славы,
а во́лос
уже
отрастили до шей
и голос имеют гнусавый.
И, образ подняв,
выходят когда
на толстожурнальный амвон,
я,
каюсь,
во храме
рвусь на скандал,
и крикнуть хочется:
— Вон! —

А вызовут в суд,—
убежденно гудя,
скажу:
— Товарищ судья!
Как знамя,
башку
держу высоко,
ни дух не дрожит,
ни коленки,
хоть я и слыхал
про суровый
закон
от самого
от Крыленки.
Законы
не знают переодевания,
а без
преувеличенности,
хулиганство —
это
озорные деяния,
связанные
с неуважением к личности.
Я знаю
любого закона лютей,
что личность
уважить надо,
ведь масса —
это
много людей,
но масса баранов —
стадо.
Не зря
эту личность
рожает класс,
лелеет
до нужного часа,
и двинет,
и в сердце вложит наказ:

«Иди,
творн,
отличайся!»
Идет
и горит
докрасна́,
добела́...
Да что городить околичность!
Я,
если бы личность у них была,
влюбился б в ихнюю личность.
Но где ж их лицо?
Осмотрите в момент —
без плюсов,
без минусо́в.
Дыра!
Принудительный ассортимент
из глаз,
ушей
и носов!
Я зубы на этом деле сжевал,
я знаю, кому они копия.
В их песнях
поповская служба жива,
они —
зарифмованный опиум.
Для вас
вопрос поэзии —
нов,
но эти,
видите,
молятся.
Задача их —
выделка дьяконов
из лучших комсомольцев.
Скрывает
ученейший их богослов
в туман вдохновения радугу слов,
как чаши
скрывают
церковные.

А я
раскрываю
мое ремесло
как радость,
мастером кованную.
И я,
вскипя
с позора с того,
ругнулся
и плюнул, уйдя.
Но ругань моя —
не озорство,
а долг,
товарищ судья.—
Я сел,
разбивши
доводы глиняные.
И вот
объявляется приговор,
так сказать,
от самого Калинина,
от самого
товарища Рыкова.
Судьей,
расцветшим розой в саду,
объявлено
тоном парадным:
— Маяковского
по суду
считать
безусловно оправданным!

[*1927*]

«ЗА ЧТО БОРОЛИСЬ?»

Слух идет
бессмысленен и гадок,
трется в уши
и сердце ёжит.
Говорят,
что воли упадок
у нашей
у молодежи.
Говорят,
что иной братишка,
заработавший орден,
ныне
про вкусноты забывший ротишко
под витриной
кривит в унынье.
Что голодным вам
на зависть
окна лавок в бутылочном тыне,
и едят нэпачи и завы
в декабре
арбузы и дыни.
Слух идет
о грозном сраме,
что лишь радость
развоскресéнена,
комсомольцы
лейб-гусарами
пьют
да ноют под стих Есенина.

И доносится до нас
сквозь губы́ искривленную прорезь:
«Революция не удалась...
За что боролись?..»
И свои 18 лет
под наган подставят —
и нет,
или горло
впетлят в ко́ски.
И горюю я,
как поэт,
и ругаюсь,
как Маяковский.
Я тебе
не стихи ору,
рифмы в этих делах
ни при чем;
дай
как другу
пару рук
положить
на твое плечо.
Знал и я,
что значит «не есть»,
по бульварам валялся когда,—
понял я,
что великая честь
за слова свои
голодать.
Из-под локона,
кепкой зави́того,
вскинь глаза,
не грусти и не злись.
Разве есть
чему завидовать,
если видишь вот эту слизь?
Будто рыбы на берегу —
с прежним плаваньем
трудно расстаться им.
То царев горшок берегут,

Страница записной книжки с записью стихотворения «Моя речь на показательном процессе...»

то
обломанный шкаф с инкрустациями.
Вы — владыки
их душ и тела,
с вашей воли
встречают восход.
Это —
очень плевое дело,
если б
революция захотела
со счетов особых отделов
эту мелочь
списать в расход.
Но, рядясь
в любезность наносную,
мы —
взамен забытой Чеки
кормим дыней и ананасною,
ихних жен
одеваем в чулки.
И они
за все за это,
что чулки,
что плачено дорого,
строят нам
дома и клозеты
и бойцов
обучают торгу.
Что ж,
без этого и нельзя!
Сменим их,
гранит догрызя.
Или
наша воля обломалась
о сегодняшнюю
деловую малость?
Нас
дело
должно
пронизать насквозь,

скуленье на мелочность
высмей.
Сейчас
коммуне
ценен гвоздь,
как тезисы о коммунизме.
Над пивом
нашим юношам ли
склонять
свои мысли ракитовые?
Нам
пить
в грядущем
все соки земли,
как чашу,
мир запрокидывая.

[*1927*]

«ДАЕШЬ ИЗЯЧНУЮ ЖИЗНЬ»

Даже
мерин сивый
желает
жизни изящной
и красивой.
Вертит
игриво
хвостом и гривой.
Вертит всегда,
но особо пылко —
если
навстречу
особа-кобылка.
Еще грациозней,
еще капризней
стремится человечество
к изящной жизни.
У каждого класса
свое понятье,
особые обычаи,
особое платье.
Рабочей рукою
старое выжми —
посыплются фраки,
польются фижмы.
Царь
безмятежно
в могилке спит...

Сбит Милюков,
Керенский сбит...
Но в быту
походкой рачьей
пятятся многие
к жизни фрачьей.
Отверзаю
поэтические уста,
чтоб описать
такого хлюста.
Запонки и пуговицы
и спереди и сзади.
Теряются
и отрываются
раз десять нá день.
В моде
в каждой
так положено,
что нельзя без пуговицы,
а без головы можно.
Чтоб было
оправдание
для стольких запонок,
в крахмалы
туловище
сплошь заляпано.
На голове
прилизанные волоса,
посредине
пробрита
лысая полоса.
Ноги
давит
узкий хром.
В день
обмозолишься
и станешь хром.
На всех мизинцах
аршинные ногти.
Обломаются —
работу не трогайте!

Для сморкания —
пальчики,
для виду —
платочек.
Торчит
из карманчика
кружевной уголочек.
Толку не добьешься,
что ни спроси —
одни «пардоны»,
одни «мерси».
Чтоб не было
ям
на хилых грудя́х,
ходит,
в петлицу
хризантемы вкрутя.
Изящные улыбки
настолько то́нки,
чтоб только
виднелись
золотые коронки.
Коси́тся на косицы —
стрельнуть за кем?—
и пошлость
про ландыш
на слюнявом языке.
А
в очереди
венерической клиники
читает
усердно
«Мощи» Калинникова.
Таким образом
день оттрудясь,
разденет фигуру,
не мытую отродясь.
Зевнет
и спит,
излюблен, испит.

От хлама
в комнате
тесней, чем в каюте.
И это называется:
— Живем-с в уюте! —

Лозунг:
— В ногах у старья не ползай!—
Готов
ежедневно
твердить раз сто:
изящество —
это стопроцентная польза,
удобство одежд
и жилья простор.

[*1927*]

КОРОНА И КЕПКА

Царя вспоминаю —
и меркнут слова.
Дух займет,
и если просто «главный».
А царь —
не просто
всему глава,
а даже —
двуглавный.
Он сидел
в коронном ореоле,
царь людей и птиц...
— вот это чин! —
и как полагается
в орлиной роли,
клюв и коготь
на живье точил.
Точит
да косит глаза грозны́!
Повелитель
жизни и казны.
И свистели
в каждом
онемевшем месте
плетищи
царевых манифестин.
«Мы! мы! мы!

Николай вторый!
двуглавый повелитель
России-тюрьмы
и прочей тартарары,
царь польский,
князь финляндский,
принц эстляндский
и барон курляндский,
издевающийся
и днем и ночью
над Россией
крестьянской и рабочей...
и прочее,
и прочее,
и прочее...»

Десять лет
прошли —
и нет.

Память
о прошлом
временем гра́бится...
Головкой русея,
— вижу —
детям
показывает шкрабица
комнаты
ревмузея.
— Смотрите,
учащие
чистописание и черчение,
вот эта бумажка —
царское отречение.
Я, мол,
с моим народом —
квиты.
Получите мандат
без всякой волокиты.

Как приличествует
его величеству,
подписал,
поставил исходящий номер —
и помер.
И пошел
по небесной
скатерти-дорожке,
оставив
бабушкам
ножки да рожки.
— А этот...
не разберешься —
стул или стол,
с балдахинчиками со всех сторон?
— Это, дети,
называлось «престол
отечества»
или —
«трон».
«Плохая мебель!» —
как говорил Бебель.
— А что это за вожжи,
и рваты и просты? —
Сияют дети
с восторга и мления.
— А это, дети,
называлось
«бразды
правления».
Корона —
вот этот ночной горшок,
бриллиантов пуд —
устанешь носивши. —
И морщатся дети:
— Нехорошо!
Кепка и мягше
и много красивше.
Очень неудобная такая корона...
Тетя,
а это что за ворона?

— Двуглавый орел
под номером пятым.
Поломан клюв,
острижены когти.
Как видите,
обе шеи помяты...
Тише, дети,
руками не трогайте! —

И смотрят
с удивлением
Маньки да Ванятки
на истрепанные
царские манатки.

[*1927*]

ВМЕСТО ОДЫ

Мне б хотелось
вас
воспеть
во вдохновенной оде,
только ода
что-то не выходит.

Скольким идеалам
смерть на кухне
и под одеялом!

Моя знакомая —
женщина как женщина,
оглохшая
от примусов пыхтения
и ухания,
баба советская,
в загсе ве́нчанная,
самая передовая
на общей кухне.
Хранит она
в складах лучших дат
замужество
с парнем среднего ростца;
еще не партиец,
но уже кандидат,

самый красивый
из местных письмоносцев.
Баба сердитая,
видно сразу,
потому что сожитель ейный
огромный синяк
в дополнение к глазу
приставил,
придя из питейной.
И шипит она,
выгнав мужа вон:
— Я
ему
покажу советский закон!
Вымою только
последнюю из посуд —
и прямо в милицию,
прямо в суд...—
Домыла.
Перед взятием
последнего рубежа
звонок
по кухне
рассыпался, дребезжа.
Открыла.
Расцвели миллионы почек,
высохла
по-весеннему
слезная лужа...
— Его почерк!
письмо от мужа.—
Письмо раскаленное —
не пишет,
а пышет.
«Вы моя душка,
и ангел
вы.
Простите великодушно!
Я буду тише
воды
и ниже травы».

Рассиялся глаз,
оплывший набок.
Слово ласковое —
мастер
дивных див.
И опять
за примусами баба,
все поняв
и все простив.
А уже
циркуля письмоносца
за новой юбкой
по улицам носятся;
раскручивая язык
витиеватой лентой,
шепчет
какой-то
охаживаемой Вере:
— Я за положительность
и против инцидентов,
которые
вредят
служебной карьере.—
Неделя покоя,
но больше
никак
не прожить
без мата и синяка.
Неделя —
и снова счастья нету,
задрались,
едва в пивнушке пóбыли...
Вот оно —
семейное
«перпетуум
мобиле».
И вновь
разговоры,
и суд, и «треть»
на много часов
и недель,

и нет решимости
пересмотреть
семейственную канитель.

Я
напыщенным словам
всегдашний враг,
и, не растекаясь одами
к восьмому марта,
я хочу,
чтоб кончилась
такая помесь драк,
пьянства,
лжи,
романтики
и мата.

[*1927*]

ВДОХНОВЕННАЯ РЕЧЬ ПРО ТО, КАК ДЕНЬГИ УВЕЛИЧИТЬ И УБЕРЕЧЬ

В нашем хозяйстве —
дыра за дырой.
Трат масса,
расходов рой.
Поэтому
мы
у своей страны
берем взаймы.
Конечно,
дураков нету
даром
отдавать
свою монету.
Заем
поэтому
так пущен,
что всем доход —
и берущим
и дающим.
Ясно,
как репа на блюде,—
доход обоюден.
Встань утром
и, не смущаемый ленью,

беги
к ближайшему
банковскому отделению!
Не желая
посторонним отвлекаться,
требуй сразу
— подать облигаций!
Разумеется,
требуй
двадцатипятирублевые.
А нет четвертного —
дело плевое!
Такие ж облигации,
точка в точку,
за пять рублей,
да и то в рассрочку!
Выпадет счастье —
участвуешь в выигрыше
в пятой части.
А если
не будешь молоть Емелю
и купишь
не позднее чем к 1-му апрелю,
тогда —
от восторга немеет стих —
рассрочка
от четырех месяцев
и до шести.
А также
(случай единственный в мире!)
четвертные
продаются
по 24,
а пятерка —
по 4 и 8 гривен.
Словом:
доходов — ливень!
Этот заем
такого рода,
что доступен
для всего трудового народа.

Сидишь себе
и не дуешь в ус.
На каждый рубль —
гривенник плюс.
А повезет,
и вместо денежного поста́ —
выигрываешь
тысяч до полуста.
А тиражей —
масса,
надоедают аж:
в год до четырех.
За тиражом тираж!
А в общем,
сердце радостью облей,—
разыгрывается
до семнадцати миллионов рублей.
На меня сбижаются:
— Что ты,
в найме?
Только и пишешь,
что о выигрышном займе! —
Речь моя
кротка и тиха:
— На хорошую вещь —
не жалко стиха.—
Грядущие годы
покрыты тьмой.
Одно несомненно: на 27-й
(и то, что известно,
про то и поём)
— выгоднейшая вещь
10% заем!

[*1927*]

ЛЕЗЬТЕ В ГЛАЗА, ВЛЕТАЙТЕ В УШИ СЛОВА ВОТ ЭТИХ ЛОЗУНГОВ И ЧАСТУШЕК

Знай
о счастии своем.
Не сиди, как лодырь.
Мчи
купить себе
заем
нынешнего года.
Пользу
в нынешнем году
торопитесь взвесить.
Деньги
вам
процент дадут
ровно рубль
на десять.
Зря копейку не пропей-ка.
— Что с ней делать? — спро́сите.
В облигации
копейка
в непрерывном росте.
Про заем
несется гул,
он-де
к общей выгоде,
выиграв
себе
деньгу,

вы
  хозяйство двигаете.
Выше,
        звонче голос лей,
в небе
      надо
          высечь:
выигрыш
         от ста рублей
до
  полсотни тысяч.
Чуть наступят тиражи —
не волнуйся,
             не дрожи.
Говорил
         про наш тираж
с человеком
            сведущим:
ра́з не взял —
               не падай в раж,
выиграешь
          в следующем.
Тыщу выиграл
             и рад,
от восторга млею.
Ходят фининспектора,
обложить не смеют.
По заводам
           лети,
песенная строчка:
если
    купит коллектив,
то ему
      рассрочка.
Как рассрочили
               платеж
на четыре месяца —
по семье
         пошел галдеж:
все
   с восторга бесятся.

Шестьдесят копеек есть,
дальше
дело знаемо:
в коллектив спешите внесть
в счет
покупки займа.
Чтоб потом не плакать
год,
не расстроить нервы вам,
покупайте
с массой льгот
до
апреля первого.
В одиночку
и вдвоем
мчи
сквозь грязь
и лужицы.
Это —
лучший заем
для советских служащих.
Пойте,
в тыщу уст оря,
радостно и пылко,
что заем
для кустаря —
прибыль
и копилка.
Лучших займов
в мире нет.
Не касаясь прочего,
он
рассчитан
по цене
на карман рабочего.

[1927]

ФЕВРАЛЬ

Стекались
в рассвете
ра́ненько-ра́ненько,
толпились по десять,
сходились по сто́.
Зрачками глаз
и зрачками браунингов
глядели
из-за разведенных мостов.
И вот
берем
кто нож,
кто камень,
дыша,
крича,
бежа.
Пугаем
дома́,
ощетинясь штыками,
железным обличьем ежа.
И каждое слово
и каждую фразу,
таимую молча
и шепотом,
выпаливаем
сразу,
в упор,
наотмашь,
оптом.

— Куда
нашу кровь
и пот наш деваете?
Теперь усмирите!
Чёрта!
За войны,
за голод,
за грязь издевательств —
мы
требуем отчета!—
И бросили
царскому городу
плевки
и удары
в морду.
И с неба
будто
окурок нá пол —
ободранный орел
подбитый пал,
и по его когтям,
по перьям
и по лапам
идет
единого сменившая
толпа.
Толпа плывет
и вновь
садится нá мель,
и вновь плывет,
русло
меж камня вырыв.
«Вихри враждебные веют над нами...»
«Отречемся от старого мира...»
Знамена несут,
несут
и несут.
В руках,
в сердцах
и в петлицах — áло.

Но город — вперед,
но город —
не сыт,
но городу
и этого мало.

Потом
постепенно
пришла степенность...

Порозовел
постепенно
февраль,
и ветер стихнул резкий.
И влез
на трон
соглашатель и враль
под титулом:
«Мы —
Керенский».
Но мы
ответили,
гневом дыша:
— Обратно
земной
не завертится шар.
Слова
переделаем в дело! —
И мы
дошли,
в Октябре заверша
то,
что февраль не доделал.

[1927]

ПЕРВЫЕ КОММУНАРЫ

Немногие помнят
про дни про те,
как звались,
как дрались они,
но память
об этом
красном дне
рабочее сердце хранит.
Когда
капитал еще молод был
и были
трубы пониже,
они
развевали знамя борьбы
в своем
французском Париже.
Надеждой
в сердцах бедняков
засновав,
богатых
тревогой выев,
живого социализма
слова
над миром
зажглись впервые.
Весь мир буржуев
в аплодисмент

сливал
ладонное сальце,
когда пошли
по дорожной тесьме
жандармы буржуев —
версальцы.
Не рылись
они
у закона в графе,
не спорили,
воду толча.
Коммуну
поставил к стене Галифе,
французский
ихний Колчак.
Совсем ли умолкли их голоса,
навек удалось ли прикончить?—
Чтоб удостовериться,
дамы
в глаза
совали
зонтика кончик.
Коммуну
буржуй
сжевал в аппетите
и губы
знаменами вытер.
Лишь лозунг
остался нам:
«Победите!
Победите —
или умрите!»
Версальцы,
Париж
оплевав свинцом,
ушли
под шпорный бряк,
и вновь засияло
буржуя лицо
до нашего Октября.

Рабочий класс
и умней
и людней.
Не сбить нас
ни словом,
ни плетью.
Они
продержались
горсточку дней —
мы
будем
держаться столетья.
Шелками
их имена лепеча
над шествием
красных масс,
сегодня
гордость свою
и печаль
приносим
девятый раз.
[*1927*]

ЛУЧШИЙ СТИХ

Аудитория
сыплет
вопросы колючие,
старается озадачить
в записочном рвении.
— Товарищ Маяковский,
прочтите
лучшее
ваше
стихотворение.—
Какому
стиху
отдать честь?
Думаю,
упершись в стол.
Может быть,
это им прочесть,
а может,
прочесть то?
Пока
перетряхиваю
стихотворную старь
и нем
ждет
зал,
газеты
«Северный рабочий»
секретарь

тихо
мне
сказал...
И гаркнул я,
сбившись
с поэтического тона,
громче
иерихонских хайл:
— Товарищи!
Рабочими
и войсками Кантона
взят
Шанхай! —
Как будто
жесть
в ладонях мнут,
оваций сила
росла и росла.
Пять,
десять,
пятнадцать минут
рукоплескал Ярославль.
Казалось,
буря
вёрсты крыла,
в ответ
на все
чемберленьи ноты
катилась в Китай,—
и стальные рыла
отворачивали
от Шанхая
дредноуты.
Не приравняю
всю
поэтическую слякоть,
любую
из лучших поэтических слав,
не приравняю
к простому
газетному факту,

если
так
ему
рукоплещет Ярославль.
О, есть ли
привязанность
большей силищи,
чем солидарность,
прессующая
рабочий улей?!
Рукоплещи, ярославец,
маслобой и текстильщик,
незнаемым
и родным
китайским кули!

[*1927*]

НЕ ВСЕ ТО ЗОЛОТО, ЧТО ХОЗРАСЧЕТ

Рынок
требует
любовные стихозы.
Стихи о революции?
на кой они черт!
Их смотрит
какой-то
испанец «Хóзе» —
Дон Хоз-Расчет.
Мал почет,
и бюджет наш тесен.
Да еще
в довершенье —
промежду нас —
нет
ни одной
хорошенькой поэтессы,
чтоб привлекала
начальственный глаз.
Поэта
теснят
опереточные дивы,
теснит
киношный
размалеванный лист.
— Мы, мол, массой,
мы коллективом.

А вы кто?
Кустарь-индивидуалист!
Город требует
зрелищ и мяса.
Что вы там творите
в муках родо́в?
Вы
непонятны
широким массам
и их представителям
из первых рядов.
Люди заработали —
дайте, чтоб потратили.
Народ
на нас
напирает густ.
Бросьте ваши штучки,
товарищи
изобретатели
каких-то
новых,
грядущих искусств.—
Щеголяет Толстой,
в истории ряженый,
лезет,
напирает
со своей императрицей.
— Тьфу на вас!
Вот я
так тиражный.
Любое издание
тысяч тридцать.—
Певице,
балерине
хлоп да хлоп.
Чуть ли
не над ЦИКом
ножкой машет.
— Дескать,
уберите
левое барахло,

разные
ваши
левые марши.—
Большое-де искусство
во все артерии
влазит,
любые классы покоря.
Довольно!
В совмещанском партере
Леф
не раскидает свои якоря.
Время! —
Судья единственный ты мне.
Пусть
«сегодня»
подымает
непризнающий вой.
Я
заявляю ему
от имени
твоего и моего:
— Я чту
искусство,
наполняющее кассы.
Но стих.
раструбливающий
октябрьский гул,
но стих,
бьющий
оружием класса,—
мы не продадим
ни за какую деньгу.

[*1927*]

РИФМОВАННЫЕ ЛОЗУНГИ

Возможен ли
социализм
в безграмотной стране?
— Нет!
Построим ли мы
республику труда?
— Да.
Чтоб стройка
не зря
была начатá,
чтоб не обрушились
коммуны леса —
надо,
чтоб каждый в Союзе
читал,
надо,
чтоб каждый в Союзе
писал.
На сделанное
не смотри
довольно, умиленно:
каждый девятый
темен и сер.
15,
15 миллионов
безграмотных
в РСФСР.

Это
не полный счет
еще:
льются
ежегодно
со всех концов
сотни тысяч
безграмотных
юнцов.
Но как
за грамотность
ни борись и ни ратуй,
мало кто
этому ратованию
рад.
Сунься
с ликвидацией неграмотности
к бюрократу!
Бюрократ
подымет глаза
от бумажных копаний
и скажет внятно:
— Катись колбасой!
Теперь
на очереди
другие кампании:
растрата,
хулиганщина
с беспризорностью босой.
Грамота
сама
не может даться.
Каждый грамотный, ты,—
ты
должен
взяться
за дело ликвидации
безграмотности
и темноты.

Готов ли
ты
для этого труда?
—Да!
Будут ли
безграмотные
в нашей стране?
— Нет!

[*1927*]

МАЛЕНЬКАЯ ЦЕНА С ПУШИСТЫМ ХВОСТОМ

Сидит милка
на крыльце,
тихо
ждет
сниженья цен
да в грустях
в окно косится
на узор
рублевых ситцев.
А у кооператива
канцелярия —
на диво.
У него
какой-то центр
составляет
списки цен.
Крысы канцелярские
перышками ляскают,
и, зубами клацая,
пишет
калькуляция.
Вперили
очков тарелки
в сонмы цифр,
больших
и мелких.
Расставляют
цифры в ряд,

строки
цифрами пещрят.
Две копейки нам,
а им
мы
нулечек округлим.
Вольной мысли
нет уздечки!
Мало ль что —
пожары,
ливень...
На усушки
и утечки
набавляем
восемь гривен.
Дети рады,
папа рад —
окупился аппарат.
Чтоб в подробность не вдаваться,
до рубля
накинем двадцать.
Но —
не дорожимся так;
с суммы
скинули пятак.
Так как
мы
и множить можем,
сумму
вчетверо помножим.
Дальше —
дело ясненькое:
набавляем
красненькую.
Потрудившись
год,
как вол,
объявил,
умен и зорок:
рубль и сорок —
итого

получается два сорок.
— Где ж два сорок?—
спросишь вра́ля.
Ткнет
рукою
в дробь: смотри!
— Пиво брали?
— Нет, не брали.
— Ах, не брали?!
Значит — три.—
Цены ситцев,
цены ниток
в центрах
плавают, как рыбы.
Черт их знает,
что в убыток!
Черт их знает,
что им в прибыль!
А результат один:
цена
копеечного ростика
из центров
прибывает к нам
с большим
пушистым хвостиком.
А в деревне
на крыльце
милка
ждет
сниженья цен.

Забрать бы
калькуляции
да дальше
прогуляться им!

[1927]

АНГЛИЙСКИЙ ЛИДЕР

Тактика буржуя
проста и верна:
лидера
из союза выдернут,
«на тебе руку,
и в руку на»,
и шепчут
приказы лидеру.
От ихних щедрот
солидный клок
(Тысячу фунтов!
Другим не пара!)
урвал
господин
Вильсон Гевлок,
председатель
союза матросов и кочегаров.
И гордость класса
в бумажник забросив,
за сто червонцев,
в месяц из месяца,
речами
смиряет
своих матросов,
а против советских
лает и бесится.
Хозяйский приказ
намотан на ус.

Продав
и руки,
и мысли,
и перья,
Вильсон
организовывает Союз
промышленного мира
в Британской империи.
О чем
заботится
бывший моряк,
хозяина
с рабочим миря?
Может ли договориться раб ли
с теми,
кем
забит и ограблен?
Промышленный мир? —
Не новость.
И мы
приветствуем
тишину и покой.
Мы
дрались годами,
и мы —
за мир.
За мир —
но за какой?
После военных
и революционных бурь
нужен
такой мир нам,
чтоб буржуазия
в своем гробу
лежала
уютно и смирно.
Таких
деньков примирительных
надо,
чтоб детям
матросов и водников

буржуя
последнего
из зоологического сада
показывали
в двух намордниках.
Чтоб вместо
работы
на жирные чресла —
о мире
голодном
заботиться,
чтоб вместе со старым строем
исчезла
супруга его,
безработица.
Чтобы вздымаемые
против нас
горы
грязи и злобы
оборотил
рабочий класс
на собственных
твердолобых.
Тогда
где хочешь
бросай якоря,
и станет
товарищем близким,
единую
трубку мира
куря,
советский рабочий
с английским.
Матросы
поймут
слова мои,
но вокруг их союза
обвился

концом золотым
говорящей змеи
мистер
Гевлок Ви́льсон.
Что делать?— спро́сите.
Вильсона сбросьте!

[*1927*]

МРАЧНЫЙ ЮМОР

Веселое?
        О Китае?
                Мысль не дурна.
Дескать,
        стихи
            ежедневно катая,
может, поэт
            и в сатирический журнал
писнёт
        стишок
            и относительно Китая?
Я —
    исполнитель
            читательских воль.
Просишь?
        Изволь!
О дивной поэме
            думаю
                я —
чтоб строились рядом
                не строки,
                    а роты,
и чтоб
    в интервентов
            штыков острия
воткнулись
        острей
            любой остро́ты.

Хочу
раскатов
пушечного смеха,
над ними
красного знамени клок.
Чтоб нáбок
от этого смеха съехал
короны Георга
золотой котелок.
Хочу,
чтоб искрилась
пуль болтовня,—
язык
такой
англичанам ясен,—
чтоб, болтовне
пулеметной
вняв,
эскадры
интервентов
ушли восвояси.
Есть
предложение
и относительно сатиры —
то-то
будет
веселье и гам —
пузо
буржуазии
сделать тиром
и по нем
упражняться
лучшим стрелкам.
Англичане
ублажаются
и граммофоном сторотым,
спускают
в танцах
пуза груз.

Пусть их
в гавань
бегут фокстротом
под музыку
собственных
урчащих пуз.
Ракетами
англичане
радуют глаз.
Я им
пожелаю
фейерверк с изнанки,
чтоб в Англии
им
революция зажглась
ярче
и светлей,
чем горящий Нáнкин.
Любят
англичане,
покамест курят,
расословесить
узоры
безделья канвой.
Я хочу,
чтоб их
развлекал, балагуря,
выводящий
из Шанхая
китайский конвой.
Бездельники,
любители
веселого анекдота —
пусть им
расскажут,
как от пуль
при луне
без штанов
улепетывал кто-то,—
дядя Сам
или сам Джон Буль.

И если б
империалист
последний
умер,
а предпоследний
задал
из Китая
дёру —
это было б
высшее
веселие и юмор
и китайцам,
и подписчикам,
и самому «Бузотеру».

[*1927*]

«ЛЕНИН С НАМИ!»

Бывают события:
случатся раз,
из сердца
высекут фразу.
И годы
не выдумать
лучших фраз,
чем сказанная
сразу.
Таков
и в Питер
ленинский въезд
на башне
броневика.
С тех пор
слова
и восторг мой
не ест
ни день,
ни год,
ни века.
Все так же
вскипают
от этой даты
души
фабрик и хат.
И я
привожу вам
просто цитаты

из сердца
и из стиха.
Февральское пламя
померкло быстро,
в речах
утопили
радость февральскую.
Десять
министров капиталистов
уже
на буржуев
смотрят с ласкою.
Купался
Керенский
в своей победе,
задав
революции
адвокатский тон.
Но вот
пошло по заводу:
— Едет!
Едет!
— Кто едет?
— Он!
«И в город,
уже
заплывающий салом,
вдруг оттуда,
из-за Невы,
с Финляндского вокзала
по Выборгской
загрохотал броневик».
Была
простая
машина эта,
как многие,
шла над Невою.
Прошла,
а нынче
по целому свету

дыханье ее
броневое.
«И снова
ветер,
свежий и крепкий,
валы
революции
поднял в пене.
Литейный
залили
блузы и кепки.
— Ленин с нами!
Да здравствует Ленин!»
И с этих дней
везде
и во всем
имя Ленина
с нами.
Мы
будем нести,
несли
и несем —
его,
Ильичево, знамя.
«— Товарищи! —
и над головою
первых сотен
вперед
ведущую
руку выставил.
— Сбросим
эсдечества
обветшавшие лохмотья!
Долой
власть
соглашателей и капиталистов!»
Тогда
рабочий,
впервые спрошенный,

еще нестройно
отвечал:
— Готов! —
А сегодня
буржуй
распластан, сброшенный,
и нашей власти —
десять годов.
«— Мы —
голос
воли низа,
рабочего низа
всего света.
Да здравствует
партия,
строящая коммунизм!
Да здравствует
восстание
за власть Советов!»
Слова эти
слушали
пушки мордастые,
и щерился
белый,
штыками блестя.
А нынче
Советы и партия
здравствуют
в союзе
с сотней миллионов крестьян.
«Впервые
перед толпой обалделой,
здесь же,
перед тобою,
близ —
встало,
как простое
делаемое дело,
недосягаемое слово
— «социализм».

А нынче
в упряжку
взяты частники.
Коопов
стосортных
сети вьем,
показываем
ежедневно
в новом участке
социализм
живьем.
«Здесь же,
из-за заводов гудящих,
сияя горизонтом
во весь свод,
встала
завтрашняя
коммуна трудящихся —
без буржуев,
без пролетариев,
без рабов и господ».
Коммуна —
еще
не дело дней,
и мы
еще
в окружении врагов,
но мы
прошли
по дороге к ней
десять
самых трудных шагов.

[*1927*]

ЛЕНА

Встаньте, товарищи,
прошу подняться.
От слез
удержите глаза.
Сегодня
память
о павших
пятнадцать
лет назад.
Хуже каторжных,
бесправней пленных,
в морозе,
зубастей волков
и лютéй, —
жили
у жил
драгоценной Лены
тысячи
рабочих людей.
Роя
золото
на пятерки и короны,
рабочий
тощал
голодухой и дырами.
А в Питере
сидели бароны,

паи
запивая
во славу фирмы.
Годы
на тухлой конине
мысль
сгустили
простую:
«Поголодали,
а ныне
больше нельзя —
бастую».
Чего
хотела
масса,
копачей
несчетное число?
Капусты,
получше мяса
и работы
8 часов.
Затягивая
месяца на́ три,
директор
что было сил
уговаривал,
а губернатора
слать
войска
просил.
Скрипенье сапог...
скрипенье льда...
Это
сквозь снежную тишь
жандарма Трещенко
и солдат
шлет
губернатор Бантыш.
А дальше?
Дальше
рабочие шли

просить
о взятых в стачке.
И ротмистр Трещенко
визгнул
«пли!»
и ткнул
в перчатке пальчик.
За пальцем
этим
рванулась стрельба —
второй
после первого залпа.
И снова
в мишень
рабочего лба
жандармская
метится
лапа.

За кофием
утром рано
пишет
жандарм
упитан:
«250 ранено,
270 убито».

Молва
о стрельбе опричины
пошла
шагать
по фабричным.
Делом
растет
молва.
Становится
завод
сотый.

Дрожит
коронованный болван
и пайщики
из Лензоты.
И горе
ревя
по заводам брело:
— Бросьте
покорности
горы
нести! —
И день этот
сломленный
был перелом,
к борьбе перелом
от покорности.

О Лене память
ни дни,
ни года
в сердцах
не сотрут никогда.

Шаг
вбивая
победный
твой
в толщу
уличных плит,
помни,
что флаг
над головой
и ленскою кровью
облит.

[*1927*]

МОЩЬ БРИТАНИИ

Британская мощь
целиком на морях,—
цари
в многоводном лоне.
Мечта их —
одна:
весь мир покоря,
бросать
с броненосцев своих
якоря
в моря
кругосветных колоний.
Они
ведут
за войной войну,
не бросят
за прибылью гнаться.
Орут:
— Вперед, матросы!
А ну,
за честь
и свободу нации!—
Вздымаются бури,
моря́ беля,
моряк
постоянно на вахте.
Буржуи
горстями
берут прибыля

на всем —
на грузах,
на фрахте.
Взрываются
мины,
смертями смердя,
но жир у богатых
отрос;
страховку
берут
на матросских смертях,
и думает
мрачно
матрос.
Пока
за моря
перевозит груз,
он думает,
что на берегу
все те,
кто ведет
матросский союз,
копейку
его
берегут.
А на берегу
союзный глава,
мистер
Гевлок Вильсóн,
хозяевам
продал
дела и слова
и с жиру
толстеет, как слон.
Хозяева рады —
свой человек,
следит
за матросами
круто.

И ловит
Вильсон
солидный чек
на сотню
английских фунтов.
Вильсон
к хозяевам впущен в палаты
и в спорах
добрый и миленький.
По ихней
просьбе
с матросской зарплаты
спускает
последние шиллинги.
А если
в его махинации
глаз
запустит
рабочий прыткий,
он
жмет плечами:
— Никак нельзя-с:
промышленность
терпит убытки.—
С себя ж
и рубля не желает соскресть,
с тарифной
иудиной сетки:
вождю, мол,
надо
и пить, и есть,
и, сами знаете,
детки.
Матрос, отправляясь
в далекий рейс,
к земле
оборачивай уши,
глаза
нацеливай
с мачт и рей

на то,
что творится на суше!
Пардон, Чемберлен,
что в ваши дела
суемся
поэмой этой!
Но мой Пегас,
порвав удила,
матросам
вашим
советует:
— В обратную сторону
руль завертя,
вернитесь
к союзным сонмам
и дальше
плывите,
послав к чертям
продавшего вас
Вильсона!—
За борт союза
в мгновение в одно!
Исчезнет —
и не был как будто:
его
моментально
потянет на дно
груз
иудиных фунтов.

[1927]

ТОВАРИЩУ МАШИНИСТКЕ

К пишущему
массу исков
предъявляет
машинистка.
— Ну, скажите,
как не злиться?..
Мы,
в ком кротость щенья,
мы
для юмора —
козлицы
отпущенья.
Как о барышне,
о дуре —
пишут,
нас карикатуря.
Ни кухарка-де,
ни прачка —
ей
ни мыть,
ни лап не пачкать.
Машинисткам-де
лафа ведь —
пианисткой
да скрипачкой
музицируй
на алфáвите.

Жизнь —
концерт.
Изящно,
тонно
стукай
в буквы «Ремингтона».
А она,
лахудрица,
только знает —
пудрится
да сует
завитый локон
под начальственное око.
«Ремингтон»
и не машина,
если
меньше он аршина?
Как тупит он,
как он сушит —
пишущих
машинок
зал!
Как завод,
грохочет в уши.
Почерк
ртутью
ест глаза.
Где тут
взяться
барышням!
Барышня
не пара ж нам.
Нас
взяла
сатира в плети.
Что —
боитесь темы громше?
Написали бы
куплетик
о какой-нибудь наркомше!—

Да, товарищ,—
я
виновен.
Описать вас
надо внове.

Крыльями
копирок
машет.
Наклонилась
низко-низко.
Переписывает
наши
рукописи
машинистка.
Пишем мы,
что день был золот,
у ночей
звезда во лбу.
Им же
кожу лишь мозолят
тысячи
красивых букв.
За спиною
часто-часто
появляется начальство.
«Мне писать, мол,
страшно надо.
Попрошу-с
с машинкой
на дом...»
Знаем женщин.
Трудно им вот.
Быт рабынь
или котят.
Не накрасишься —
не примут,
а накрасься —
сократят.

Не разделишь
с ним
уютца —
скажет
после краха шашен:
— Ишь,
к трудящимся суются
там...
какие-то...
пишмаши...—
За трудом
шестичасовым
что им в радость,
сонным совам?
Аж город,
в гла́за в оба,
сам
опять
работой буквится,—
и цифры
по автобусам
торчат,
как клавиш пуговицы.
Даже если
и комета
пролетит
над крышей тою —
кажется
комета эта
только
точкой с запятою.
Жить на свете
не века,
и
время,
этот счетчик быстрый,
к старости
передвигает
дней исписанных регистры.

Без машин
поэтам
туго.
Жизнь поэта
однорука.
Пишет перышком,
не хитр.
Машинистка,
плюнь на ругань, —
как работнице
и другу
ná
тебе
мои стихи!

[*1927*]

ВЕСНА

В газетах
пишут
какие-то дяди,
что начал
любовно
постукивать дятел.
Скоро
вид Москвы
скопируют с Ниццы,
цветы создадут
по весенним велениям.
Пишут,
что уже
синицы
оглядывают гнезда
с любовным вожделением.
Газеты пишут:
дни горячей,
налетели
отряды
передовых грачей.
И замечает
естествоиспытательское око,
что в березах
какая-то
циркуляция соков.
А по-моему —
дело мрачное:

начинается
горячка дачная.
Плюнь,
если рассказывает
какой-нибудь шут,
как дачные вечера
милы,
тихи́.
Опишу
хотя б,
как на даче
выделываю стихи.
Не растрачивая энергию
средь ерундовых трат,
решаю твердо
писать с утра.
Но две девицы,
и тощи
и рябы́,
заставили идти
искать грибы.
Хожу в лесу-с,
на каждой колючке
распинаюсь, как Иисус.
Устав до того,
что не ступишь на́ ноги,
принес сыроежку
и две поганки.
Принесши трофей,
еле отделываюсь
от упомянутых фей.
С бумажкой
лежу на траве я,
и строфы
спускаются,
рифмами вея.
Только
над рифмами стал сопеть,
и —

меня переезжает
кто-то
на велосипеде.
С балкона,
куда уселся, мыча,
сбежал
во внутрь
от футбольного мяча.
Полторы строки намарал —
и пошел
ловить комара.
Опрокинув чернильницу,
задув свечу,
подымаюсь,
прыгаю,
чуть не лечу.
Поймал,
и при свете
мерцающих планет
рассматриваю —
хвост малярийный
или нет?
Уселся,
но слово
замерло в горле.
На кухне крик:
— Самовар сперли!—
Адамом,
во всей первородной красе,
бегу
за жуликами
по василькам и росе.
Отступаю
от пары
бродячих дворняжек,
заинтересованных
видом
юных ляжек.
Сел
в меланхолии.

В голову
ни строчки
не лезет более.
Два.
Ложусь в идиллии.
К трем часам —
уснул едва,
а четверть четвертого
уже разбудили.
На луже,
зажатой
берегам в бока,
орет
целуемая
лодочникова дочка...
«Славное море —
священный Байкал,
Славный корабль —
омулевая бочка».

[*1927*]

СЕРДИТЫЙ ДЯДЯ

В газету
заметка
сдана рабкором
под заглавием
«Не в лошадь корм».
Пишет:
«Завхоз,
сочтя за лучшее,
пишущую машинку
в учреждении пр́опил...
Подобные случаи
нетерпимы
даже
в буржуазной Европе».
Прочли
и дали место заметке.
Мало ль
бывает
случаев этаких?
А наутро
уже
опровержение
листах на полуторах.
«Как
смеют
разные враки
описывать
безответственные бумагомараки?

Знают
республика,
и дети, и отцы,
что наш завхоз
честней, чем гиацинт.
Так как
завхоз наш
служит в столице,
клеветника
рука
в лице завхоза
оскорбляет лица
ВЦИКа,
Це-Ка
и Це-Ка-Ка.
Уклоны
кулацкие
в стране растут.
Даю вам
коммунистическое слово,
здесь
травля кулаками
стоящего на посту
хозяйственного часового.
Принимая во внимание,
исходя
и ввиду,
что статья эта —
в спину нож,
требую
немедля
опровергнуть клевету.
Цинизм,
инсинуация,
ложь!
Итак,
кооперации
верный страж
оболган
невинно
и без всякого повода.

С приветом...»
Подпись,
печать
и стаж
с такого-то.
День прошел,
и уже назавтра
запрос:
«Сообщите фамилию автора»!
Весь день
телефон
звонит, как бешеный.
От страха
поджилки дрожат
курьершины.
А редакция
в ответ
на телефонную колоратуру
тихо
пишет
письмо в прокуратуру:
«Просим
авторитетной справки
о завхозе,
пасущемся
на трестовской травке».
Прокурор
отвечает
точно и живо:
«Заметка
рабкора
наполовину лжива.
Водой
окатите
опровергательский пыл.
Завхоз
такой-то,
из такого-то города,
не только
один «Ундервуд» пропил,

но еще
вдобавок —
и два форда».

Побольше
заметок
любого вида,
рабкоры,
шлите
из разных мест.
Товарищи,
вас
газета не выдаст,
и никакой опровергатель
вас не съесг.

[*1927*]

НЕГРИТОСКА ПЕТРОВА

У Петровой
у Надежды
не имеется одежды.
Чтоб купить
(пришли деньки!),
не имеется деньги́.
Ей
в расцвете юных лет
растекаться в слезной слизи ли?
Не упадочница,
нет!
Ждет,
чтоб цены снизили.

Стонет
улица
от рева.
В восхищеньи хижины.
— Выходи скорей, Петрова,—
в лавке
цены снижены.
Можешь
в платьицах носиться
хошь с цветком,
хошь с мушкою.
Снизили
с аршина ситца

ровно
грош с осьмушкою.
Радуйтесь!
Не жизнь —
малина.
Можете
блестеть, как лак.
На коробке
гуталина
цены
ниже на пятак.
Наконец!
Греми, рулада!
На тоску,
на горечь плюньте! —
В лавке
цены мармелада
вдвое снижены на фунте.
Словно ведьма
в лампах сцены,
веником
укрывши тело,
баба
грустно
смотрит в цены.
Как ей быть?
и что ей делать?
И взяла,
обдумав длинно,
тряпку ситца
(на образчик),
две коробки гуталина,
мармелада —
ящик.
Баба села.
Масса дела.
Баба мыслит,
травки тише,
как ей
скрыть от срама
тело...

Наконец
у бабы вышел
из клочка
с полсотней точек
на одну ноздрю платочек.
Работает,
не ленится,
сияет именинницей,—
до самого коленца
сидит
и гуталинится.
Гуталин не погиб.
Ярким светом о́жил.
На ногах
сапоги
собственной кожи.
Час за часом катится,
баба
красит платьице
в розаны
в разные,
гуталином вмазанные.
Ходит баба
в дождь
и в зной,
искрясь
горной голизной.
Но зато
у этой Нади
нос
и губы
в мармеладе.
Ходит гуталинный чад
улицей
и пахотцей.
Все коровы
мычат,
и быки
шарахаются.
И орет
детишек банда:

— Негритянка
из джаз-банда! —
И даже
ноту
Чемберлен
прислал
колючую от терний:
что мы-де
негров
взяли в плен
и
возбуждаем в Коминтерне.

В стихах
читатель
ждет морали.
Изволь:
чтоб бабы не марались,
таких купцов,
как в строчке этой,
из-за прилавка
надо вымести,
и снизить
цены
на предметы
огромнейшей необходимости.

[*1927*]

ОСТОРОЖНЫЙ МАРШ

Гляди, товарищ, в оба!
Вовсю раскрой глаза!
Британцы
твердолобые
республике грозят.
Не будь,
товарищ,
слепым
и глухим!
Держи,
товарищ,
порох
сухим!
Стучат в бюро Аркосовы,
со всех сторон насев:
как ломом,
лбом кокосовым
ломают мирный сейф.
С такими,
товарищ,
не сваришь
ухи.
Держи,
товарищ,
порох
сухим!
Знакомы эти хари нам,
не нов для них подлог:
подпишут
под Бухарина
любой бумажки клок.

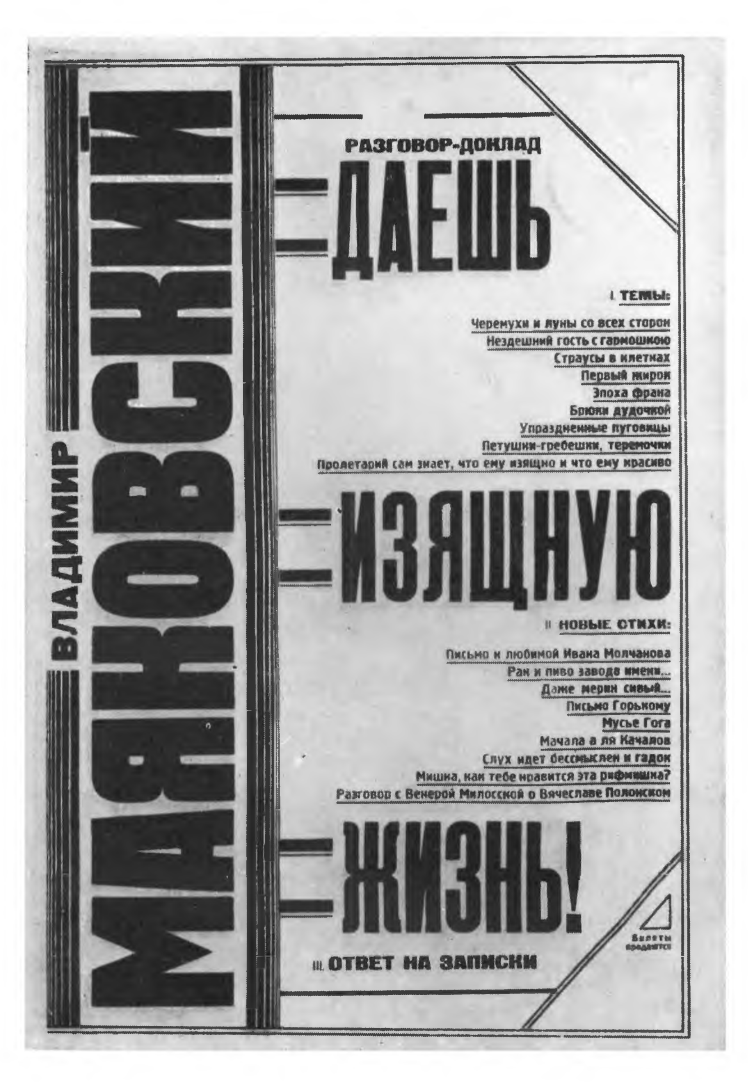
Не жаль им,
товарищи,
бумажной
трухи.
Держите,
товарищи,
порох
сухим!
За барыней,
за Англией
и шавок лай летит,—
уже
у новых Врангелей
взыгрался аппетит.
Следи,
товарищ,
за лаем
лихим.
Держи,
товарищ,
порох
сухим!
Мы строим,
жнем
и сеем.
Наш лозунг:
«Мир и гладь».
Но мы
себя
сумеем
винтовкой отстоять.
Нас тянут,
товарищ,
к войне
от сохи.
Держи,
товарищ,
порох
сухим!

[1927]

ВЕНЕРА МИЛОССКАЯ И ВЯЧЕСЛАВ ПОЛОНСКИЙ

Сегодня я,
поэт,
боец за будущее,
оделся, как дурак.
В одной руке —
венок
огромный
из огромных незабудищей,
в другой —
из чайных —
розовый букет.
Иду
сквозь моторно-бензинную мглу
в Лувр.
Складку
на брюке
выправил нервно;
не помню,
платил ли я за билет;
и вот
зала,
и в ней
Венерино
дезабилье.
Первое смущенье.
Рассеялось когда,

я говорю:
— Мадам!
По доброй воле,
несмотря на блеск,
сюда
ни в жизнь не навострил бы лыж.
Но я
поэт СССР —
ноблес
оближ!
У нас
в республике
не меркнет ваша слава.
Эстеты
мрут от мраморного лоска.
Короче:
я —
от Вячеслава
Полонского.
Носастей грека он.
Он в вас души не чает.
Он
поэлладистей Лициниев и Люциев,
хоть редактирует
и «Мир»,
и «Ниву»,
и «Печать
и революцию».
Он просит передать,
что нет ему житья.
Союз наш
грубоват для тонкого мужчины.
Он много терпит там
от мужичья,
от лефов и мастеровщины.
Он просит передать,
что, «леф» и «праф» костя́,
в Элладу он плывет
надклассовым сознаньем.
Мечтает он
об эллинских гостях,

Афиша выступления Маяковского по городам Союза в 1927 г.

о тогах,
о сандалиях в Рязани,
чтобы гекзаметром
сменилась
лефовца строфа,
чтобы Радимовы
скакали по дорожке,
и чтоб Радимов
был
не человек, а фавн,—
чтобы свирель,
набедренник
и рожки.
Конечно,
следует иметь в виду,—
у нас, мадам,
не все такие там.
Но эту я
передаю белиберду.
На ней
почти официальный штамп.
Велено
у ваших ног
положить
букеты и венок.
Венера,
окажите честь и счастье,
катите
в сны его
элладских дней ладью...
Ну,
будет!
Кончено с официальной частью.
Мадам,
адью!—
Ни улыбки,
ни привета с уст ее.
И пока
толпу очередную
загоняет Кук,

расстаемся
без рукопожатий
по причине полного отсутствия
рук.
Иду —
авто дудит в дуду.
Танцую — не иду.
Домой!
Внимателен
и нем
стою в моем окне.
Напротив окон
гладкий дом
горит стекольным льдом.
Горит над домом
букв жарá —
гараж.
Не гараж —
сам бог!
«Миль вуатюр,
дё сан бокс».
В переводе на простой:
«Тысяча вагонов,
двести стойл».
Товарищи!
Вы
видали Ройльса?
Ройльса,
который с ветром сросся?
А когда стоит —
кит.
И вот этого
автомобильного кита ж
подымают
на шестой этаж!
Ставши
уменьшеннее мышей,
тысяча машинных малышей
спит в объятиях
гаража-колòсса.

Ждут рули —
дорваться до руки.
И сияют алюминием колеса,
круглые,
как дураки.
И когда
опять
вдыхают на заре
воздух
миллионом
радиаторных ноздрей,
кто заставит
и какую дуру
нос вертеть
на Лувры и скульптуру?!
Автомобиль и Венера — старо́-с?
Пускай!
Поновее и АХРРов и роз.
Мещанская жизнь
не стала иной.
Тряхнем и мы футурстариной.
Товарищ Полонский!
Мы не позволим
любителям старых
дворянских манер
в лицо строителям
тыкать мозоли,
веками
натертые
у Венер.

[*1927*]

ГЛУПАЯ ИСТОРИЯ

В любом учрежденье,
куда ни препожалуйте,
слышен
ладоней скрип:
это
при помощи
рукопожатий
люди
разносят грипп.
Но бацилла
ни одна
не имеет права
лезть
на тебя
без визы Наркомздрава.
И над канцелярией
в простеночной теми
висит
объявление
следующей сути:
«Ввиду
эпидемии
руку
друг другу
зря не суйте».
А под плакатом —
помглавбуха,

робкий, как рябчик,
и вежливей пуха.
Прочел
чиновник
слова плакатца,
решил —
не жать:
на плакат полагаться.
Не умирать же!
И, как мышонок,
заерзал,
шурша
в этажах бумажонок.
И вдруг
начканц
учреждения оного
пришел
какой-то бумаги касательно.
Сует,
сообразно чинам подчиненного,
кому безымянный,
кому
указательный.
Ушла
в исходящий
душа помбуха.
И вдруг
над помбухом
в самое ухо:
— Товарищ...
как вас?
Неважно!
Здрасьте —
И ручка —
властней,
чем любимая в страсти.
«Рассказывайте
вашей тете,
что вы
и тут
рукú не пожмете.

Какой там принцип!
Мы служащие...
мы не принцы».
И палец
затем —
в ладони в обе,
забыв обо всем
и о микробе.
Знаком ли
товарищеский этот
жест вам?
Блаженство!
Назавтра помылся,
но было
поздно.
Помглавбуха —
уже гриппозный.
Сует
термометр
во все подмышки.
Тридцать восемь,
и даже лишки.
Бедняге
и врач
не помог ничем,
бедняга
в кроватку лег.
Бедняга
сгорел,
как горит
на свече
порхающий мотылек.

Я
в жизни
суровую школу прошел.
Я —
разным условностям
враг.

И жил он,
по-моему,
нехорошо,
и умер —
как дурак.

[*1927*]

ГОСПОДИН «НАРОДНЫЙ АРТИСТ»

Парижские «Последние новости» пишут: «Шаляпин пожертвовал священнику Георгию Спасскому на русских безработных в Париже 5000 франков. 1000 отдана бывшему морскому агенту, капитану 1-го ранга Дмитриеву, 1000 роздана Спасским лицам, ему знакомым, по его усмотрению, и 3000 — владыке митрополиту Евлогию».

Вынув бумажник из-под хвостика фрака,
добрейший
Федор Иваныч Шаляпин
на русских безработных
пять тысяч франков
бросил
на дно
поповской шляпы.
Ишь сердобольный,
как заботится!
Конешно,
плохо, если жмет безработица.
Но...
удивляют получающие пропитанье.
Почему
у безработных
званье капитанье?
Ведь не станет
лезть
морское капитанство

на завод труда
и в шахты пота.
Так чего же ждет
Евлогиева паства,
и какая
ей
нужна работа?
Вот если
за нынешней
грозою нотною
пойдет война
в орудийном аду —
шаляпинские безработные
живо
себе
работу найдут.
Впервые
тогда
комсомольская масса,
раскрыв
пробитые пулями уши,
сведет
знакомство
с шаляпинским басом
через бас
белогвардейских пушек.
Когда ж
полями,
кровью поли́тыми,
рабочие
бросят
руки и ноги,—
вспомним тогда
безработных митрополита
Евлогия.
Говорят,
артист —
большой ребенок.
Не знаю,
есть ли
у Шаляпина бонна.

Но если
        бонны
                нету с ним,
мы вместо бонны
                ему объясним.
Есть класс пролетариев
                        миллионногорбый
и те,
        кто покорен фаустовскому тельцу́.
На бой
        последний
                класса оба
сегодня
        сошлись
                лицом к лицу.
И песня,
        и стих —
                это бомба и знамя,
и голос певца
                подымает класс,
и тот,
        кто сегодня
                поет не с нами,
тот —
        против нас.
А тех,
        кто под ноги атакующим бросится,
с дороги
        уберет
                рабочий пинок.

С барина
        с белого
                сорвите, наркомпросцы,
народного артиста
                красный венок!

[*1927*]

ДЕЛА ВУЗНЫЕ, ХОРОШИЕ И КОНФУЗНЫЕ

1. ЖИВОТ НА АЛТАРЕ ОТЕЧЕСТВА

Вопит
за границей
газетный рой,
что летчик Линдберг —
герой!
Бездельник!
Из Нью-Йорка
в Париж
перелетел на пари.
Кто поверит?
Какие дети?
Где у него свидетель?
Я лично,
не будучи вовсе дитем,
не верю этой мороке.
Должно быть,
летел
коротким путем
да и отдыхал по дороге.
И вот
за какой-то там перелет
венками голову кроют.
Горячие люди!
А русские —
лед,
нельзя развернуться герою.

А в нашем Союзе,
если поскресть,
почище герои есть.
Возьмем Иванова.
Герой Вхутемаса.
Я
этим пари покорен:
он съел
в течение
получаса
пять фунтов макарон!
Пари без мошенства:
сиди и жри!
А сверху
стоит жюри.
Когда он
устал
от работы упорной
и ропот
в кишке
начался́,
жюри
стояло...
у дверей уборной
добрых
полчаса.
Уже
Иванов
в сомненье скорбит:
победа и честь —
или крах?
Вылазят глаза у него из орбит,
и страшен
рожи
распухший вид —
горит,
как солнце в горах.
Минута...
Скорей!
Замирает зал...

Герой
губою одной
последние
две макароны
всосал
и хлопнул
ложкой
о дно.
«Ура!» — орут
и север
и юг.
Пришли
представители прессы.
Снимают,
рисуют,
берут интервью,
на пузо
ставят компрессы.
«Ура!»
Победил российский спорт,
на вуз
не навел конфуза...
И каплет
на пол
кровавый пот
с его трудового
пуза.
Но я
хладнокровен к радости их.
Не разделяю пыл.
Что может вырасти
из вот таких?
Пьянчуги,
обжоры, попы?
А если
в тебе
азартная страсть,
ее
не к жратве вороти —
возьми на пари
и перекрась

пяток
рабочих квартир.
Не лопнешь ты
и не треснешь.
Полезнее
и интересней ж!
А то
и вуз
разложится весь,
с героем обжорки цацкаясь.
Пора
из наших вузов известь
такие нравы
бурсацкие.

2. ОГРОМНЫЕ МЕЛОЧИ

Не думай,
что всё,
чем живет Вхутемас,
проходит,
бездарностью тмясь.
Бывало,
сюда
в общежитие ткнись —
ноги
окурки ме́сят,
висит паутина
и вверх
и вниз...
Приди,
посмотри
и повесься!
А тут еще
плохие корма́ —
есенинский стих
и водка
и неудавшийся роман
с первой вертлявой молодкой.
И вот
ячейка ЛКСМ,

пройдя
по этому омуту,
объявляет
по вузу
всем —
конкурс
на лучшую комнату.
Помыли полы,
и скатерть на стол —
и дом
постепенно о̀жил,
и стало
«самоубийства гнездо»
радостью молодежи.

Боритесь
за чистый стол и стул!
Товарищи,
больше попыток
ввести
электричество и чистоту
в безрадостность нашего быта!

[*1927*]

СЛАВЯНСКИЙ ВОПРОС-ТО РЕШАЕТСЯ ПРОСТО

Крамарж, вождь чехословацкой Народной партии (фашистов) — главный враг признания СССР.

Я до путешествий
очень лаком.
Езжу Польшею,
по чехам,
по словакам.
Не вылажу здесь
из разговора вязкого
об исконном
братстве
племени славянского.
Целый день,
аж ухо вянет,
слышится:
«словянами»...
«словян»...
«словяне»...
Нежен чех.
Нежней чем овечка.
Нет
меж славян
нежней человечка:
дует пивечко
из добрых кружечек,

и все в уменьшительном:
«пивечко»...
«млечко»...
Будьте ласков,
пан Прохаско...
пан Ваничек...
пан Ружичек...
Отчего же
господин Крамарж
от славян
Москвы
впадает в раж?
Дело деликатнейшее,
понимаете ли вы,
как же на славян
не злобиться ему?
У него
славяне из Москвы
дачу
pooттяпали в Крыму.
Пан Крамарж,
на вашей даче,
в санатории,
лечатся теперь
и Ванечки
и Вани,
которые
пролетарии, конечно...
разные,
и в том числе славяне.

[*1927*]

ДА ИЛИ НЕТ?

Сегодня
пулей
наемной руки
застрелен
товарищ Войков.
Зажмите
горе
в зубах тугих,
волненье
скрутите стойко.
Мы требуем
точный
и ясный ответ,
без дипломатии,
гòло:
— Паны за убийцу?
Да или нет?—
И, если надо,
нужный ответ
мы выжмем,
взяв за горло.
Сегодня
взгляд наш
угрюм и кос,
и гневен
массовый оклик:
— Мы терпим Шанхай...
Стерпим Аркос...

И это стерпим?
Не много ли? —
Нам трудно
и тяжко,
не надо прикрас,
но им
не сломить стальных.
Мы ждем
на наших постах
приказ
рабоче-крестьянской страны.
Когда
взовьется
восстания стяг
и дым
борьбы
заклубится,
рабочие мира,
не дрогните, мстя
и на́нявшим
и убийцам!

[1927]

СЛУШАЙ, НАВОДЧИК!

Читаю...
Но буквы
казались
мрачнее, чем худший бред:
«Вчера
на варшавском вокзале
убит
советский полпред».
Паны воркуют.
Чистей голубицы!
— Не наша вина, мол... —
Подвиньтесь, паны́,
мы ищем тех,
кто рево́львер убийцы
наводит на нас
из-за вашей спины.
Не скроете наводчиков!
За шиворот молодчиков!
И видим:
на плитах,
что кровью намокли,
стоит
за спиной
Чемберлен в монокле.
И мы
тебе,
именитому лорду,

тебе
орем
в холеную морду:
— Смотри,
гроза подымается слева,
тебя
не спасет
бронированный щит.
Подняв
площадями
кипение гнева,
народ
стомильонный
от боли рычит.
Наш крик о мире —
не просьба слабых,
мы строить хотим
с усердьем двойным!
Но если
протянутся
ваши лапы
и нам
навяжут
ужас войны —
мы Войкова красное имя
и тыщи других
над собой
как знамя наше подымем
и выйдем
в решительный бой.

[*1927*]

НУ, ЧТО Ж!

Раскрыл я
с тихим шорохом
глаза страниц...
И потянуло
порохом
от всех границ.

Не вновь,
которым за́ двадцать,
в грозе расти.
Нам не с чего
радоваться,
но нечего
грустить.

Бурна вода истории.
Угрозы
и войну
мы взрежем
на просторе,
как режет
киль волну.

[*1927*]

ПРИЗЫВ

Теперь
к террору
от словесного сора —
перешло
правительство
британских тупиц:
на территорию
нашу
спущена свора
шпионов,
поджигателей,
бандитов,
убийц.
В ответ
на разгул
белогвардейской злобы
тверже
стой
на посту,
нога!
Смотри напряженно!
Смотри в оба!
Глаз на врага!
Рука на наган!
Наши
и склады,
и мосты,
и дороги.

Собственным,
кровным,
своим дорожа,
встаньте в караул,
бессонный и строгий,
сами
своей республики сторожа!
Таких
на охрану республике выставь,
чтоб отдали
последнее
биение и дых.
Ответь
на выстрел
молодчика-монархиста
сплоченностью
рабочих
и крестьян молодых!
Думай
о комсомоле
дни и недели!
Ряды
свои
оглядывай зорче.
Все ли
комсомольцы на самом деле?
Или
только
комсомольца корчат?
Товарищи,
опасность
вздымается справа.
Не доглядишь —
себя вини!
Спайкой,
стройкой,
выдержкой
и расправой
спущенной своре
шею сверни!

[*1927*]

ПРО ГОСТОРГ И КОШКУ, ПРО ВСЕХ ПОНЕМНОЖКУ[1]

ПОХОРОНЫ БЕЗВРЕМЕННО ПОГИБШИХ КОШЕК

Динь, динь, дон,
динь, динь, дон,
день кошачьих похорон.
Что за кошки —
восторг!
Заказал их Госторг.
Кошки мороженые,
в ящики положенные.
Госторг
вез, вез,
прошел мороз,
привезли к лету —
кошек и нету.
Рубликов на тыщу
привезли вонищу.
Зовут Курбатова,
от трудов горбатого.
— Нá тебе
на горб
дохлятины короб!
Нет такой дуры,
чтоб купила шкуры.
Подгнили они.

[1] Одна из многих рисуночных подписей. (*Прим. автора.*)

Иди, схорони! —
Динь, динь, дон,
динь, динь, дон,
все в грустях от похорон.
От утра
до темноты
плачут кошки и коты.
У червонцев
тоже
слеза на роже.
И один только рад
господин бюрократ.

Динь, динь, дон,
динь, динь, дон,
кто виновник похорон?

[*1927*]

ГОЛОС КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

В радио
белой Европы
лезьте,
топот и ропот:
это
грозит Москва
мстить
за товарища
вам.
Слушайте
голос Рыкова —
народ его голос выковал —
стомиллионный народ
вам
«Берегись!»
орет.
В уши
наймита и барина
лезьте слова Бухарина.
Это
мильон партийцев
слился,
чтоб вам противиться.
Крой,
чтоб корона гудела,
рабоче-крестьянская двойка.
Закончим,
доделаем дело,
за которое —
пал Войков.

[*1927*]

ОБЩЕЕ РУКОВОДСТВО ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ ПОДХАЛИМ

В любом учреждении
есть подхалим.
Живут подхалимы,
и неплохо им.
Подчас молодежи,
на них глядя,
хочется
устроиться —
как устроился дядя.
Но как
в доверие к начальству влезть?
Ответственного
не возьмешь на низкую лесть.
Например,
распахивать перед начальством
двери —
не к чему.
Начальство тебе не поверит,
не оценит
энергии
излишнюю трату —
подумает,
что это
ты —
по штату.

Или вот еще
способ
очень грубый:
трубить
начальству
в пионерские трубы.
Еще рассердится:
— Чего, мол, ради
ежесекундные
праздники
у нас
в отряде? —
Надо
льстить
умело и тонко.
Но откуда
тонкость
у подростка и ребенка?!
И мы,
желанием помочь палимы,
выпускаем
«Руководство
для молодого подхалимы».
Например,
начальство
делает доклад —
выкладывает канцелярской премудрости
клад.
Стакан
ко рту
поднесет рукой
и опять
докладывает час-другой.
И вдруг
вопль посредине доклада:
— Время
докладчику
ограничить надо! —
Тогда
ты,
сотрясая здание,

требуй:
— Слово
к порядку заседания!
Доклад —
звезда средь мрака и темени.
Требую
продолжать
без ограничения времени! —
И будь уверен —
за слова за эти
начальство запомнит тебя
и заметит.
Узнав,
что у начальства
сочинения есть,
спеши
печатный отчетишко прочесть.
При встрече
с начальством,
закатывая глазки,
скажи ему
голосом,
полным ласки:
— Прочел отчет.
Не отчет, а роман!
У вас
стихи бы
вышли задарма!
Скажите,
не вы ли
автор «Антидюринга»?
Тоже
написан
очень недурненько.—
Уверен будь —
за оценки за эти
и начальство
оценит тебя
и заметит.

Увидишь:
начальство
едет пьяненький
в казенной машине
и в дамской компанийке.
Пиши
в стенгазету,
возмущенный насквозь:
«Экономия экономии рознь.
Такую экономию —
высмейте смешком!
На что это похоже?!
Еле-еле
со службы
и на службу,
таскаясь пешком,
начканц
волочит свои портфели».
И ты
преуспеешь на жизненной сцене —
начальство
заметит тебя
и оценит.

А если
не хотите
быть подхалимой,
сами
себе
не зажимайте рот:
увидев
безобразие,
не проходите мимо
и поступайте
не по стиху,
а наоборот.
[*1927*]

КРЫМ

Хожу,
гляжу в окно ли я —
цветы
да небо синее,
то в нос тебе
магнолия,
то в глаз тебе
глициния.

На молоко
сменил
чай
в сияньи
лунных чар.
И днем
и ночью
на Чаир
вода
бежит, рыча.

Под страшной
стражей
волн-борцов
глубины вод гноят

повыброшенных
из дворцов
тритонов и наяд.

А во дворцах
другая жизнь:
насытясь
водной блажью,
иди, рабочий,
и ложись
в кровать
великокняжью.

Пылают горы-горны,
и море синеблузится.
Людей
ремонт ускоренный
в огромной
крымской кузнице.

[*1927*]

ТОВАРИЩ ИВАНОВ

Товарищ Иванов —
мужчина крепкий,
в штаты врос
покрепше репки.
Сидит
бессменно
у стула в оправе,
придерживаясь
на службе
следующих правил.
Подходит к телефону —
достоинство складкой.
— Кто спрашивает?
— Товарищ *тот!*
И сразу
рот
в улыбке сладкой —
как будто
у него
не рот, а торт.
Когда
начальство
рассказывает анекдот,
такой,
от которого
покраснел бы и дуб,—
Иванов смеется,
смеется, как никто,

хотя
от флюса
ноет зуб.
Спросишь мнение —
придет в смятеньице,
деликатно
отложит
до дня
до следующего,
а к следующему
узнаете
мненьице —
уважаемого
товарища заведующего.
Начальство
одно
смахнут, как пыльцу...
Какое
ему,
Иванову,
дело?
Он служит
так же
другому лицу,
его печёнке,
улыбке,
телу.
Напялит
на себя
начальственную маску,
начальственные привычки,
начальственный вид.
Начальство ласковое —
и он
ласков.
Начальство грубое —
и он грубит.
Увидя безобразие,
не протестует впустую.

Протест
замирает
в зубах тугих.
— Пускай, мол,
первыми
другие протестуют.
Что я, в самом деле,
лучше других? —
Тот —
уволен.
Этот —
сокращен.
Бессменно
одно
Ивановье рыльце.
Везде
и всюду
пролезет он,
подмыленный
скользким
подхалимским мыльцем.
Впрочем,
написанное
ни для кого не ново —
разве нет
у вас
такого Иванова?
Кричу
благим
(а не просто) матом,
глядя
на подобные истории:
— Где я?
В лонах
красных наркоматов
или
в дооктябрьской консистории?!

[*1927*]

ОТВЕТ НА «МЕЧТУ»

1. Мечта

Мороз повел суровым глазом,
с таким морозом быть греху,—
мое пальто подбито газом,
мое пальто не на меху.

Пускай, как тряпки, полы реют
и ноги пляшут тра-та-ты...
Одни мечты мне сердце греют —
такие знойные мечты!

Мороз. Врачом я скоро буду,
уж чую в воздухе банкет.
Я скоро-скоро позабуду
пору стипендий и анкет.

Нужды не будет и помину,
тогда пойдет совсем не то.
Уж скоро-скоро я покину
тебя, дырявое пальто!

Одену шубу подороже,
одену шляпу набекрень,
и в первый раз без всякой дрожи
я выйду в первый зимний день.

Затем — семейная картина.
Вернусь я вечером домой,
и будем греться у камина
вдвоем с молоденькой женой.

Я буду пользовать бесплатно
иль за гроши крестьянский люд.
Обедать буду аккуратно —
обед из трех приличных блюд.

А там... пойдут, как надо, детки.
Глядишь — я главврачом зовусь.
Окончат детки семилетку,
потом поступят детки в вуз.

Вузовец

2. Ответ

Что ж!
Напишу и я про то же.
Я
все мечтательное чту.
Мне хочется
слегка продолжить
поэта-вузовца «*м е ч т у*».

Вузовец вырос.
Уже главврачом.
Живет, как в раю,
не тужа ни о чем.
Супружницы ласки
роскошны и пылки.
Бифштексы к обеду —
каждому фунт.
На каждого —
пива по две бутылки.
У каждого —
пышная шуба в шкафу.
И дети,
придя
из различнейших школ,
играют,
к папаше воссев на брюшко...
Рабочий не сыт.
Крестьянин мрачен.
Полураздетая мерзнет страна.

Но светятся
счастьем
глазки главврачьи:
— Я сыт,
и дело мое —
сторона.—
И вдруг
начинают приказы взывать:
«Ничем
от войны
не могли схорониться.
Спешите
себя
мобилизовать,
враги обступают Советов границы».
Главврач прочитал
и солидную ногу
направил обратно
домой,
в берлогу.
— Авось
они
без меня отобьются.
Я —
обыватель
и жажду уютца.—
А белые прут.
Чего им лениться?!
И взяли за ворот
поэта больницы.
Товарищ главврач,
на мечтательность плюньте!
Пух
из перин
выпускают ножницы.
Жену
твою
усастый унтер

за кóсы
к себе
волочит в наложницы.
Лежит
плашмя
на пороге дочка.
Платок —
и кровь краснее платочка.
А где сынишка?
Высшую меру
суд
полевой
присудил пионеру.
Пошел
главврач
в лоскутном наряде
с папертей
с ихних
просить христа-ради.

Такой
уют
поджидает тех,
кто, бросив
бороться
за общее *лучше*,
себе самому
для своих утех
мечтает
создать
канарейный уютчик.
Вопрос
о личном счастье
не прост.
Когда
на республику
лезут громилы,
личное счастье —
это
рост

республики нашей
богатства и силы.
Сегодня
мир
живет на вулкане.
На что ж
мечты об уюте дали́сь?!
Устроимся все,
если в прошлое канет
проклятое слово
«капитализм».
[*1927*]

ПОЛЬША

Хотя
    по Варшаве
        ходят резво́,
ни шум не услышишь,
        ни спор,
одно звенит:
        офицерский звон
сабель,
    крестов
        и шпор.
Блестят
    позументы и галуны...
(как будто не жизнь,
        а балет!),
и сабля
    ясней молодой луны,
и золото эполет.
Перо у одних,
        у других тюльпан,
чтоб красило
        низкий лоб.
«Я, дескать, вельможный,
        я, дескать, пан,
я, дескать, не смерд,
        не холоп!»
Везде,
    исследуйте улиц тыщи,

малюсеньких
и здоровенных,—
идет гражданин,
а сзади —
сыщик,
а сзади —
пара военных.
Придешь поесть,
закажешь пустяк,
а сбоку
этакий пялится.
И ежишься ты,
глаза опустя,
и вилку
стиснули пальцы.
Других прейскурантов мерещится текст
и поле
над скатертью стираной.
Эх,
ткнуть бы
другую вилку в бифштекс —
вот в этот бифштекс
размундиренный!
Во мне
никакой кровожадности нет,
и я
до расправ не лаком,
но пользы нет
от их эполет
ни миру,
ни нам,
ни полякам!

Смотрю:
на границе,
на всякий случай,
пока
от безделья томясь,
проволока
лежит колючая

для наших штанов
и мяс.
А мы, товарищ?
Какого рожна
глазеем
с прохладцей с этакой?
До самых зубов
вооружена
у нас
под боком
соседка.

[*1927*]

ЧУГУННЫЕ ШТАНЫ

Саксонская площадь;
                    с площади плоской,
парадами пропылённой,
встает
      металлический
                    пан Понятовский —
маршал
        Наполеона.
Штанов нет.
            Жупан с плеч.
Конь
     с медным хвостом.
В правой руке
              у пана
                     меч,
направленный на восток.
Восток — это мы.
                 Восток — Украина,
деревни
        и хаты наши.
И вот
      обратить
               Украину
                       в руины
грозятся
         меч и маршал.

Нам
драться с вами —
нету причин,
мы —
братья польскому брату.
А будете лезть,
обломаем мечи
почище,
чем Бонапарту.
Не надо нам
вашего
ни волокна.
Пусть шлет вас
народ,
а не клика,—
и, сделайте милость,
пожалуйте к нам,
как член
Всесоюзного ЦИКа.
А если вы
спец
по военной беде,
под боком —
врагов орава,
ваш меч
оберните
на Бельведер,
градусов на девяносто
вправо.
Там маршал
и лошадь
с трубою хвоста
любого поляка
на русского
за то,
что русский
первым восстал,
оттуда
будут
науськивать.

Но в Польше
маршалов
мало теперь.
Трудящихся —
много больше,
и если
ты
за Польшу,
тебе
придется
с нами стоять теперь
вдвоем
против панской Польши.
А памятники
есть и у нас.
Это —
дело везения.
И брюки дадим
из чугуна-с;
заслужишь
и стой...
До видзения!

[*1927*]

СПЛОШНАЯ НЕДЕЛЯ

Бубнит
вселенная
в ухо нам,
тревогой напоена́:
идет война,
будет война,
война,
война,
война!
На минское поле,
как мухи на блюдце,
поляки,
летчики,
присели уже!
Говорят:
«заблудились!»—
небось не заблудятся,
не сядут
в Париже
на аэродром Бурже.
Едут
англичане
к финнам в гости,
пристань
провожает,
кишит твердолобыми.
Едут
не в поезде
с цилиндром да с тростью —

на броненосцах,
с минами,
с бомбами.
Румыния
тоже
не плохо бронирована.
Министрик
три миллиарда
ровно
спер
себе
и жене на наряды.
Если
три
миллиарда
уворовано,
то сколько ж
тратилось
у них
на снаряды?
Еще
готовятся,
пока —
не лезут,
пока
дипломатии
улыбка
тонка.
Но будет —
двинут
гром и железо,
танками
на хаты
и по станкам...
Круг сжимается
у́же и у́же.
Ближе,
ближе
в шпорах нога.

Товарищ,
готовься
во всеоружии
встретить
лезущего врага:
в противогаз —
проворный
и быстрый,
саблю выостри
и почисть наган.
Уже
эполеты
и шпоры надели
генералы
да бароны.
Жизнь,
от сегодня
будь «неделя» —
сплошная
«Неделя обороны».

[1927]

ПОСМОТРИМ САМИ, ПОКАЖЕМ ИМ

Рабочий Москвы,
ты видишь
везде:
в котлах —
асфальтное варево,
стропилы,
стук
и дым весь день,
и цены
сползают товаровы.
Союз расцветет
у полей в оправе,
с годами
разделаем в рай его.
Мы землю
завоевали
и правим,
чистя ее
и отстраивая.
Буржуи
тоже,
в кулак не свистя,
чихают
на наши ды́мы.
Знают,
что несколько лет спустя —
мы —
будем непобедимы.

Открыта
шпане
буржуев казна,
хотят,
чтоб заводчик пас нас.
Со всех сторон,
гулка и грозна,
идет
на Советы
опасность.
Сегодня
советской силы показ:
в ответ
на гнев чемберленский
в секунду
наденем
противогаз,
штыки рассияем в блеске.
Не думай,
чтоб займами
нас одарили.
Храни
республику
на свои гроши.
В ответ Чемберленам
взлетай, эскадрилья,
винтами
вражье небо кроши!

Страна у нас
мягка и добра,
но землю Советов —
не трогайте:
тому,
кто свободу придет отобрать,
сумеем
остричь
когти.

[*1927*]

ИВАН ИВАНОВИЧ ГОНОРАРЧИКОВ

(Заграничные газеты печатают
безыменный протест русских
писателей.)

Писатель
Иван Иваныч Гонорарчиков
правительство
советское
обвиняет в том,
что живет-де писатель
запечатанным ларчиком
и владеет
замо̀к
общензуренным ртом.
Еле
преодолевая
пивную одурь,
напевает,
склонясь
головой соло́вой:
— О дайте,
дайте мне свободу
сло̀ва.—
Я тоже
сделан
из писательского теста.
Действительно,
чего этой цензуре надо?

Присоединяю
голос
к писательскому протесту:
ознакомимся
с писательским
ларчиком-кладом!
Подойдем
к такому
демократично и ласково.
С чего начать?
Отодвинем
товарища
Лебедева-Полянского
и сорвем
с писательского рта
печать.
Руки вымоем
и вынем
содержимое.
В начале
ротика —
пара
советских анекдотиков.
Здесь же
сразу,
от слюней мокра́,
гордая фраза:
— Я —
демократ!—
За ней —
другая,
длинней, чем глиста:
— Подайте
тридцать червонцев с листа! —
Что зуб —
то светоч.
Зубовная гниль,
светит,
как светят
гнилушки-огни.

А когда
язык
приподняли робкий,
сидевший
в глотке
наподобие пробки,
вырвался
визг осатанелый:
— Ура Милюкову,
даешь Дарданеллы! —
И сразу
все заорали:
— Закройте-ка
недра
благоухающего ротика! —

Мы
цензурой
белые враки обводим,
чтоб никто
не мешал
словам о свободе.
Чем точить
демократические лясы,
обливаясь
чаями
до четвертого поту,
поможем
и словом
свободному классу,
силой
оберегающему
и строящему свободу.
И вдруг
мелькает
мысль-заря:
а может быть,
я
и рифмую зря?

Не эмигрант ли
грязный
из бороденки вшивой
вычесал
и этот
протестик фальшивый?!

[*1927*]

МУСКУЛ СВОЙ,
ДЫХАНИЕ
И ТЕЛО
ТРЕНИРУЙ С ПОЛЬЗОЙ
ДЛЯ ВОЕННОГО ДЕЛА

Никто не спорит:
летом
каждому
нужен спорт.
Но какой?
Зря помахивать
гирей и рукой?
Нет!
Не это!
С пользой проведи сегодняшнее лето.
Рубаху
в четыре пота промочив,
гол
загоняй
и ногой и лбом,
чтоб в будущем
бросать
разрывные мячи
в ответ
на град
белогвардейских бомб.
Нечего
мускулы
зря нагонять,

не нам
растить
«мужчин в соку».
Учись
вскочить
на лету на коня,
с плеча
учись
рубить на скаку.
Дача.
Комсомолки.
Сорок по Цельсию.
Стреляют
глазками
усастых проныр.
Комсомолка,
лучше
из нагана целься.
И думай:
перед тобой
лорды и паны́.
Жир
нарастает
тяжел и широк
на пышном лоне
канцелярского брюшка.
Служащий,
довольно.
Временный жирок
скидывай
в стрелковых кружках.
Знай
и французский
и английский бокс,
но не для того,
чтоб скулу
сворачивать вбок,
а для того,
чтоб, не боясь
ни штыков, ни пуль,

одному
обезоружить
целый патруль.
Если
любишь велосипед —
тоже
нечего
зря сопеть.
Помни,
на колесах
лучше, чем пеший,
доставишь в штаб
боевые депеши.
Развивай
дыханье,
мускулы,
тело
не для того,
чтоб зря
наращивать бицепс,
а чтоб крепить
оборону
и военное дело,
чтоб лучше
с белым биться.

[*1927*]

НАГЛЯДНОЕ ПОСОБИЕ

Вена.
Дрожит
от рева медного.
Пулями
лепит
пулеметный рокот...
Товарищи,
не забудем
этого
предметного
урока.
Просты
основания
этой были.
Все ясно.
Все чисто.
Фашисты,
конечно,
рабочих убили,—
рабочие
бросились на фашистов.
Кровью
черных
земля мокра,
на победу
растим надежду!
Но
за социал-демократом
социал-демократ

с речами
встали
между.
— Так, мол, и так,
рабочие,
братцы...—
стелятся
мягкими коврчиками.
— Бросьте забастовку,
бросьте драться,
уладим
все
разговорчиками.—
Пока
уговаривали,
в окраинные улицы
вступали
фашистские войска,—
и вновь
револьверное дульце
нависло
у рабочего виска.
57 гробов,
а в гробах —
убитые пулями
черных рубах.
Каждый театр
набит и открыт
по приказу
бургомистра,
эсдека Зейца,
Дескать,
под этот
рабочий рыд
лучше
еще
оперетты глазеются.
Партер
сияет,
весел и чист,

и ты,
галерочник,
смотри и учись.
Когда
перед тобою
встают фашисты,
обезоруженным
не окажись ты.
Нечего
слушать
рулады
пенья эсдечьего.
Во всех
уголках
земного шара
рабочий лозунг
будь таков:
разговаривай
с фашистами
языком пожаров,
словами пуль,
остротами штыков.

[1927]

«КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»

Комсомольцев —
два миллиона.
А тираж?
На сотне тысяч замерз
и не множится.
Где же
организация
и размах наш?
Это ж
получаются
ножницы.
Что же
остальные
миллион девятьсот?
Читают,
воздерживаясь от выписки?
Считают,
упершись
в небесный свод,
звезды?
Или
читают вывески?
Газета —
это
не чтенье от скуки;
газетой
с республики
грязь скребете;

газета —
наши глаза
и руки,
помощь
ежедневная
в ежедневной работе.
Война
глядит
из пушечных жерл,
буржуи
раскидывают
хитрые сети.
Комсомольцы,
будьте настороже,
следите
за миром
по нашей газете.
Мало
в газете
читать статьи,—
подходи
с боков иных.
Помогай
листам
к молодежи дойти,
агитируй,
объясняй,
перепечатывай в стенных.
Вопросы
и трудные,
и веселые,
и скользкие,
и в дни труда
и в дни парадов —
ставила,
вела
и разрешала
«Комсомольская
правда».
Товарищи Вани,
товарищи Маши,

Маяковский в Ленинградском Малом оперном театре во время подготовки спектакля «Двадцать пятое». 1927 г.

газета —
ближайшая
ваша
родня.
Делайте
дело
собственное
ваше,
лишний
номер
распространяя.
Все —
от городов краснотрубых
до самой деревушки
глухой и дальней,
все ячейки
и все клубы,
комкомитеты,
избы-читальни,
вербуйте
новых
подписчиков тыщи-ка,
тиражу,
как собственному
росту,
рады,
каждый комсомолец,
стань
подписчиком
«Комсомольской правды»!

[*1927*]

ПИВО И СОЦИАЛИЗМ

Блюет напившийся.
Склонился ивой.
Вулканятся кружки,
пену пéпля.
Над кружками
надпись:
«Раки
и пиво
завода имени Бебеля».
Хорошая шутка!
Недурно сострена́!
Одно обидно
до боли в печени,
что Бебеля нет,—
не видит старина,
какой он
у нас
знаменитый
и увековеченный.
В предвкушении
грядущих
пьяных аварий
вас
показывали б детям,
чтоб каждый вник:
— Вот
король некоронованный
жидких баварий,

знаменитый
марксист-пивник.—
Годок еще
будет
временем слизан —
рассеются
о Бебеле
биографические враки.
Для вас, мол,
Бебель—
«Женщина и социализм»,
а для нас —
пиво и раки.
Жены
работающих
на ближнем заводе
уже
о мужьях
твердят стоусто:
— Ироды!
с Бебелем дружбу водят.
Чтоб этому
Бебелю
было пусто! —
В грязь,
как в лучшую
из кроватных мéбелей,
человек
улегся
под домовьи леса,—
и уже
не говорят про него —
«на-зю-зю-кался»,
а говорят —
«на-бе-бе-лился».
Еще б
водчонку
имени Энгельса,
под
имени Лассаля блины,—

и Маркс
не придумал бы
лучшей доли!
Что вы, товарищи,
бе-белены
объелись,
что ли?
Товарищ,
в мозгах
просьбишку вычекань,
да так,
чтоб не стерлась,
и век прождя:
брось привычку
(глупая привычка!) —
приплетать
ко всему
фамилию вождя.
Думаю,
что надпись
надолго сохраните:
на таких мозгах
она —
как на граните.

[*1927*]

ГЕВЛОК ВИЛЬСОН

Товарищ,
вдаль
за моря запусти
свое
пролетарское око!
Тебе
Вильсона покажет стих,
по имени —
Гевло́ка.
Вильсон
представляет
союз моряков.
Смотрите, владыка моря каков.
Прежде чем
водным лидером сделаться,
он дрался
с бандами
судовладельцев.
Дрался, правда,
не очень шибко,
чтоб в будущем
драку
признать ошибкой.
Прошла
постепенно
молодость лет.
Прежнего пыла
нет как нет!

И Вильсон
в новом
сиянии
рабочим явился.
На пост
председательский
Вильсон воссел.
Покоятся
в креслах ляжки.
И стал он
союз
продавать
во все
тяжкие.
Английских матросов
он шлет воевать:
— Вперед,
за купцову прибыль! —
Он слал
матросов
на минах взрывать,—
и шли
корабли
под кипящую водь,
и жрали
матросов
рыбы.
Текут миллиарды
в карманы купцовы.
Купцовы морды
от счастья пунцовы.
Когда же
матрос,
обляпан в заплаты,
пришел
за парой грошей —
ему
урезали
хвост от зарплаты
и выставили
взашей.

Матрос изумился:
— Ловко!
Пойду
на них
забастовкой.—
К Вильсону —
о стачке рядиться.
А тот —
говорит о традициях!
— Мы
мирное счастье выкуем,
а стачка —
дело дикое.—
Когда же
все,
что стояло в споре,
и мелкие стычки,
и драчки,
разлились
в одно
огромное море
всеобщей
великой стачки —
Гевлок
забастовку оную
решил
объявить незаконною.
Не сдерживая
лакейский зуд,
чтоб стачка
жиреть не мешала бы,
на собственных рабочих
в суд
Вильсон
обратился с жалобой!
Не сыщешь
аж до Тимбу́кту
такого
второго фрукта!

Не вечно
вождям
союзных растяп
держать
в хозяйских хле́вах.
Мы знаем,
что ежедневно
растет
крыло
матросов левых.
Мы верим —
скоро
английский моряк
подымется,
даже на водах горя,
чтоб с шеи союза
смылся
мистер
Гевлок Ви́льсон.

[*1927*]

ЧУДЕСА!

Как днище бочки,
правильным диском
стояла
луна
над дворцом Ливадийским.
Взошла над землей
и пошла заливать ее,
и льется на море,
на мир,
на Ливадию.
В царевых дворцах —
мужики-санаторники.
Луна, как дура,
почти в исступлении,
глядят
глаза
блинорожия плоского
в афишу на стенах дворца:
«Во вторник
выступление
товарища Маяковского».
Сам самодержец,
здесь же,
рядом,
гонял по залам
и по биллиардам.

И вот,
где Романов
дулся с маркёрами,
шары
ложá
под свитское ржание,
читаю я
крестьянам
о форме
стихов —
и о содержании.
Звонок.
Луна
отодвинулась тусклая,
и я,
в электричестве,
стою на эстраде.
Сидят предо мною
рязанские,
тульские,
почесывают бороды русские,
ерошат пальцами
русые пряди.
Их лица ясны,
яснее, чем блюдце,
где надо — хмуреют,
где надо —
смеются.
Пусть тот,
кто Советам
на знает цéну,
со мною станет
от радости пьяным:
где можно
еще
читать во дворце —
что?
Стихи!
Кому?
Крестьянам!

Такую страну
и сравнивать не с чем,—
где еще
мыслимы
подобные вещи?!
И думаю я
обо всем,
как о чуде.
Такое настало,
а что еще будет!
Вижу:
выходят
после лекции
два мужика
слоновьей комплекции.
Уселись
вдвоем
под стеклянный шар,
и первый
второму
заметил:
— Мишка,
оченно хороша —
эта
последняя
была рифмишка.—

И долго еще
гудят ливадийцы
на желтых дорожках,
у синей водицы.

[*1927*]

МАРУСЯ ОТРАВИЛАСЬ

> Вечером после работы этот комсомолец уже не ваш товарищ. Вы не называйте его Борей, а, подделываясь под гнусавый французский акцент, должны называть его «Боб»...
>
> *«Комс. правда»*

> В Ленинграде девушка-работница отравилась, потому что у нее не было лакированных туфель, точно таких же, какие носила ее подруга Таня...
>
> *«Комс. правда»*

Из тучки месяц вылез,
молоденький такой...
Маруська отравилась,
везут в прием-покой.
Понравился Маруське
один
 с недавних пор:
нафабренные усики,
расчесанный пробор.
Он был
 монтером Ваней,
но...
 в духе парижан,
себе
 присвоил званье:
«электротехник Жан».
Он говорил ей часто

одну и ту же речь:
— Ужасное мещанство —
невинность
зря
беречь.—
Сошлись и погуляли,
и хмурит
Жан
лицо,—
нашел он,
что
у Ляли
красивше бельецо.
Марусе разнесчастной
сказал, как джентльмен:
— Ужасное мещанство —
семейный
этот
плен.—
Он с ней
расстался
ровно
через пятнадцать дней,
за то,
что лакированных
нет туфелек у ней.
На туфли
денег надо,
а денег
нет и так...
Себе
Маруся
яду
купила
на пятак.
Короткой
жизни
точка.
— Смер-тель-ный
я-яд
испит...

В малиновом платочке
в гробу
        Маруся
                спит.
Развылся ветер гадкий.
На вечер,
        ветру в лад,
в ячейке
        об упадке
поставили
        доклад.

ПОЧЕМУ?

В сердце
        без лесенки
лезут
        эти песенки.
Где родина
        этих
                бездарных романсов?
Там,
        где белые
                лаются моською?
Нет!
        Эту песню
                родила масса —
наша
        комсомольская.
Легко
        врага
                продырявить наганом.
Или —
        голову с плеч,
                и саблю вытри.
А как
        сейчас
                нащупать врага нам?
Таится.
        Хитрый!

Во что б ни обулись,
что б ни надели —
обноски
буржуев
у нас на теле.
И нет
тебе
пути-прямика.
Нашей
культуришке
без году неделя,
а ихней —
века!
И растут
черные
дурни
и дуры,
ничем не защищенные
от барахла культуры.
На улицу вышел —
глаза разопри!
В каждой витрине
буржуевы обноски:
какая-нибудь
шляпа
с пером «распри»,
и туфли
показывают
лакированные носики.
Простенькую
блузу нам
и надеть конфузно.
На улицах,
под руководством
Гарри Пилей,
расставило
сети
Совкино,—
от нашей
сегодняшней
трудной были

уносит
к жизни к иной.
Там
ни единого
ни Ваньки,
ни Пети,
одни
Жанны,
одни
Кэти.
Толча комплименты,
как воду в ступке,
люди
совершают
благородные поступки.
Всё
бароны,
графы — всё,
живут
по разным
роскошным городам,
ограбят
и скажут:
— Мерси, мусье,—

изнасилуют
и скажут:
— Пардон, мадам —
На ленте
каждая —
графиня минимум.
Перо в шляпу
да серьги в уши.
Куда же
сравниться
с такими графинями
заводской
Феклуше да Марфуше?
И мальчики
пачками
стреляют за нэпачками.

Нравятся
мальчикам
в маникюре пальчики.
Играют
этим пальчиком
нэпачки
на рояльчике.
А сунешься в клуб —
речь рвотная.
Чешут
языками
чиновноустые.
Раз международное,
два международное,
но нельзя же до бесчувствия!
Напротив клуба
дверь пивнушки.
Веселье,
грохот,
как будто пушки!
Старается
разная
музыкальная челядь
пианинить
и виолончелить.
Входите, товарищи,
зайдите, подружечки,
выпейте,
пожалуйста,
по пенной кружечке!

Ч т о?

Крою
пиво пенное,—
только что вам
с этого?!
Что даю взамен я?
Что вам посоветовать?

Хорошо
и целоваться,
и вино.
Но...
вино и поэзия,
и если
ее
хоть раз
по-настоящему
испили рты,
ее
не заменит
никакое питье,
никакие пива,
никакие спирты.
Помни
ежедневно,
что ты
зодчий
и новых отношений
и новых любовей,—
и станет
ерундовым
любовный эпизодчик
какой-нибудь Любы
к любому Вове.
Можно и кепки,
можно и шляпы,
можно
и перчатки надеть на лапы.
Но нет
на свете
прекрасней одежи,
чем бронза мускулов
и свежесть кожи.
И если
подыметесь
чисты́ и стройны́,
любую
одежу
заказывайте Москвошвею,

и...
лучшие
девушки
нашей страны
сами
бросятся
вам на шею.

[*1927*]

ПИСЬМО К ЛЮБИМОЙ МОЛЧАНОВА, БРОШЕННОЙ ИМ,

КАК О ТОМ СООБЩАЕТСЯ В № 219 «КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЫ» В СТИХЕ ПО ИМЕНИ «СВИДАНИЕ»

Слышал —
вас Молчанов бросил,
будто
он
предпринял это,
видя,
что у вас
под осень
нет
«изячного» жакета.
На косынку
цвета синьки
смотрит он
и цедит еле:
— Что вы
ходите в косынке?
да и...
мордой постарели?
Мне
пожалте
грудь тугую.
Ну,
а если
нету этаких...

Мы найдем себе другую
в разызысканной жакетке.—
Припомадясь
и прикрасясь,
эту
гадость
влившн в стих,
хочет
он
марксистский базис
под жакетку
подвести.
«За боль годов,
за все невзгоды
глухим сомнениям не быть!
Под этим мирным небосводом
хочу смеяться
и любить».
Сказано веско.
Посмотрите, дескать:
шел я верхом,
шел я низом,
строил
мост в социализм,
недостроил
и устал
и уселся
у моста́.
Травка
выросла
у мо́ста,
по мосту́
идут овечки,
мы желаем
— очень просто! —
отдохнуть
у этой речки.
Заверните ваше знамя!
Перед нами
ясность вод,

в бок —
цветочки,
а над нами —
мирный-мирный небосвод.

Брошенная,
не бойтесь красивого слога
поэта,
музой венча́нного!
Просто
и строго
ответьте
на лиру Молчанова:
— Прекратите ваши трели!
Я не знаю,
я стара ли,
но вы,
Молчанов,
постарели,
вы
и ваши пасторали.
Знаю я —
в жакетах в этих
на Петровке
бабья банда.
Эти
польские жакетки
к нам
провозят
контрабандой.
Чем, служа
у муз
по найму,
на мое
тряпье
коситься,
вы б
индустриальным займом
помогли
рожденью
ситцев.

Череп,
        што ль,
                пустеет чаном,
выбил
        мысли
                грохот лирный?
Это где же
                вы,
                    Молчанов,
небосвод
            узрели
                    мирный?
В гущу
        ваших ро́здыхов,
под цветочки,
                    на́ реку
заграничным воздухом
не доносит гарьку?
Или
    за любовной блажью
не видать
            угрозу вражью?

Литературная шатия,
успокойте ваши нервы,
отойдите —
                вы мешаете
мобилизациям и маневрам.

[*1927*]

«АНГЛИЧАНКА МУТИТ»

Сложны
и путаны
пути политики.
Стоя
на каждом пути,
любою каверзой
в любом видике
англичанка мутит.
В каждой газете
стоит картинка:
на шее у Бриана
туша Детердинга.
Зол и рьян
мусье Бриан,
орет благим,
истошным матом:
«Раковский,
Раковского,
Раковскому уйти!
Он
никакая
не персона грата»,—
это
Бриана
англичанка мутит.
И если
спокойные китайцы

в трюмах
и между котлами
на наших матросов
кидаются
с арестами
и кандалами,
цепь,
на один мотив гуди:
китайца мозги
англичанка мутит.
Если держим
наготове помпы
на случай
фабричных
поджогов и пожаров
и если
целит револьверы и бомбы
в нас
половина земного шара —
это в секреты,
в дела и в бумаги
носище сует
английский а́гент,
контрразведчик
ему
титул,
его
деньгой
англичанка мутит.
Не простая англичанка —
богатая барыня.
Вокруг англичанки
лакеи-парни.
Простых рабочих
не допускают
на хозяйские очи.
Лидер-лакей
услуживает ей.
Ходят Макдональды
вокруг англичанки,

головы у них —
как пустые чайники.
Лакей
подает
то кофею, то чаю,
тычет
подносы
хозяйке по́д нос.
На вопросы барыньки
они отвечают:
— Как вам, барыня, будет угодно-с.—

Да нас
не смутишь —
и год мутив.
На всех маневрах
в марширующих ротах
слышу
один и тот же мотив:
«Англичанка,
легче на поворотах!»

[1927]

РАПОРТ ПРОФСОЮЗОВ

Прожив года
                    и голодные и ярые,
подытоживая десять лет,
рапортуют
                полтора миллиона пролетариев,
подняв
          над головою
                          профсоюзный билет:
— Голосом,
                    осевшим от железной пыли,
рабочему классу
                        клянемся в том,
что мы
          по-прежнему
                          будем, как были,—
октябрьской диктатуры
                              спинным хребтом.
Среди
        лесов бесконечного ле́са,
где строится страна
                          или ставят заплаты,
мы
    будем
          беречь
                  рабочие интересы —
колдоговор,
                жилье
                      и зарплату.

Нам
денег
не дадут
застраивать пустыри,
у банкиров
к нам
понятный холод.
Мы
сами
выкуем
сталь индустрии,
жизнь переведя
на машинный ход.
Мы
будем
республику
отстраивать и строгать,
но в особенности —
утроим,
перед лицом наступающего врага,
силу
обороноспособности.
И если
о новых
наступающих баронах
пронесется
над республикой
кровавая весть,
на вопрос республики:
— Готовы к обороне? —
полтора миллиона ответят:
— Есть! —

[*1927*]

«МАССАМ НЕПОНЯТНО»

Между писателем
и читателем
стоят посредники,
и вкус
у посредника
самый средненький.
Этаких
средненьких
из посреднической рати
тыща
и в критиках
и в редакторате.
Куда бы
мысль твоя
ни скакала,
этот
все
озирает сонно:
— Я
человек
другого закала.
Помню, как сейчас,
в стихах
у Надсона...
Рабочий
не любит
строчек коротеньких.

А еще
посредников
кроет Асеев.
А знаки препинания?
Точка —
как родинка.
Вы
стих украшаете,
точки рассеяв.
Товарищ Маяковский,
писали б ямбом,
двугривенный
на строчку
прибавил вам бы.—
Расскажет
несколько
средневековых легенд,
объяснение
часа на четыре затянет,
и ко всему
присказывает
унылый интеллигент:
— Вас
не понимают
рабочие и крестьяне.—
Сникает
автор
от сознания вины.
А этот самый
критик влиятельный
крестьянина
видел
только до войны,
при покупке
на даче
ножки телятины.
А рабочих
и того менее —
случайно
двух
во время наводнения.

Глядели
с моста
на места и картины,
на разлив,
на плывущие льдины.
Критик
обошел умиленно
двух представителей
из десяти миллионов.
Ничего особенного —
руки и груди...
Люди — как люди!
А вечером
за чаем
сидел и хвастал:
— Я вот
знаю
рабочий класс-то.
Я
душу
прочел
за их молчанием —
ни упадка,
ни отчаяния.
Кто может
читаться
в этаком классе?
Только Гоголь,
только классик.
А крестьянство?
Тоже.
Никак не иначе.
Как сейчас, помню —
весною, на даче...—
Этакие разговорчики
у литераторов
у нас
часто
заменяют
знание масс.

И идут
дореволюционного образца
творения слова,
кисти
и резца.
И в массу
плывет
интеллигентский дар —
грезы,
розы
и звон гитар.
Прошу
писателей,
с перепугу бледных,
бросить
высюсюкивать
стихи для бедных.
Понимает
ведущий класс
и искусство
не хуже вас.
Культуру
высокую
в массы двигай!
Такую,
как и прочим.
Нужна
и понятна
хорошая книга —
и вам,
и мне,
и крестьянам,
и рабочим.

[*1927*]

РАЗМЫШЛЕНИЯ О МОЛЧАНОВЕ ИВАНЕ И О ПОЭЗИИ

Я взял газету
и лег на диван.
Читаю:
«Скучает
Молчанов Иван».
Не скрою, Ванечка:
скушно и нам.
И ваши стишонки —
скуки вина.
Десятый Октябрь
у всех на носу,
а вы
ухватились
за чью-то косу.
Любите
и Машу
и косы ейные.
Это
ваше
дело семейное.
Но что нам за толк
от вашей
от бабы?!
Получше
стишки
писали хотя бы.
Но плох ваш роман.
И стих неказист.

Вот так
любил бы
любой гимназист.
Вы нам обещаете,
скушный Ваня,
на случай нужды
пойти, барабаня.
Де, будет
туман.
И отверзнете рот
на весь
на туман
заорете:
— Вперед! —
Де,
— выше взвивайте
красное знамя!
Вперед, переплетчики,
а я —
за вами.—
Орать
«Караул!»,
попавши в туман?
На это
не надо
большого ума.
Сегодняшний
день
возвеличить вам ли,
в хвосте
у событий
о девушках мямля?!
Поэт
настоящий
вздувает
заранее
из искры
неясной —
ясное знание.

[*1927*]

ПОНЕДЕЛЬНИК—СУББОТНИК

Выходи,
разголося́
песни,
смех
и галдеж,
партийный
и беспартийный —
вся
рабочая молодежь!
Дойди,
комсомольской колонны вершина,
до места —
самого сорного.
Что б не было
ни одной
беспризорной машины,
ни одного
мальчугана беспризорного!
С этого
понедельника
ни одного бездельника,
и воскресение
и суббота
понедельничная работа.
Чините
пути
на субботнике!

Грузите
вагоны порожненькие!
Сегодня —
все плотники,
все
железнодорожники.
Бодрей
в ряды,
молодежь
комсомола,
киркой орудующего.
Сегодня
новый
кладешь
камень
в здание будущего.

[*1927*]

АВТОБУСОМ ПО МОСКВЕ

Десять прошло.
Понимаете?
Десять!
Как же ж
поэтам не стараться?
Как
на театре
актерам не чудесить?
Как
не литься
лавой демонстраций?
Десять лет —
сразу не минуют.
Десять лет —
ужасно много!
А мы
вспоминаем
любую из минут.
С каждой
минутой
шагали в ногу.

Кто не помнит только
переулок
Орликов?!
В семнадцатом
из Орликова
выпускали голенькова.

А теперь
задираю голову мою
на Запад
и на Восток,
на Север
и на Юг.
Солнцами
окон
сияет Госторг,
Ваня
и Вася —
иди,
одевайся!

Полдома
на Тверской
(Газетного угол).
Всю ночь
и день-деньской —
сквозь окошки
вьюга.
Этот дом
пустой
орал
на всех:
— Гражданин,
стой!
Руки вверх! —
Не послушал окрика,—
от тебя —
мокренько.
Дом —
теперь:
огня игра.
Подходи хоть ночью ты!
Тут
тебе
телеграф —
сбоку почты.

Влю-
блен
весь-
ма —
вмес-
то
пись-
ма
к милке
прямо
шли телеграммы.

На Кузнецком
на мосту,
где дома
сейчас
растут,—
помню,
было:
пала
кобыла,
а толпа
над дохлой
голодная
охала.
А теперь
магазин
горит
для разинь.
Ваня
наряден.
Идет,
и губа его
вся
в шоколаде
с фабрики Бабаева.

Вечером
и поутру,
с трубами
и без труб —

подымал
невозможный труд
улиц
разрушенных
труп.
Под скромностью
ложной
радость не тая,
ору
с победителями
голода и тьмы:
— Это —
я!
Это —
мы!

[*1927*]

БЫЛО — ЕСТЬ

Все хочу обнять,
да не хватит пыла, —
куда
ни вздумаешь
глазом повесть,
везде вспоминаешь
то, что было,
и то,
что есть.
От издевки
от царёвой
глаз
России
был зарёван.
Мы
прогнали государя,
по шеям
слегка
ударя.
И идет по свету,
и гудит по свету,
что есть
страна,
а начальствов нету.
Что нарóд
трудовой
на земле
на этой

правит сам собой
сквозь свои советы.
Полицейским вынянчен
старый строй,
а нынче —
описать аж
не с кого
рожу полицейского.
Где мат
гудел,
где свисток сипел,
теперь —
развежливая
«снегирей» манера.
Мы —
милиционеры.
Баки паклей,
глазки колки,
чин
чиновной рати.
Был он
хоть и в треуголке,
но дурак
в квадрате.
И в быт
в новенький
лезут
чиновники.
Номерам
не век низаться,
и не век
бумажный гнет!
Гонит
их
организация,
гнет НОТ.
Ложилась
тень
на все века
от паука-крестовика.

А где
сегодня
чиновники вер?
Ни чиновников,
ни молелен.
Дети играют,
цветет сквер,
а посредине —
Ленин.
Кровь
крестьян
кулак лакал,
нынче
сдох от скуки ж,
и теперь
из кулака
стал он
просто — кукиш.
Девки
и парни,
помните о барине?
Убежал
помещик,
раскидавши вещи.
Наши теперь
яровые и озимь.
Сшито
село
на другой фасон.
Идет коллективом,
гудит колхозом,
плюет
на кобылу
пылкий фордзон.
Ну,
а где же фабрикант?
Унесла
времен река.
Лишь
когда
на шарж заглянете,

вспомните
о фабриканте.
А фабрика
по-новому
железа ва́рит.
Потеет директор,
гудит завком.
Свободный рабочий
льет товары
в котел республики
полным совком.

[*1927*]

ГИМНАЗИСТ ИЛИ СТРОИТЕЛЬ

Были
у папочки
дети —
гимназистики.
На фуражке-шапочке —
серебряные листики.
В гимназию —
рысью.
Голова —
турнепсом.
Грузит
белобрысую —
латынью,
эпосом.
Вбивают
грамматику
в голову-дуру,
мате-ма-тику
и
литературу:
«Пифагоровы штаны
на все стороны равны...»
«Алексей,
Гордей,
Сергей,
Глеб,
Матвей
да Еремей...»

Зубрят
Иловайских,
приклеив к носу,
про Барбароссов
и
про Каноссу.
От новых
переносятся
к старым векам,
перелистывают
справа налево;
дескать,
был
мусью Адам,
и была
мадам Ева.
В ухо —
как вода,
из уха —
как водица,
то,
что никогда
и никому не пригодится.
В башку
втемяшивают,
годы тратя:
«Не лепо ли
бяше,
братие...»
Бублики-нули.
Единицы ле́са...
А сын
твердит,
дрожа осиной:
«Пой,
о богиня,
про гнев
Ахиллеса,
Пелеева сына».

Зубрит —
8 лет! —
чтобы ему дорасти
до зрелости
и
до премудрости.
Получит
гимназистик
аттестат-листик.
От радости —
светится,
напьется, как медведица.
Листик
взяв,
положит
в шкаф,
и лежит
в целости
аттестат зрелости.
И сказки
про ангелов,
которых нет,
и все,
что задавали
— до и от —
и все,
что зубрили
восемь лет, —
старательно
забывают
в один год.
И если
и пишет
— ученый и прыткий, —
то к тете,
и только
поздравительные открытки.
Бывшие гимназисты —
в дороге,
в и́збранной,

кому
понадобился
вздор развызубренный?!

Наши
не сопели
ни по каким гимназиям,
учились
ощупью,
по жизни лазая,
веря
в силу
единственной науки —
той,
что облегчает
человечие руки.
Дисциплина машин,
электричество,
пар
учат
не хуже
учебников и парт.

Комса́
на фабрике
«Красная нить»
решила
по-новому
нитки вить.
Ночами
она
сидит над вопросом:
как лучше
укладывать
нитки по гроссам?
Что сделать,
чтоб ящики
с ниткой этой

текли
по станку
непрерывной лентой?
На что
по селам
спрос настоящий —
большой продавать
или маленький ящик?
С трудом
полководя
чисел оравою,
считают
и чертят
рукою корявой.
Зубами
стараются
в гранит вгрызаться,
в самую
в «раци-
онализацию».
И вот,
в результате
грызенья гранита —
работы меньше
и
больше ниток.
Аж сам
на комсомолию эту
серебряным
глазом,
моргая сквозь смету,
глядит
пораженный
рубль сбереженный.
Остались
от старого
ножки да рожки,
но и сейчас
встречается дядя

такой,
который
в глупой зубрежке
науки
без толку
долбит, как дятел.
Книга — книгой,
а мозгами
двигай.
Отжившие
навыки
выгони, выстегав.
Старье —
отвяжись!
Долой
советских гимназистиков!
Больше —
строящих
живую жизнь!

[*1927*]

БАКУ

I

Объевшись рыбачьими шхунами до́сыта,
Каспийское море
пьяно от норд-оста.
На берегу —
волна неуклюжа
и сразу
ложится
недвижимой лужей.
На лужах
и грязи,
берег покрывшей,
в труде копошится
Баку плоскокрыший.
Песчаная почва
чахотит деревья,
норд-ост шатает, веточки выстегав.
На всех бульварах,
под башней Девьей,
каких-нибудь
штук восемнадцать листиков.
Стой
и нефть таскай из песка —
тоска!
Что надо
в этом Баку
Детерди́нгу?

Он может
купить
не Баку —
а картинку.
Он может
купить
половину Сицилии
(как спички
в лавке
не раз покупали мы).
Ему
сицилийки не нравятся?
Или
природа плохая?
Финики, пальмы!
Не уговоришь его,
как ни усердствуй.
Сошло
с Детерди́нга
английское сэрство.
И сэр
такой испускает рык,
какой
испускать
лабазник привык:
— На кой они хрен мне,
финики эти?!
Нефти хочу!
Н е ф т и!!!

II

Это что ж за такая за нефть?
Что за вещь за такая
паршивая,
если, презрев
сицилийских дев,
сам Детердинг,
осатанев,

стал
печатать
червонцы фальшивые?
Сила нефти:
в грядущем бреду,
если сорвется
война с якорей,
те,
кто на нефти,
с эскадрой придут
к вражьему берегу
вдвое скорей.
С нефтью
не страшны водные рвы.
Через волну
в океанском танце
на броненосце
несетесь вы —
прямо
и мимо угольных станций.
Уголь
чертит опасности имя,
трубы эскадры задравши ввысь.
Нефть —
это значит:
тих и бездымен
у берегов
внезапно явись.
Лошадь што?!
От старья останки.
Дом обходит,
вязнет в низине...
Нефть —
это значит,
что тракторы,
танки —
аж на рожон
попрут на бензине.
Нефть —
это значит:
усядься роскошно,

аэрокрылья расставив врозь.
С чистого неба
черным коршуном
наземь
бомбу смертельную брось.
Это
мильонщиком стал оголец,
если
фонтан забьет, бушуя.
Нефть —
это то,
за что горлец
друг другу выгрызут
два буржуя.
Нефть —
это значит:
сильных не гневайте!
Пожалте, колонии,—
в пасть влазьте!
Нефть —
это значит:
владыка нефти —
владелец морей
и держатель власти.
Значит,
вот почему Детердингу
дайте нефть
и не надо картинку!
Вот почему
и сэры все
на нефть
эсэсэрскую лезут.
От наших
Баку
отваливай, сэр!
Самим нужно до зарезу.

Баку, 5/XII — 27 г.

СОЛДАТЫ ДЗЕРЖИНСКОГО

Вал. М.

Тебе, поэт,
тебе, певун,
какое дело
тебе
до ГПУ?!
Железу —
незачем
комплименты лестные.
Тебя
нельзя
ни славить
и ни вымести.
Простыми словами
говорю —
о железной
необходимости.
Крепче держись-ка!
Не съесть
врагу.
Солдаты
Дзержинского
Союз
берегут.
Враги вокруг республики рыскают.
Не к месту слабость
и разнеженность весенняя.

Будут
      битвы
            громше,
                    чем крымское
землетрясение.
Есть твердолобые
вокруг
       и внутри —
зорче
      и в оба,
чекист,
       смотри!
Мы стоим
          с врагом
                    о скулу скула́,
и смерть стоит,
                ожидает жатвы.
ГПУ —
       это нашей диктатуры кулак
сжатый.
Храни пути и речки,
кровь
      и кров,
бери врага,
            секретчики,
и крой,
       КРО!

[*1927*]

ХОРОШО!

ОКТЯБРЬСКАЯ ПОЭМА

1

Время —
вещь
необычайно длинная,—
были времена —
прошли былинные.
Ни былин,
ни эпосов,
ни эпопей.
Телеграммой
лети,
строфа!
Воспаленной губой
припади
и попей
из реки
по имени — «Факт».
Это время гудит
телеграфной струной,
это
сердце
с правдой вдвоем.
Это было
с бойцами,
или страной,
или
в сердце
было
в моем.

Я хочу,
чтобы, с этою
книгой побыв,
из квартирного
мирка
шел опять
на плечах
пулеметной пальбы,
как штыком,
строкой
просверкав.
Чтоб из книги,
через радость глаз,
от свидетеля
счастливого,—
в мускулы
усталые
лилась
строящая
и бунтующая сила.
Этот день
воспевать
никого не наймем.
Мы
распнем
карандаш на листе,
чтобы шелест страниц,
как шелест знамен,
надо лбами
годов
шелестел.

2

«Кончайте войну!
Довольно!
Будет!
В этом
голодном году —
невмоготу.
Врали:
«народа —
свобода,
вперед,
эпоха,
заря...» —
и зря.
Где
земля,
и где
закон,
чтобы землю
выдать
к лету? —
Нету!
Что же
дают
за февраль,
за работу,
за то,
что с фронтов
не бежишь? —

Шиш.
На шее
кучей
Гучковы,
черти,
министры,
Родзянки...
Мать их за́ ноги!
Власть
к богатым
рыло
воротит —
чего
подчиняться
ей?!.
Бей!!»

То громом,
то шепотом
этот ропот
сползал
из Керенской
тюрьмы-решета,
В деревни
шел
по травам и тропам,
в заводах
сталью зубов скрежетал.
Чужие
партии
бросали швырком.
— На что им
сбор
болтунов
дался́?! —
И отдавали
большевикам
гроши,
и силы,
и голоса.

До са́мой
мужичьей
землянои башки
докатывалась слава,—
лила́сь
и слы́ла,
что есть
за мужиков
какие-то
«большаки»
— у-у-у!
Сила!—

3

Царям
дворец
построил Растрелли.
Цари рождались,
жили,
старели.
Дворец
не думал
о вертлявом постреле,
не гадал,
что в кровати,
царицам вверенной,
раскинется
какой-то
присяжный поверенный.
От орлов,
от власти,
одеял
и кру́жевца
голова
присяжного поверенного
кружится.
Забывши
и классы
и партии,
идет
на дежурную речь.
Глаза
у него
бонапартьи

Маяковский читает поэму «Хорошо!» в Политехническом музее в октябре 1927 г.

и цвета
защитного
френч.
Слова и слова.
Огнесловая лава.
Болтает
сорокой радостной.
Он сам
опьянен
своею славой
пьяней,
чем сорокаградусной.
Слушайте,
пока не устанете,
как щебечет
иной адъютантик:
«Такие случаи были —
он едет
в автомобиле.
Узнавши,
кто
и который,—
толпа
распрягла моторы!
Взамен
лошадиной силы
сама
на руках носила!»
В аплодисментном
плеске
премьер
проплывает
над Невским,
и дамы,
и дети-пузанчики
кидают
цветы и роза́нчики.
Если ж
с безработы
загрустится

сам
себя
уверенно и быстро
назначает —
то военным,
то юстиции,
то каким-нибудь
еще
министром.
И вновь
возвращается,
сказанув,
ворочать дела
и вертеть казну.
Подмахивает подписи
достойно
и старательно.
«Аграрные?
Беспорядки?
Ряд?
Пошлите,
этот,
как его, —
карательный
отряд!
Ленин?
Большевики?
Арестуйте и выловите!
Что?
Не дают?
Не слышу без очков.
Кстати...
обего превосходительстве...
Корнилове...
Нельзя ли
сговориться
сюда
казачков?!.
Их величество?
Знаю.
Ну да!..

И руку жал.
Какая ерунда!
Императора?
На воду?
И черную корку?
При чем тут Совет?
Приказываю
туда,
в Лондон,
к королю Георгу».

Пришит к истории,
пронумерован
и скре́плен,
и его
рисуют —
и Бродский и Репин.

4

Петербургские окна.
Синё и темно.
Город
сном
и покоем скован.
НО
не спит
мадам Кускова.
Любовь
и страсть вернулись к старушке.
Кровать
и мечты
розоватит восток.
Ее
волòс
пожелтелые стружки
причудливо
склеил
слезливый восторг.
С чего это
девушка
сохнет и вянет?
Молчит...
но чувство,
видать, великò.
Ее
утешает
усастая няня,
видавшая виды,—
Пе Эн Милюков.

«Не спится, няня...
Здесь так душно...
Открой окно
да сядь ко мне».
— Кускова,
что с тобой? —
«Мне скушно...
Поговорим о старине».
— О чем, Кускова?
Я,
бывало,
хранила
в памяти
немало
старинных былей,
небылиц —
и про царей
и про цариц.
И я б,
с моим умишкой хилым,—
короновала б
Михаила.
Чем брать
династию
чужую...
Да ты
не слушаешь меня?!—
«Ах, няня, няня,
я тоскую.
Мне тошно, милая моя.
Я плакать,
я рыдать готова...»
— Господь помилуй
и спаси...
Чего ты хочешь?
Попроси.
Чтобы тебе
на нас
не дуться,
дадим свобод
и конституций...

Дай
окроплю
речей водою
горящий бунт... —
«Я не больна.
Я...
знаешь, няня...
влюблена...»
— Дитя мое,
господь с тобою!—
И Милюков
ее
с мольбой
крестил
профессорской рукой.
— Оставь, Куськова,
в наши лета
любить
задаром
смысла нету. —
«Я влюблена», —
шептала
снова
в ушко
профессору
она.
— Сердечный друг,
ты нездорова.—
«Оставь меня,
я влюблена».
— Кускова,
нервы, —
полечись ты... —
«Ах, няня,
он
такой речистый...
Ах, няня-няня!
няня!
Ах!
Его же ж
носят на руках.

А как поет он
про свободу...
Я с ним хочу, —
не с ним,
так в воду».
Старушка
тычется в подушку,
и только слышно:
«Саша! —
Душка!»
Смахнувши
слезы
рукавом,
взревел усастый нянь:
— В кого?
Да говори ты нараспашку! —
«В Керенского...»
— В какого?
В Сашку? —
И от признания
такого
лицо
расплы́лось
Милюкова.
От счастия
профессор о́жил:
— Ну, это что ж —
одно и то же!
При Николае
и при Саше
мы
сохраним доходы наши. —

Быть может,
на брегах Невы
подобных
дам
видали вы?

5

Звякая
шпорами
довоенной выковки,
аксельбантами
увешанные до пупов,
говорили —
адъютант
(в «Селекте» на Лиговке)
и штабс-капитан
Попов.
«Господин адъютант,
не возражайте,
не дам,—
скажите,
чего еще
поджидаем мы?
Россию
жиды
продают жидам,
и кадровое
офицерство
уже под жидами!
Вы, конешно,
профессор,
либерал,
но казачество,
пожалуйста,
оставьте в покое.

Например,
мое положенье беря,
это...
черт его знает, что это такое!
Сегодня с денщиком:
ору ему
— эй,
наваксь
щиблетину,
чтоб видеть рыло в ней!—
И конешно —
к матушке,
а он меня
к моей,
к матушке,
к свет
к Елизавете Кирилловне!»
«Нет,
я не за монархию
с коронами,
с орлами,
НО
для социализма
нужен базис.
Сначала демократия,
потом
парламент.
Культура нужна.
А мы —
Азия-с!
Я даже —
социалист.
Но не граблю,
не жгу.
Разве можно сразу?
Конешно, нет!
Постепенно,
понемногу,
по вершочку,
по шажку,

сегодня,
завтра,
через двадцать лет.
А эти?
От Вильгельма кресты да ленты.
В Берлине
выходили
с билетом перронным.
Деньги
штаба —
шпионы и аге́нты.
В Кресты бы
тех,
кто ездит в пломбиро́ванном!»
«С этим согласен,
это конешно,
этой сволочи
мало повешено».
«Ленина,
который
смуту сеет,
председателем,
што ли,
совета министров?
Что ты?!
Рехнулась, старушка Рассея?
Касторки прими!
Поправьсь!
Выздоровь!
Офицерам —
Суворова,
Голенищева-Кутузова
благодаря
политикам ловким
быть
под началом
Бронштейна бескартузого,
какого-то
бесштанного
Лёвки?!

Дудки!
С казачеством
шутки плохи́ —
повыпускаем
им
потроха...»
И все адъютант
— ха да хи —
Попов
— хи да ха. —
«Будьте дважды прокляты
и трижды поколейте!
Господин адъютант,
позвольте ухо:
их
...ревосходительство
...ерал
Каледин,
с Дону,
с плеточкой,
извольте понюхать!
Его превосходительство...
Да разве он один?!
Казачество кубанское,
Днепр,
Дон...»
И всё стаканами —
дон и динь,
и шпорами —
динь и дон.
Капитан
упился, как сова.
Челядь
чайники
бесшумно подавала.
А в конце у Лиговки
другие слова
подымались
из подвалов.

«Я,
товарищи, —
из военной бюры.
Кончили заседание —
тòка-тòка.
Вот тебе,
к маузеру,
двести бери,
а это —
сто патронов
к винтовкам.
Пока
соглашатели
замазывали рты,
подходит
казатчина
и самокатчина.
Приказано
питерцам
идти на фронты,
а сюда
направляют
с Гатчины.
Вам,
которые
с Выборгской стороны,
вам
заходить
с моста Литейного.
В сумерках,
тоньше
дискантовой струны,
не галдеть
и не делать
заведенья питейного.
Я
за Лашевичем
беру телефон, —
не задушим,
так нас задушат.

Или
возьму телефон,
или вон
из тела
пролетарскую душу.
Сам
приехал,
в пальтишке рваном,—
ходит,
никем не опознан.
Сегодня,
говорит,
подыматься рано.
А послезавтра —
поздно.
Завтра, значит.
Ну, не сдобровать им!
Быть
Керенскому
биту и ободрану!
Уж мы
подымем
с царёвой кровати
эту
самую
Александру Федоровну».

6

Дул,
как всегда,
октябрь
ветрáми,
как дуют
при капитализме.
За Троицкий
дули
авто и трамы,
обычные
рельсы
вызмеив.

Под мостом
Нева-река,
по Неве
плывут кронштадтцы...
От винтовок говорка
скоро
Зимнему шататься.

В бешеном автомобиле,
покрышки сбивши,
тихий,
вроде
упакованной трубы,
за Гатчину,
забившись,
улепетывал бывший —

«В рог,
в бараний!
Взбунтовавшиеся рабы!..»

Видят
редких звезд глаза,
окружая
Зимний
в кольца,
по Мильонной
из казарм
надвигаются кексгольмцы.

А в Смольном,
в думах
о битве и войске,
Ильич
гримированный
мечет шажки,
да перед картой
Антонов с Подвойским
втыкают
в места атак
флажки.

Лучше
власть
добром оставь,
никуда
тебе
не деться!
Ото всех
идут
застав
к Зимнему
красногвардейцы.

Отряды рабочих,
матросов,
голи —

дошли,
штыком домерцав,
как будто
руки
сошлись на горле,
холёном
горле
дворца.
Две тени встало.
Огромных и шатких.
Сдвинулись.
Лоб о лоб.
И двор
дворцовый
руками решетки
стиснул
торс
толп.
Качались
две
огромных тени
от ветра
и пуль скоростей, —
да пулеметы,
будто
хрустенье
ломаемых костей.
Серчают стоящие павловцы.
«В политику...
начали...
ба́ловаться...
Куда
против нас
бочкаревским дурам?!
Приказывали б
на штурм».
Но тень
боролась,
спутав лапы, —

и лап
никто
не разнимал и не рвал.
Не выдержав
молчания,
сдавался слабый —
уходил
от испуга,
от нервá.
Первым,
боязнью одолен,
снялся
бабий батальон.
Ушли с батарей
к одиннадцати
михайловцы или константиновцы...
А Кéренский —
спрятался,
попробуй
вымань его!
Задумывалась
казачья башка.
И
редели
защитники Зимнего,
как зубья
у гребешка.

И долго
длилось
это молчанье,
молчанье надежд
и молчанье отчаянья.

А в Зимнем,
в мягких мебеля́х
с бронзовыми вы́крутами,

сидят
министры
в меди блях,
и пахнет
гладко выбритыми.
На них не глядят
и их не слушают —
они
у штыков в лесу.
Они
упадут
переспевшей грушею,
как только
их
потрясут.
Голос — редок.
Шепотом,
знаками.
— Ке́ренский где-то? —
— Он?
За казаками. —
И снова молча.
И только
по̀д вечер:
— Где Прокопович? —
— Нет Прокопо́вича. —
А из-за Николаевского
чугунного моста́,
как смерть,
глядит
неласковая
Аврорьих
башен
сталь.
И вот
высоко
над воротником
поднялось
лицо Коновалова.

Шум,
который
тек родником,
теперь
прибоем наваливал.
Кто длинный такой?..
Дотянуться смог!
По каждому
из стекол
удары палки.
Это —
из трехдюймовок
шарахнули
форты Петропавловки.
А поверху
город
как будто взорван:
бабахнула
шестидюймовка Авророва.
И вот
еще
не успела она
рассыпаться,
гулка и грозна,—
над Петропавловской
взви́лся
фонарь,
восстанья
условный знак.
— Долой!
На приступ!
Вперед!
На приступ! —
Ворва́лись.
На ковры!
Под раззолоченный кров!
Каждой лестницы
каждый выступ
брали,
перешагивая
через юнкеров.

Как будто
водою
комнаты по́лня,
текли,
сливались
над каждой потерей,
и схватки
вспыхивали
жарче полдня
за каждым диваном,
у каждой портьеры.
По этой
анфиладе,
приветствиями бра́нной
монархам,
несущим
короны-клады,—
бархатными залами,
раскатистыми коридорами
гремели,
бились
сапоги и приклады.
Какой-то
смущенный
сукин сын,
а над ним
путиловец —
нежней папаши:
«Ты,
парнишка,
выкладай
ворованные часы —
часы
теперича
наши!»
Топот рос
и тех
тринадцать

сгреб,
забил,
зашиб,
затыркал.
Забились
под галстук —
за что им приняться? —
Как будто
топор
навис над затылком.
За двести шагов...
за тридцать...
за двадцать...
Вбегает
юнкер:
«Драться глупо!»
Тринадцать визгов:
— Сдаваться!
Сдаваться! —
А в двери —
бушлаты,
шинели,
тулупы...
И в эту
тишину
раскатившийся всласть
бас,
окрепший
над реями рея:
«Которые тут временные?
Слазь!
Кончилось ваше время».
И один
из ворвавшихся,
пенснишки тронув,
объявил,
как об чем-то простом
и несложном:

«Я,
председатель реввоенкомитета
Антонов,
Временное
правительство
объявляю низложенным».
А в Смольном
толпа,
растопырив груди,
покрывала
песней
фе́йерверк сведений.
Впервые
вместо:
— и это будет... —
пели:
— и это есть
наш последний... —
До рассвета
осталось
не больше аршина,—
руки
лучей
с востока взмо́лены.
Товарищ Подвойский
сел в машину,
сказал устало:
«Кончено...
в Смольный».
Умолк пулемет.
Угодил толкȍв.
Умолкнул
пуль
звенящий улей.
Горели,
как звезды,
грани штыков,
бледнели
звезды небес
в карауле.

Дул,
как всегда,
октябрь
ветра́ми.
Рельсы
по мосту вызмеив,
гонку
свою
продолжали трамы
уже —
при социализме.

7

В такие ночи,
в такие дни,
в часы
такой поры
на улицах
разве что
одни
поэты
и воры́.
Сумрак
на мир
океан катну́л.
Синь.
Над кострами —
бур.
Подводной
лодкой
пошел ко дну
взорванный
Петербург.
И лишь
когда
от горящих вихров
шатался
сумрак бурый,
опять вспоминалось:
с боков
и с верхов

Афиша выступления Маяковского в Ленинграде с поэмой «Хорошо!»

непрерывная буря.
На воду
сумрак
похож и так —
бездонна
синяя прорва.
А тут
еще
и виденьем кита
туша
Авророва.
Огонь
пулеметный
площадь остриг.
Набережные —
пусты́.
И лишь
хорохорятся
костры
в сумерках
густых.
И здесь,
где земля
от жары вязка́,
с испугу
или со льда́,
ладони
держа
у огня в языках,
греется
солдат.
Солдату
упал
огонь на глаза,
на клок
волос
лег.
Я узнал,
удивился,
сказал:

«Здравствуйте,
Александр Блок.
Лафа футуристам,
фрак старья
разлазится
каждым швом».
Блок посмотрел —
костры горят —
«Очень хорошо».
Кругом
тонула
Россия Блока...
Незнакомки,
дымки севера
шли
на дно,
как идут
обломки
и жестянки
консервов.
И сразу
лицо
скупее менял,
мрачнее,
чем смерть на свадьбе:
«Пишут...
из деревни...
сожгли...
у меня...
библиотéку в усадьбе».
Уставился Блок —
и Блокова тень
глазеет,
на стенке привстав...
Как будто
оба
ждут по воде
шагающего Христа.
Но Блоку
Христос
являться не стал.

У Блока
тоска у глаз.
Живые,
с песней
вместо Христа,
люди
из-за угла.

Вставайте!
Вставайте!
Вставайте!
Работники
и батраки.
Зажмите,
косарь и ковватель,
винтовку
в железо руки!
Вверх —
флаг!
Рвань —
встань!
Враг —
ляг!
День —
дрянь.
За хлебом!
За миром!
За волей!
Бери
у буржуев
завод!
Бери
у помещика поле!
Братайся,
дерущийся взвод!
Сгинь —
стар.
В пух,
в прах.
Бей —
бар!

Трах!
    тах!
Довольно,
        довольно,
                довольно
покорность
        нести
            на горбах.
Дрожи,
    капиталова дворня!
Тряситесь,
        короны,
            на лбах!
Жир
    ёжь
страх
    плах!
Трах!
    тах!
Тах!
    тах!

Эта песня,
        перепетая по-своему,
доходила
        до глухих крестьян —
и вставали села,
            содрогая воем,
по дороге
        топоры крестя.

Но-
    жи-
        чком
            на
                месте чик
лю-
    то-
        го
            по-
                мещика.

Гос-
по-
дин
по-
мещичек,
со-
би-
райте
вещи-ка!
До-
шло
до поры,
вы-
хо-
ди,
босы,
вос-
три
топоры,
подымай косы.
Чем
хуже
моя Нина?!
Ба-
рыни сами.
Тащь
в хату
пианино,
граммофон с часами!
Под-
хо-
ди-
те, орлы!
Будя —
пограбили.
Встречай в колы,
провожай
в грабли!
Дело
Стеньки
с Пугачевым,

разгорайся жарчи-ка!
Все
поместья
богачевы
разметем пожарчиком.
Под-
пусть
петуха!
Подымай вилы!
Эх,
не
потухай, —
пет-
тух милый!
Черт
ему
теперь
родня!
Головы —
кочаном.
Пулеметов трескотня
сыпется с тачанок.
«Эх, яблочко,
цвета ясного.
Бей
справа
белаво,
слева краснова».

Этот вихрь,
от мысли до курка,
и постройку,
и пожара дым
прибирала
партия
к рукам,
направляла,
строила в ряды.

8

Холод большой.
Зима здорова́.
Но блузы
прилипли к потненьким.
Под блузой коммунисты.
Грузят дрова.
На трудовом субботнике.
Мы не уйдем,
хотя
уйти
имеем
все права.
В *наши* вагоны,
на *нашем* пути,
наши
грузим
дрова.
Можно
уйти
часа в два, —
но *мы* —
уйдем поздно.
Нашим товарищам
наши дрова
нужны:
товарищи мерзнут.
Работа трудна,
работа
томит.

За нее
никаких копеек.
Но *мы*
работаем,
будто *мы*
делаем
величайшую эпопею.
Мы будем работать,
все стерпя,
чтоб жизнь,
колёса дней торопя,
бежала
в железном марше
в *наших* вагонах,
по *нашим* степям,
в города
промерзшие
наши.

«Дяденька,
что вы делаете тут,
столько
больших дядéй?»
— Что?
Социализм:
свободный труд
свободно
собравшихся людей.

9

Перед нашею
республикой
стоят богатые.
Но как постичь ее?
И вопросам
разнедоуменным
нéт числа:
что это
за нация такая
«социалистичья»,
и что это за
«соци-
алистическое отечество»?
«Мы
восторги ваши
понять бессильны.
Чем восторгаются?
Про что поют?
Какие такие
фрукты-апельсины
растут
в большевицком вашем
раю?
Что вы знали,
кроме хлеба и воды, —
с трудом
перебиваясь
со дня на день?

Такого отечества
такой дым
разве уж
настолько приятен?
За что вы
идете,
если велят —
«воюй»?
Можно
быть
разорванным бо́мбищей,
можно
умереть
за землю за свою,
но как
умирать
за общую?
Приятно
русскому
с русским обняться,—
но у вас
и имя
«Россия»
утеряно.
Что это за
отечество
у забывших об нации?
Какая нация у вас?
Коминтерина?
Жена,
да квартира,
да счет текущий —
вот это —
отечество,
райские кущи.
Ради бы
вот
такого отечества
мы понимали б
и смерть
и молодечество».

Слушайте,
национальный трутень,—
день наш
тем и хорош, что труден.
Эта песня
песней будет
наших бед,
побед,
буден.

10

Политика —
проста.
Как воды глоток.
Понимают
ощерившие
сытую пасть,
что если
в Россиях
увязнет коготок,
всей
буржуазной птичке —
пропа́сть.
Из «сюртэ́ женера́ль»,
из «инте́ллидженс се́рвис»,
«дефензивы»
и «сигуранцы»
выходит
разная
сволочь и стерва,
шьет
шинели
цвета серого,
бомбы
кладет
в ранцы.
Набились в трюмы,
палубы обсели
на деньги
вербовочного а́гентства.

В Новороссийск
плывут из Марселя,
из Дувра
плывут к Архангельску.
С песней,
с виски,
сыты по-свински.
Килями
вскопаны
воды холодные.
Смотрят
перископами
лодки подводные.
Плывут крейсера,
снаряды соря.
И
миноносцы
с минами носятся.
А
поверх
всех
с пушками
чудовищной длинноты
сверх-
дредноуты.
Разными
газами
воняя гадко,
тучи
пропеллерами выдрав,
с авиаматки
на авиаматку
пе-
ре-
пархивают «гидро».
Послал
капитал
капитанов ученых.
Горло
нащупали
и стискивают.

Ткнешься
в Белое,
ткнешься
в Черное,

в Каспийское,
в Балтийское,—

куда
корабль
ни тычется,

конец
катаниям.
Стоит
морей владычица,
бульдожья
Британия.
Со всех концов
блокады кольцо
и пушки
смотрят в лицо.
— Красным не нравится?!
Им
голоднò?!

Рыбкой
наедитесь,
пойдя
на дно. —

А кому
на суше
грабить охота,

те
с кораблей
сходили пехотой.
— На море потопим,
на суше
потопаем. —

Чужими
руками
жар гребя,

дым
отечества
пускают
пострелины —
выставляют
впереди
одураченных ребят,
баронов
и князей недорасстрелянных.

Могилы копайте,
гроба копи́те —
Юденича
рати
прут
на Питер.
В обозах
е́ды вку́снятся,
консервы —
пуд.
Танков
гусеницы
на Питер
прут.
От севера
идет
адмирал Колчак,
сибирский
хлеб
сапогом толча.
Рабочим на расстрел,
поповнам на утехи,
с ним
идут
голубые чехи.
Траншеи,
машинами выбранные,
саперами
Крым
перекопан, —

Врангель
крупнокалиберными
орудует
с Перекопа.
Любят
полковников
сантиментальные леди.
Полковники
любят
поговорить на обеде.
— Я
иду, мол,
(прихлебывает виски),
а на меня
десяток
чудовищ
большевицких.
Раз — одного,
другого —
ррраз, —
кстати,
как дэнди,
и девушку спас. —
Леди,
спросите
у мерина сивого —
он
как Мурманск
разизнасиловал.
Спросите,
как —
Двина-река,
кровью
крашенная,
трупы
вы́тая,
с кладью
страшною
шла
в Ледовитый.

Как храбрецы
расстреливали кучей
коммуниста
одного,
да и тот скручен.
Как офицера́
его
величества
бежали
от выстрелов,
берег вычистя.
Как над серыми
хатами
огненные перья
и руки
холёные
туго
у горл.
Но...
«итс э лонг уэй
ту Типерери,
итс э лонг уэй
ту го!»
На первую
республику
рабочих и крестьян,
сверкая
выстрелами,
штыками блестя,
гнали
армии,
флоты катили
богатые мира,
и эти
и те...
Будьте вы прокляты,
прогнившие
королевства и демократии,
со своими
подмоченными
«фратэрнитэ́» и «эгалитэ́»!

Свинцовый
льется
на нас
кипяток.
Одни мы —
и спрятаться негде.
«Янки
дудль
кип ит об,
Янки дудль дэнди».
Посреди
винтовок
и орудий голосища
Москва —
островком,
и мы на островке.
Мы —
голодные,
мы —
нищие,
с Лениным в башке
и с наганом в руке.

11

Несется
жизнь,
овеевая,
проста,
суха.
Живу
в домах Стахеева я,
теперь
Веэсэнха.
Свезли,
винтовкой звякая,
богатых
и кассы.
Теперь здесь
всякие
и люди
и классы.
Зимой
в печурку-пчелку
суют
тома шекспирьи.
Зубами
щелкают,—
картошка —
пир им.
А летом
слушают асфальт
с копейками
в окне:

— Трансваль,
Трансваль,
страна моя,
ты вся
горишь
в огне! —
Я в этом
каменном
котле
варюсь,
и эта жизнь —
и бег, и бой,
и сон,
и тлен —
в домовьи
этажи
отражена
от пят
до лба,
грозою
омываемая,
как отражается
толпа
идущими
трамваями.
В пальбу
присев
на корточки,
в покой
глазами к форточке,
чтоб было
видней,
я
в комнатенке-лодочке
проплыл
три тыщи дней.

12

Ходят
спекулянты
вокруг Главтопа.
Обнимут,
зацелуют,
убьют за руп.
Секретарши
ответственные
валенками топают.
За хлебными
карточками
стоят лесорубы.
Много
дела,
мало
горя им,
фунт
— целый! —
первой категории.
Рубят,
липовый
чай
выкушав.
— Мы
не Филипповы,
мы —
привыкши.

Будет
обед,
будет
ужин,—
белых бы
вон
отбить от ворот.
Есть захотелось,
пояс —
потуже,
в руки винтовку
и
на фронт.—
А
мимо —
незаменимый.
Стуча
сапогом,
идет за пайком —
Правление
выдало
урюк
и повидло.
Богатые —
ловче,
едят
у Зунделовича.
Ни щей,
ни каш —
бифштекс
с бульоном,
хлеб
ваш,
полтора миллиона.
Ученому
хуже:
фосфор
нужен,
масло
на блюдце.

Но,
как на́зло,
есть революция,
а нету
масла.

Они
научные.
Напишут,
вылечат.
Мандат, собственноручный,
Анатоль Васильича.
Где
хлеб
да мяса́,
придут
на час к вам.
Читает
комиссар
мандат Луначарского:
«Так...
сахар...
так...
жирок вам.

Дров...
березовых...
посуше поленья...

и шубу
широкого
потребленья.
Я вас,
товарищ,
спрашиваю в упор.

Хотите —
берите
головной убор.

Приходит
каждый
с разной блажью.

Берите
пока што
ногу
лошажью!»

Мех
на глаза,
как баба-яга,
идут
назад
на трех ногах.

13

Двенадцать
квадратных аршин жилья.
Четверо
в помещении —
Лиля,
Ося,
я
и собака
Щеник.
Шапчонку
взял
оборванную
и вытащил салазки.
— Куда идешь? —
В уборную
иду.
На Ярославский.
Как парус,
шуба
на весу,
воняет
козлом она.
В санях
полено везу,
забрал
забор разломанный
Полено —
тушею,

тверже камня.
Как будто
вспухшее
колено
великанье.
Вхожу
с бревном в обнимку.
Запотел,
вымок.
Важно
и чинно
строгаю перочинным.
Нож —
ржа.
Режу.
Радуюсь.
В голове
жар
подымает градус.
Зацветают луга,
май
поет
в уши —
это
тянется угар
из-под черных вьюшек.
Четверо сосулек
свернулись,
уснули.
Приходят
люди,
ходят,
будят.
Добудились еле —
с углей
угорели.
В окно —
сугроб.
Глядит горбат.
Не вымерзли покамест?

Морозы
в ночь
идут, скрипят
снегами-сапогами.
Небосвод,
наклонившийся
на комнату мою,
морем
заката
облит.
По розовой
глади
мо́ря,
на юг —
тучи-корабли.
За гладь,
за розовую,
бросать якоря,
туда,
где березовые
дрова
горят.
Я
много
в теплых странах плутал.
Но только
в этой зиме
понятной
стала
мне
теплота
любовей,
дружб
и семей.
Лишь лежа
в такую вот гололедь,
зубами
вместе
проляскав —

поймешь:
нельзя
на людей жалеть
ни одеяло,
ни ласку.
Землю,
где воздух,
как сладкий морс,
бросишь
и мчишь, колеся,—
но землю,
с которою
вместе мерз,
вовек
разлюбить нельзя.

14

Скрыла
та зима,
худа и строга,
всех,
кто на́век
ушел ко сну.
Где уж тут словам!
И в этих
строках
боли
волжской
я не коснусь.
Я
дни беру
из ряда дней,
что с тыщей
дней
в родне.
Из серой
полосы
деньки,
их гнали
годы-
водники —
не очень
сытенькие,
не очень
голодненькие.

Если
я
чего написал,
если
чего
сказал —
тому виной
глаза-небеса,
любимой
моей
глаза.
Круглые
да карие,
горячие
до гари.
Телефон
взбесился шалый,
в ухо
грохнул обухом:
карие
глазища
сжала
голода
опухоль.
Врач наболтал —
чтоб глаза
глазели,
нужна
теплота,
нужна
зелень.
Не домой,
не на суп,
а к любимой
в гости,
две
морковинки
несу
за зеленый хвостик.

Я
много дарил
конфект да букетов,
но больше
всех
дорогих даров
я помню
морковь драгоценную эту
и пол-
полена
березовых дров.
Мокрые,
тощие
под мышкой
дровинки,
чуть
потолще
средней бровинки.
Вспухли щеки.
Глазки —
щелки.
Зелень
и ласки
вы́ходили глазки.
Больше
блюдца,
смотрят
революцию.

Мне
легше, чем всем,—
я
Маяковский.
Сижу
и ем
кусок
конский.
Скрип —
дверь,
плача.

Сестра
младшая.
— Здравствуй, Володя!
— Здравствуй, Оля!
— Завтра новогодие —
нет ли
соли? —
Делю,
в ладонях вешаю
щепотку
отсыревшую.
Одолевая
снег
и страх,
скользит сестра,
идет сестра,
бредет
трехверстной Преснею
солить
картошку пресную.
Рядом
мороз
шел
и рос.
Затевал
щекотку —
отдай
щепотку.
Пришла,
а соль
не вáлится —
примерзла
к пальцам.
За стенкой
шарк:
«Иди,
жена,
продай
пиджак,
купи
пшена».

Страница записной книжки с черновой записью поэмы «Хорошо!»

Окно,—
с него
идут
снега,
мягка
снегов
тиха
нога.
Бела,
гола
столиц
скала.
Прилип
к скале
лесов
скелет.
И вот
из-за леса
небу в шаль
вползает
солнца
вша.
Декабрьский
рассвет,
изможденный
и поздний,
встает
над Москвой
горячкой тифозной.
Ушли
тучи
к странам
тучным.
За тучей
берегом
лежит
Америка.
Лежала,
лакала
кофе,
какао.

В лицо вам,
толще
свиных причуд,
круглей
ресторанных блюд,
из нищей
нашей
земли
кричу:
Я
землю
эту
люблю.
Можно
забыть,
где и когда
пузы растил
и зобы,
но землю,
с которой
вдвоем голодал,—
нельзя
никогда
забыть!

15

Под ухом
самым
лестница
ступенек на двести,—
несут
минуты-вестницы
по лестнице
вести.
Дни пришли
и топали:
— Дòжили,
вот вам,—
нету
топлив
брюхам
заводовым.
Дымом
небесный
лак помутив,
до самой трубы,
до носа
локомотив
стоит
в заносах.
Положив
на валенки
цветные заплаты,
из ворот,
из железного зёва,

снова
шли,
ухватясь за лопаты,
все,
кто мобилизован.
Вышли
за́ лес,
вместе
взя́лись.
Я ли,
вы ли,
откопали,
вырыли.
И снова
поезд
ка́тит
за снежную
скатерть.
Слабеет
тело
без ед
и питья,
носилки сделали,
руки сплетя.
Теперь
запевай,
и домой можно —
да на руки
положено
пять обмороженных.

Сегодня
на лестнице,
грязной и тусклой,
копались
обывательские
слухи-свиньи.
Деникин
подходит
к са́мой,
к тульской,

к пороховой
сердцевине.
Обулись обыватели,
по пыли печатают
шепотоголосые
кухарочьи хоры́.
— Будет...
крупичатая!..
пуды непочатые...
ручьи — чай,
сухари,
сахары́.
Бли-и-и-зко беленькие,
береги ке́ренки! —
Но город
проснулся,
в плакаты кадрованный,—
это
партия звала:
«Пролетарий, на коня!»
И красные
скачут
на юг
эскадроны —
Мамонтова
нагонять.
Сегодня
день
вбежал второпях,
криком
тишь
по́рвав,
простреленным
легким
часто хрипя,
упал
и кончался,
кровав.
Кровь
по ступенькам
стекала на́ пол,

стыла
с пылью пополам
и снова
на пол
каплями
капала
из-под пули
Каплан.
Четверолапые
зашагали,
визг
шел
шакалий.
Салоп
говорит
чуйке,
чуйка
салопу:
— Заёрзали
длинноносые щуки!
Скоро
всех
слопают! —
А потом
топырили
глаза-тарéлины
в длинную
фамилий
и званий тропу.
Ветер
сдирает
списки расстрелянных,
рвет,
закручивает
и пускает в трубу.
Лапа
класса
лежит на хищнике —
Лубянская
лапа
Че-ка.

— Замрите, враги!
Отойдите, лишненькие!
Обыватели!
Смирно!
У очага! —
Миллионный
класс
вставал за Ильича
против
белого
чудовища клыкастого,
и вливалось
в Ленина,
леча,
этой воли
лучшее лекарство.
Хоронились
обыватели
за кухни,
за пеленки.
— Нас не трогайте —
мы
цыпленки.
Мы только мошки,
мы ждем кормежки.
Закройте,
время,
вашу пасть!
Мы обыватели —
нас обувайте вы,
и мы
уже
за вашу власть.—
А утром
небо —
веча звòнница!
Вчерашний
день
виня во лжи,
расколоколивали
птицы и солнце:

жив,
жив,
жив,
жив!
И снова
дни
чередой заводной
сбегались
и просили.
— Идем
за нами —
«еще
одно
усилье».
От боя к труду —
от труда
до атак,—
в голоде,
в холоде
и наготе
держали
взятое,
да так,
что кровь
выступала из-под ногтей.
Я видел
места,
где инжир с айвой
росли
без труда
у рта моего,—
к таким
относишься
иначе.
Но землю,
которую
завоевал
и полуживую
вынянчил,
где с пулей встань,
с винтовкой ложись,

где каплей
льешься с массами,—
с такою
землею
пойдешь
на жизнь,
на труд,
на праздник
и нá смерть!

16

Мне
рассказывал
тихий еврей,
Павел Ильич Лавут:
«Только что
вышел я
из дверей,
вижу —
они плывут...»
Бегут
по Севастополю
к дымящим пароходам.
За де́нь
подметок стопали,
как за́ год похода.
На рейде
транспорты
и транспорточки,
драки,
крики,
ругня,
мотня,—
бегут
добровольцы,
задрав порточки,—
чистая публика
и солдатня.

У кого —
канарейка,
у кого —
роялина,
кто со шкафом,
кто
с утюгом.
Кадеты —
на что уж
люди лояльные —
толкались локтями,
крыли матюгом.
Забыли приличия,
бросили моду,
кто —
без юбки,
а кто —
без носков.
Бьет
мужчина
даму
в морду,
солдат
полковника
сбивает с мостков.
Наши наседали,
крыли по трапам,
кашей
грузился
последний эшелон.
Хлопнув
дверью,
сухой, как рапорт,
из штаба
опустевшего
вышел он.
Глядя
нá ноги,
шагом
резким

шел
Врангель
в черной черкеске.
Город бросили.
На молу —
гòло.
Лодка
шестивёсельная
стоит
у мола.
И над белым тленом,
как от пули падающий,
на оба
колена
упал главнокомандующий.
Трижды
землю
поцеловавши,
трижды
город
перекрестил.
Под пули
в лодку прыгнул...
— Ваше
превосходительство,
грести? —
— Грести! —
Убрали весло.
Мотор
заторкал.
Пошла
весело́
к «Алмазу»
моторка.
Пулей
пролетела
штандартная яхта.
А в транспортах-галошинах
далеко,
сзади,

тащились
оторванные
от станка и пахот,
узлов
полтораста
накручивая зá день.
От родины
в лапы турецкой полиции,
к туркам в дыру,
в Дарданеллы узкие,
плыли
завтрашние галлиполийцы,
плыли
вчерашние русские.
Впе-
реди
година на година.
Каждого
трясись,
который в каске.
Будешь
доить
коров в Аргентине,
будешь
мереть
по ямам африканским.
Чужие
волны
качали транспорты,
флаги
с полумесяцем
бросались в очи,
и с транспортов
за яхтой
гналось —
«Аспиды,
сперли казну
и удрали, сволочи».
Уже
экипажам
оберегаться

пули
шальной
надо.
Два
миноносца-американца
стояли
на рейде
рядом.
Адмирал
трубой обвел
стреляющих
гор
край:
— Ол
райт.—
И ушли
в хвосте отступающих свор,—
орудия на город,
курс на Босфор.
В духовках солнца
горы́
жаркòе.
Воздух
цветы рассиропили.
Наши
с песней
идут от Джанкоя,
сыпятся
с Симферополя.
Перебивая
пуль разговор,
знаменами
бой
овевая,
с красными
вместе
спускается с гор
песня
боевая.

Не гнулась,
когда
пулеметом крошило,
вставала,
бесстрашная,
в дожде-свинце:
«И с нами
Ворошилов,
первый красный офицер».
Слушают
пушки,
морские ведьмы,
у-
ле-
петывая
во винты во все,
как сыпется,
с гор
— «готовы умереть мы
за Эс Эс Эс Эр!» —
Начштаба
морщит лоб.
Пальцы
корявой руки
буквы
непослушные гнут:
«Врангель
оп-
раки-
нут
в море.
Пленных нет».
Покамест —
точка
и телеграмме
и войне.
Вспомнили —
недопахано,
недожато у кого,

у кого
доменные
топки да зо́ри.
И пошли,
отирая пот рукавом,
расставив
на вышках
дозоры.

17

Хвалить
не заставят
ни долг,
ни стих
всего,
что делаем мы.
Я
пол-отечества мог бы
снести,
а пол —
отстроить, умыв.
Я с теми,
кто вышел
строить
и месть
в сплошной
лихорадке
буден.
Отечество
славлю,
которое есть,
но трижды —
которое будет.
Я
планов наших
люблю громадьё,
размаха
шаги саженьи.

Я радуюсь
маршу,
которым идем
в работу
и в сраженья.
Я вижу —
где сор сегодня гниет,
где только земля простая —
на сажень вижу,
из-под нее
коммуны
дома
прорастают.
И меркнет
доверье
к природным дарам
с унылым
пудом сенцá,
и поворачиваются
к тракторам
крестьян
заскорузлые сердца.
И планы,
что раньше
на станциях лбов
задерживал
нищенства тормоз,
сегодня
встают
из дня голубого,
железом
и камнем формясь.
И я,
как весну человечества,
рожденную
в трудах и в бою,
пою
мое отечество,
республику мою!

18

На девять
сюда
октябрей и маёв,
под красными
флагами
праздничных шествий,
носил
с миллионами
сердце мое,
уверен
и весел,
горд
и торжествен.
Сюда,
под траур
и плеск чернофлажий,
пока
убитого
кровь горяча,
бежал,
от тревоги,
на выстрелы вражьи,
молчать
и мрачнеть,
кричать
и рычать.

Я
здесь
бывал
в барабанах стучащих
и в мертвом
холоде
слез и льдин,
а чаще еще —
просто
один.
Солдаты башен
стражей стоят,
подняв
свои
островерхие шлемы,
и, злобу
в башках куполов
тая,
притворствуют
церкви,
монашьи шельмы.
Ночь —
и на головы нам
луна.
Она
идет
оттуда откуда-то...
оттуда,
где
Совнарком и ЦИК,
Кремля
кусок
от ночи откутав,
переползает
через зубцы.
Вползает
на гладкий
валун,
на секунду
склоняет
голову,

и вновь
голова-лунь
уносится
с камня
голого.
Место лобное —
для голов
ужасно неудобное.
И лунным
пламенем
озарена мне
площадь
в сияньи,
в яви
в денной...
Стена —
и женщина со знаменем
склонилась
над теми,
кто лег под стеной.
Облил
булыжники
лунный никель,
штыки
от луны
и тверже
и злей,
и,
как нагроможденные книги,—
его
мавзолей.
Но в эту
дверь
никакая тоска
не втянет
меня,
черна и вязка́,—
души́
не смущу
мертвизной,—

он бьется,
как бился
в сердцах
и висках,
живой
человечьей весной.
Но могилы
не пускают,—
и меня
останавливают имена.
Читаю угрюмо:
«товарищ Красин».
И вижу —
Париж
и из окон Дóрио...
И Красин
едет,
сед и прекрасен,
сквозь радость рабочих,
шумящую морево.
Вот с этим
виделся,
чуть не за час.
Смеялся.
Снимался около...
И падает
Войков,
кровью сочась,—
и кровью
газета
намокла.
За ним
предо мной
на мгновенье короткое
такой,
с каким
портретами сжились,—
в шинели измятой,
с острой бородкой,

прошел
человек,
железен и жилист.
Юноше,
обдумывающему
житье,
решающему —
сделать бы жизнь с кого,
скажу
не задумываясь —
«Делай ее
с товарища
Дзержинского».
Кто костьми,
кто пеплом
стенам под стопу
улеглись...
А то
и пепла нет.
От трудов,
от каторг
и от пуль,
и никто
почти —
от долгих лет.
И чудится мне,
что на красном погосте
товарищей
мучит
тревоги отрава.
По пеплам идет,
сочится по кости,
выходит
на свет
по цветам
и по травам.
И травы
с цветами
шуршат в беспокойстве.

— Скажите —
вы здесь?
Скажите —
не сдали?
Идут ли вперед?
Не стоят ли? —
Скажите.
Достроит
коммуну
из света и стали
республики
вашей
сегодняшний житель? —
Тише, товарищи, спите...
Ваша
подросток-страна
с каждой
весной
ослепительней,
крепнет,
сильна и стройна.
И снова
шорох
в пепельной вазе,
лепечут
венки
языками лент:
— А в ихних
черных
Европах и Азиях
боязнь,
дремота и цепи? —
Нет!
В мире
насилья и денег,
тюрем
и петель витья —
ваши
великие тени

ходят,
будя
и ведя.
— А вас
не тянет
всевластная тина?
Чиновность
в мозгах
паутину
не свила?
Скажите —
цела?
Скажите —
едина?
Готова ли
к бою
партийная сила? —
Спите,
товарищи, тише...
Кто
ваш покой отберет?
Встанем,
штыки ощетинивши,
с первым
приказом:
«Вперед!»

19

Я
земной шар
чуть не весь
обошел,—
и жизнь
хороша,
и жить
хорошо.
А в нашей буче,
боевой, кипучей,—
и того лучше.
Вьется
улица-змея.
Дома
вдоль змеи.
Улица —
моя.
Дома —
мои.
Окна
разинув,
стоят
магазины.
В окнах
продукты:

вина,
фрукты.
От мух
кисея.
Сыры
не засижены.
Лампы
сияют.
«Цены
снижены».
Стала
оперяться
моя
кооперация.
Бьем
грошом.
Очень хорошо.
Грудью
у витринных
книжных груд
Моя
фамилия
в поэтической рубрике
Радуюсь я —
это
мой труд
вливается
в труд
моей республики.
Пыль
взбили
шиной губатой —
в моем
автомобиле
мои
депутаты.
В красное здание
на заседание.
Сидите,
не совейте

в моем
Моссовете.
Розовые лица.
Рево́львер
желт.
Моя
милиция
меня
бережет.
Жезлом
правит,
чтоб вправо
шел.
Пойду
направо.
Очень хорошо.
Надо мною
небо.
Синий
шелк!
Никогда
не было
так
хорошо!
Тучи -
кочки
переплыли летчики.
Это
летчики мои.
Встал,
словно дерево, я.
Всыпят,
как пойдут в бои,
по число
по первое.
В газету
глаза:
молодцы — ве́нцы!
Буржуя́м
под зад

наддают
коленцем.
Суд
жгут.
Зер
гут.
Идет
пожар
сквозь бумажный шорох.
Прокуроры
дрожат.
Как хорошо!
Пестрит
передовица
угроз паршой.
Чтоб им подавиться.
Грозят?
Хорошо.
Полки
идут
у меня на виду.
Барабану
в бока

бьют
войска.
Нога
крепка,
голова
высока.
Пушки
ввозятся,—

идут
краснозвездцы.
Приспособил
к маршу

такт ноги:
вра-
ги
ва-
ши —

мо-
и
вра-
ги.
Лезут?
Хорошо.
Сотрем
в порошок.
Дымовой
дых
тяг.
Воздуха́ береги.
Пых-дых,
пых-
тят
мои фабрики.
Пыши,
машина,
шибче-ка,
вовек чтоб
не смолкла,—
побольше
ситчика
моим
комсомолкам.
Ветер
подул
в соседнем саду.
В ду-
хах
про-
шел.
Как хо-
рошо!
За городом —
поле.
В полях —
деревеньки.
В деревнях —
крестьяне.

Бороды
веники.
Сидят
папаши.
Каждый
хитр.
Землю попашет,
попишет
стихи.
Что ни хутор,
от ранних утр
работа люба́.
Сеют,
пекут
мне
хлеба́.
Доят,
пашут,
ловят рыбицу.
Республика наша
строится,
дыбится.
Другим
странам
по̀ сто.
История —
пастью гроба.
А моя
страна —
подросток, —
твори,
выдумывай,
пробуй!
Радость прет.
Не для вас
уделить ли нам?!
Жизнь прекрасна
и
удивительна.

Лет до ста́
расти
нам
без старости.
Год от года
расти
нашей бодрости.
Славьте,
молот
и стих,
землю молодости.

[*1927*]

ОЧЕРКИ

(1927)

ЕЗДИЛ Я ТАК

Я выехал из Москвы 15 апреля. Первый город Варшава. На вокзале встречаюсь с т. Аркадьевым, представителем ВОКСа в Польше, и т. Ковальским, варшавским ТАССом. В Польше решаю не задерживаться. Скоро польские писатели будут принимать Бальмонта. Хотя Бальмонт и написал незадолго до отъезда из СССР почтительные строки, обращенные ко мне:

...«И вот ты написал блестящие страницы,
Ты между нас возник как некий острозуб...» и т. д., —

я все же предпочел не сталкиваться в Варшаве с этим блестящим поэтом, выродившимся в злобного меланхолика.

Я хотел ездить тихо, даже без острозубия.

В первый приезд я встретился только с самыми близкими нашими друзьями в Польше: поэт Броневский, художница Жарновер, критик Ставер.

На другой день с представителем Вокса в Чехословакии, великолепнейшим т. Калюжным, выехали в Прагу.

На Пражском вокзале — Рома Якобсон. Он такой же. Немного пополнел. Работа в отделе печати пражского полпредства прибавила ему некоторую солидность и дипломатическую осмотрительность в речах.

В Праге встретился с писателями-коммунистами, с группой «Деветсил». Как я впоследствии узнал, это — не «девять сил», например, лошадиных, а имя цветка с очень цепкими и глубокими корнями. Ими издается единственный левый, и культурно и политически (как правило только левые художественные группировки Европы связаны с революцией), журнал «Ставба». Поэты, писатели, архитектора: Гора, Сайферт, Махен, Библ, Незвал, Крейцер и др. Мне показывают в журнале 15 стихов о Ленине.

Архитектор Крейцер говорит: «В Праге, при постройке, надо подавать проекты здания, сильно украшенные пустяками под старинку и орнаментированные. Без такой общепринятой эстетики не утверждают. Бетон и стекло без орнаментов и розочек отцов города не устраивает. Только потом при постройке пропускают эту наносную ерунду и дают здание новой архитектуры».

В театре левых «Освобозене Дивадло» (обозрение, мелкие пьески, мюзикхолльные и синеблузные вещи) я выступил между номерами с «Нашим» и «Левым» маршами.

«Чай» в полпредстве — знакомство с писателями Чехословакии и «атташэ интеллектюэль» Франции, Германии, Югославии.

Большой вечер в «Виноградском народном доме». Мест на 700. Были проданы все билеты, потом корешки, потом входили просто, потом просто уходили, не получив места. Было около 1 500 человек.

Я прочел доклад «10 лет 10-ти поэтов». Потом были читаны «150 000 000» в переводе проф. Матезиуса. 3-я часть — «Я и мои стихи». В перерыве подписывал книги. Штук триста. Скучная и трудная работа. Подписи — чехословацкая страсть. Подписывал всем — от людей министерских до швейцара нашей гостиницы.

Утром пришел бородатый человек, дал книжку, где уже расписались и Рабиндранат Тагор и Милюков, и

требовал автографа, и обязательно по славянскому вопросу: как раз — пятидесятилетие балканской войны. Пришлось написать:

Не тратьте слова́
на братство славян.
Братство рабочих —
и никаких прочих.

Привожу некоторые отзывы о вечере по якобсоновскому письму:

а) В газете социалистических легионеров (и Бенеша) «Národni osvobozeni» от 29/IV сообщается, что было свыше тысячи человек, что голос сотрясал колонны и что такого успеха в Праге не имел еще никто!

б) Газета «Lid. Nov.» от 28/IV сожалеет о краткости лекции, отмечает большой успех, остроумие новых стихотворений, излагает лекцию.

в) В официальной «Českoslov. Republika» — отзыв хвалебный (сатира, ораторский пафос и пр.), но наружность не поэтическая.

г) В мининдельской «Prager Presse» — панегирик.

д) В коммунистической «Rudé Právo» — восторгается и иронизирует по поводу фашистских газет «Večerni list» и «Národ» (орган Крамаржа), которые возмущены терпимостью полиции и присутствием представителей мининдела, сообщают, что ты громил в лекции Версальский мир, демократию, республику, чехословацкие учреждения и Англию и что английский посланник пошлет Бенешу ноту протеста.

Этих газет тебе не посылаю, потерял, но посылаю следующий номер «Národ», который суммирует обвинения и требует решительных мер против «иностранных коммунистических провокаторов».

«Národni osvobozeni» от 29/IV насмехается над глупой клеветой газеты «Národ».

... Из Праги я переехал в Германию. Остановился в Берлине от поезда до поезда, условясь об организации лекции.

На другой день — 3 часа — Париж.

Когда нас звали на чествование Дюамеля в Москве, Брик, основываясь на печальном опыте с Мораном и

Берро, предложил чествовать французов после их возвращения во Францию, когда уже выяснится, что они будут писать об СССР.

Первым мне попалось в Париже интервью с Дюамелем. Отношение к нам на редкость добросовестное. Приятно.

С Дюамелем и Дюртеном мы встретились в Париже на обеде, устроенном французскими писателями по случаю моего приезда.

Были Вильдрак — поэт-драматург, автор «Пакетбота Тенеси», Рене — редактор «Европы», Бушон — музыкант, Базальжетт — переводчик Уитмена, Мазарель, известный у нас по многим репродукциям художник, и др.

Они собираются на свои обеды уже с 1909 года.

Люди хорошие. Что пишут — не знаю. По разговорам — в меру уравновешенные, в меру независимые, в меру новаторы, в меру консерваторы. Что пишут сюрреалисты (новейшая школа французской литературы), я тоже не знаю, но по всему видно — они на лефовский вкус.

Это они на каком-то разэстетском спектакле Дягилева выставили красные флаги и стали говор спектакля покрывать Интернационалом.

Это они устраивают спектакли, на которых действие переходит в публику, причем сюрреалистов бьет публика, публику бьют сюрреалисты, а сюрреалистов опять-таки лупят «ажаны». Это они громят лавки церковных украшений с выпиленными из кости христами.

Не знаю, есть ли у них программа, но темперамент у них есть. Многие из них коммунисты, многие из них сотрудники «Клартэ».

Перечисляю имена: Андрей Бретон — поэт и критик, Луи Арагон — поэт и прозаик, Поль Элюар, поэт, Жан Барон и др.

Интересно, что эта, думаю, предреволюционная группа начинает работу с поэзии и с манифестов, повторяя этим древнюю историю лефов.

Большой вечер был организован советскими студентами во Франции. Было в кафе «Вольтер». В углу

стол, направо и налево длинные комнаты. Если будет драка, придется сразу «кор-а-кор», стоим ноздря к ноздре. Странно смотреть на потусторонние, забытые с времен «Бродячих собак» лица. Насколько, например, противен хотя бы один Георгий Иванов со своим моноклем. Набалдашник в челке. Сначала такие Ивановы свистели. Пришлось перекрывать голосом. Стихли. Во Франции к этому не привыкли. Полицейские, в большом количестве стоявшие под окнами, радовались — сочувствовали. И даже вслух завидовали: «Эх, нам бы такой голос».

Приблизительно такой же отзыв был помещен и в парижских «Последних новостях».

Было около 1200 человек.

Берлин. Чай, устроенный обществом советско-германского сближения.

Прекрасное вступительное слово сказал Гильбо (вместо заболевшего т. Бехера).

Были члены общества: ученые, беллетристы, режиссеры, товарищи из «Ротэ Фанэ»; как говорит товарищ Каменева, «весь стол был усеян крупными учеными». Поэт был только один — говорят (Роган говорил), в Германии совестятся писать стихи — глупое занятие. Поэт довольно престарелый. Подарил подписанную книгу. Из любезности открыл первое попавшееся стихотворение — и отступил в ужасе. Первая строчка, попавшаяся в глаза, была: «Птички поют» и т. д. в этом роде.

Положил книгу под чайную скатерть: когда буду еще в Берлине — возьму.

Отвел душу в клубе торгпредства и полпредства «Красная звезда». Были только свои. Товарищей 800.

В Варшаве на вокзале встретил чиновник министерства иностранных дел и писатели «Блока» (левое объединение).

На другой день начались вопли газет.

— Милюкову нельзя — Маяковскому можно.

— Вместо Милюкова — Маяковский и т. д.

Оказывается, Милюкову, путешествующему с лек-

циями по Латвии, Литве и Эстонии, в визе в Польшу отказали. Занятно.

Я попал в Варшаву в разгар политической борьбы: выборы.

Список коммунистов аннулирован.

Направо от нашего полпредства — полицейский участок. Налево — клуб монархистов. К монархистам на автомобилях подъезжают пепеэсовцы. Поют и переругиваются.

Мысль о публичном выступлении пришлось оставить. Помещение было снято. Но чтение стихов могло сопровождаться столкновением комсомольцев с фашистами. Пока это не к чему.

Ограничился свиданиями и разговорами с писателями разных группировок, пригласивших меня в Варшаву.

С первыми — с «Дзвигней». «Дзвигня» — рычаг. Имя польского левого журнала.

Это самое близкое к нам.

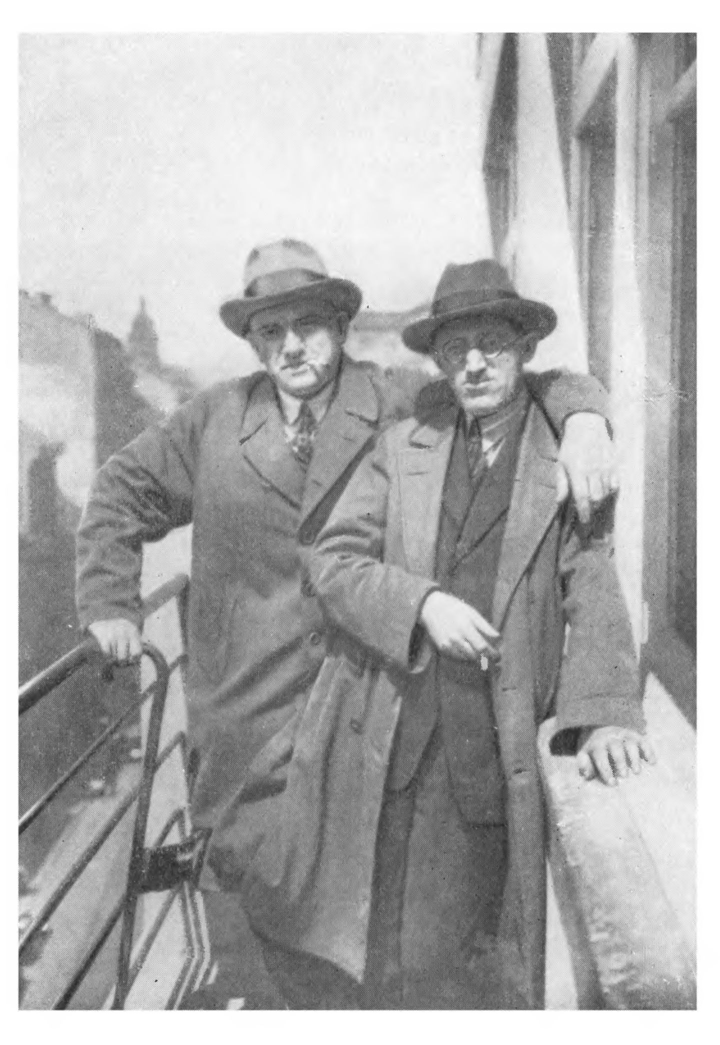
Во втором номере — вижу переведены и перепечатаны письма Родченко, так великолепно снижающие Париж. Хвалить Париж — правительственное дело. Он им займы дает. (Чего это Лувр Полонскому втемяшился — Полонскому с него даже займа нет!) Бороться против иностранной мертвой классики за молодую живую польскую литературу и культуру, левое и революционное — одно из дел «Дзвигни».

Интереснейшие здесь: поэт Броневский, только что выпустивший новую книгу стихов «Над городом». Интересно его стихотворение о том, что «сыщик ходит между нами». Когда оно читалось в рабочем собрании, какие-то молодые люди сконфуженно вышли.

Поэт и работник театра Вандурский. Он один на триста тысяч лодзинских рабочих. Он ведет свою работу, несмотря на запрещения спектаклей, разгромы декораций и т. д. Одно время он начинал каждое действие прологом из моей «Мистерии-буфф».

Критик Ставер.

Художница Жарновер — автор обложки «Дзвигни», и др.

Маяковский с поэтом Иозефом Гора в Праге. 1927 г.

Следующая встреча — с большим объединением разных левых и левствующих, главным образом «Блока» (не Александра).

Первыми вижу Тувима и Слонимского. Оба поэты, писатели и, кстати, переводчики моих стихов.

Тувим, очевидно, очень способный, беспокоящийся, волнующийся, что его не так поймут, писавший, может быть и сейчас желающий писать, настоящие вещи борьбы, но, очевидно, здорово прибранный к рукам польским официальным вкусом. Сейчас выступает с чтениями стихов, пишет для театров и кабаре.

Слонимский спокойный, самодовольный. Я благодарю его за перевод «Левого марша». Слонимский спрашивает: «И за ответ тоже?» Ответ его вроде шенгелевского совета (удивительно, наши проплеванные эстеты с иностранными беленькими как-то случайно солидаризируются) — вместо «левой, левой, левой» он предлагает «вверх, вверх, вверх».

Говорю: «За «вверх» пускай вас в Польше хвалят».

Я не перечисляю друзей из «Дзвигни». Кроме них: Захорская — критик, Пронашко — художник-экспрессионер, Рутковский — художник, Стэрн — поэт, Ват — беллетрист и переводчик, и др.

Читаю стихи. При упоминании в стихе «Письмо Горькому» имени Феликса Эдмундовича вежливо спрашивают фамилию и, узнав,— умолкают совсем.

Последняя встреча — с «Пен-клубом». Это разветвление всеевропейского «Клуба пера», объединяющее, как всегда, маститых.

Я был приглашен. Я был почти их гостем.

Утром пришел ко мне Гетель — председатель клуба.

Человек простой, умный и смотрящий в корень. Вопросы только о заработках, о профессиональной защите советского писателя, о возможных формах связи. Гетель увел меня на официальный завтрак с узким правлением — маститых этак шесть-семь.

Разговор вертелся вокруг способов получения авторских гонораров за переводимые Советским Союзом, хотя бы и с кроющими примечаниями, вещи. Малость

писателей завтракающих при большом количестве членов объясняется, должно быть, дороговизной завтраков и боязнью, как бы из-за меня чего не вышло, а им чего не попало.

Общие выводы.

По отношению к нам писатели делятся на три группы: обосновавшиеся и признанные своей буржуазной страной, которые и не оборачиваются на наше имя, или вполне хладнокровны, или клевещут. Центр — это те, степень сочувствия которых измеряется шансами на литературную конвенцию и связанною с ней возможностью получить за переводы. Последние, это первые для нас,— это рабочие писатели и лефы всех стран, связь которых с нами — это связь разных отрядов одной и той же армии — атакующей старье, разные отряды одного революционного рабочего человечества.

[*1927*]

НЕМНОГО О ЧЕХЕ

Сейчас я проехал Польшей, Чехословакией, Германией, Францией. Богатые этих стран чрезвычайно различны: поляк — худ, щеголеват, старается притвориться парижанином; немец — толст и безвкусен; чех — смахивает на нашего спеца; француз — скромен и прост, ни по костюму, ни по объему его живота не узнаешь о количестве его франков.

Вид работающего пролетария одинаков: одни и те же синие блузы и на чешском металлисте, и на железнодорожнике Бельгии, и на водниках Эльбы. В Льеже отправлялся куда-то вагон дорожных рабочих, и они с энтузиазмом свистели нашему курьерскому поезду. На одном из маленьких канальчиков я видел даже совсем репинскую картину: две бабы тащили лямками небольшую баржу — своеобразные бурлачки. Крестьянку Польши под микроскопом не отличишь от белорусских баб. Я видел их работающими и на польской части Белоруссии и на советской. Только проволочные заграждения границы отделяют их.

В Праге я пошел на один из огромнейших заводов в Средней Европе — акционерное общество чешско-моравска —«Кольбен». Это две группы заводов — электрические и механические. Строят паровозы, автомобили («Прага»), прожекторы для румынской армии и т. д.

Хожу по механическим. Рабочих человек восемьсот. Нагрузка слабая,— им пока не надо паровозов. Ремонтируются мелкие военные тракторы, перевозившие

пушки, теперь продаваемые крестьянам. Бока тракторов еще пестрят военной маскировкой. В полную нагрузку работают только автомобильные мастерские. Вырабатывают тысячи три машин. Это, конечно, не Форд. Работают с прохладцей. Места — хоть завались.

— Вот этот рабочий,— указывает с гордостью инженер на старика,— только что у меня автомобиль купил. Дочке в Румынию в приданое посылает.

— Сколько же у вас зарабатывают?

— О, до 70 крон в день,— говорит инженер — (рубля 4).

Переспрашиваю другого, незаинтересованного, спутника.

— Ну, крон до сорока.

Большая разница.

Из-за этого автомобильчика старик служил на заводе 37 лет!

Часовой обеденный перерыв.

Подвозят на низких площадках «горки парки»— «горячие пары» (сосиски) и пиво.

— А столовой у них нет?

— Есть. Только они сами туда ходить не любят.

Когда я вышел — напротив на заборчике обедали двое рабочих: помоложе и постарше, отец и сын, должно быть. Девочка, лет 8—9, принесла им обед в чистых двухэтажных судках. Странная столовая.

— Всегда у вас такая идиллия?

— Да, у нас тихо,— коммунистов на завод не принимаем.

— А если окажется?

— Надолго не окажется. Здесь выходного пособия не платят.

— А если машиной искалечат, если станет инвалидом?

— Судиться будет — ничего не получит. Без суда выдаем уменьшенное пособие. Иногда выдаем до двух лет.

— А потом?

— Потом его дело.

Шедший с нами врач рассказывает:

— К нам в больницу привезли рабочего. Рана.

Спрашиваю: кто ранил? Что вы! Товарищ ранил. В драке? Из ревности? Нет,— по просьбе. Как по просьбе? Я — безработный. Я хотел пожить в больнице и подкормиться.

Чехословакия одна из самых демократических, свободных политически стран. Здесь легальная компартия. Одна из сильнейших в Европе. Коммунистическая газета «Рудэ право» имеет около 15 000 тиража. Правда, здесь полная свобода и белым. Недаром — это центр российской эмиграции. В славянском кабачке сиживает и сам Чернов.

К вечеру рабочий наряжается в чистое платье. Он сберегает 10 крон, чтобы пойти на свой бал. Там представление, там и фокстрот. На последнем коммунистическом балу в марте, в огромном помещении «Люцерна», было около 4000 человек.

На сцене синеблузники. Вот, например, сцена «Слезы Крамаржа». Чешский «твердолобый» Крамарж плачет над дачей, отнятой большевиками у него в Крыму.

Впрочем, синеблузник — это название. Синие блузы носить запрещают. Подвели под какой-то старый закон о запрещении носить «форму» и однажды задержали на улице синеблузников, отвели их в участок, сняли рубашки и домой отпустили голыми.

С Крамаржем такого не случалось. Ему в Чехословакии значительно свободнее.

Прага
[*1927*]

ЧЕШСКИЙ ПИОНЕР

Когда я ехал за границу, знакомые пионеры наказали мне:

— Езжай-то ты езжай, товарищ Маяковский, но когда приедешь, все про ихних пионеров расскажи.

Поехал я сначала в Чехословакию. Приехал в столицу, в Прагу, и сейчас же у товарищей спрашиваю:

— Покажите мне, где у вас тут пионеры.

Товарищи отвечают:

— Их и искать не надо, они сами вечером на вашу лекцию придут.

Вечером я читал в народном доме лекцию и свои стихи. Народу пришло много — больше тысячи. Между взрослыми — и детей пионерского возраста достаточное количество.

Читаю я стихи и все время зал оглядываю: дети есть, а пионеров не видно. Ни единого красного галстучка. После лекции подходит товарищ с двумя ребятишками, я на него накидываюсь:

— Где же твои пионеры?

Двое ребят ответило разом:

— Мы и есть пионеры...

— А галстуки где ж?

Один порылся и достал из кармана скомканный красный галстук.

— Вот он. Дома надеваем. А как выйдем из дому — в карман. А то полиция отбирает,— и нам и галстуку достается. Один раз пошли мы с братом в рабочий театр. Брат у меня в «Синей блузе» играет. Ставили пьесу

«Плач Крамаржа». Крамарж этот раньше русским буржуем был. Большевики у него в Крыму дачи отобрали и на дачах санатории да дома отдыха устроили. Крамарж обиделся, уехал в Прагу, свою партию фашистов собрал — ругает теперь советскую республику на чем свет стоит, агитирует здесь, чтобы большевиков не признавали, да о потерянных дачах с женой по вечерам плачет.

Наши комсомольцы-синеблузники его и передразнивали. Все хохочут,— только сыщикам неприятно. Возвращаемся после спектакля; я в галстуке, брат в блузе. Вдруг откуда ни возьмись полицейский. — Пожалте, говорит, в участок.— В участке какой-то усач спрашивает: — Что вы за люди и почему в форме ходите? — А мы ему в ответ: — Мы коммунисты, у нас страна свободная. Как хотим, так и ходим.

Усач рассвирепел и говорит: — Коммунизмом вы можете вполне свободно дома заниматься, а на улицах мы пока начальники. Снимайте форму.

Мы было начали возражать, но на нас трое накинулись очень вежливо, но и очень настойчиво. Не отобьешься. Один галстук сдернул, а двое с брата блузу стянули. Так мы и домой пошли. Мне еще ничего, а брат в одной спортивной фуфайке две версты сквозь город рысью протрусил.

— Ничего,— говорю им,— приезжайте в Москву, там до отвала нахóдитесь.

Но дети справедливо возразили:

— Про Москву мы знаем, но мы и в Праге московской свободы добьемся. Страна наша в десять раз меньше вашей, а у нас уже две тысячи пионеров, да в секции Красного Спортинтерна 30 000 детей. Мы среди них работаем. Кто поймет, что такое пионер, тот к нам переходит. Много у нас коммунистов вырастет.

При отъезде из Праги просили меня советских пионеров приветствовать, журнал свой дали, «Kohoutek»— «Петушок» называется.

[*1927*]

НАРУЖНОСТЬ ВАРШАВЫ

Глаза трудящихся Советского Союза с особым вниманием останавливаются сейчас на Польше. К сожалению, о Польше пишется мало. Во-первых, потому что в Польшу труден доступ советскому писателю. Во-вторых, Польша лежит на полдороге к большим странам, и ее переезжают не задерживаясь.

Поэтому считаю не лишним передать вам некоторые впечатления моего десятидневного пребывания в Варшаве.

Столбцы. Пограничный пункт. То, что называется «шикарное» здание! Белое, как будто с золотом. Как отличается эта станция от наших грязных станциишек! Думаю: если так пойдет и дальше — Польша действительно разбогатела и расправилась. Ничего подобного. Станция — это только пыль в глаза. За этой станцией до самой Варшавы нищий белорусский пейзаж, ничем не отличающийся от беднейших местечек нашего Союза.

Только подъезжая к Варшаве, задолго до нее видишь дым фабричных предместий. Кажется, что поезд долго разгоняется, чтобы влететь в огромный клокочущий город. Однако поезд останавливается у одного из таких предместных зданий. Это — центр. Это — вокзал. Разгон остается разгоном.

Одни поляки называют Варшаву маленьким Парижем. Во всяком случае, это очень маленький Париж. Варшава на Париж похожа так, как киоск Моссельпрома на Сухареву башню. Если парижские бульвары залиты движущимися огнями, то здесь две-три полувер-

тящиеся вывески. Если Париж кишит наряднейшими модницами и модниками, то здесь десяток-другой пижонов кокетничает вышедшими на пенсию модами.

Другие поляки говорят, что Варшава — Москва. Ну, это уже просто ошибка. Москвичи этого никогда не скажут.

Варшава за последний десяток лет строилась мало. Новый парк и пара-другая домов, приглянувшихся мне, были, оказывается, разведены и построены немцами во время оккупации Варшавы. За последнее время строились только безделушки, вроде воинственного сооружения вокруг «неизвестного солдата» да нелепейшего памятника Шопену, подаренного Польше каким-то средних способностей французским скульптором.

Магазины завалены товарами. Еще бы не завалиться! Лодзинский товар потерял российский рынок, а на западном рынке он не может выдержать ни английской, ни немецкой, ни итальянской конкуренции. Внутри страны потребитель тоже не ахти какой. При страшно низкой заработной плате и при огромном количестве безработных не раскупишься. Впрочем, и завал этот какой-то показной. Я с товарищем бродил по магазинам в поисках пальто. И везде один и тот же ответ: «Нет таких больших, которые нужны большому пану, и нет таких маленьких, которые нужны пану маленькому».

Варшава чрезвычайно широко раскинута. Чуть не в час автомобильной езды мы с трудом добираемся до рабочей окраины.

Если центр города чист и все же кое-как поблескивает и зданиями и прохожими, то здесь грязь, покосившиеся низенькие домишки и оборванная польская и еще больше ободранная еврейская беднота.

Здесь небезопасно появляться в «буржуазном» автомобиле. Здесь за рукава затаскивают в магазин тряпья купить тройку, здесь торгуются из-за каждой картофелины. Зато и отношение здесь к советскому, к «русскому»— иное.

Единственно что обще всем кварталам, всем улицам и дорогам и всей Польше — это несметное количество военных.

Откроешь глаза — сплошное козыряние. Закроешь глаза — сплошной звон шпор. Другие страны, например, только что проеханная Чехословакия, как-то стыдятся военщины, обряжая своих чинов по возможности в штатскую одежду.

Военщина Польши назойлива и криклива. Расширяющиеся вверху, изукрашенные позументами шапки, перья, вздымающиеся и свисающие, штаны с диким выпуском, и целая разукрашенная елка — это грудь в орденах.

На обратном пути мы стояли 5 минут на какой-то станции. Станция, очевидно, не застроилась с самой войны. У вокзала всего одна стена, и на ней утвержден колокол. Позади стены, как-то сбоку, ютились временные «багажная» и «телеграф». Но на фоне этой одной стены все же стояло каких-то четыре разноцветных жандарма.

Граница.

Я видел множество границ. Вернее, не видел: проезжал, не замечая, где кончается одна страна и где начинается другая.

Польскую границу не заметить нельзя — она вся во множестве рядов перевита колючей проволокой.

Но, очевидно, и этого мало.

Еще и еще лежат огромные катушки, ощерившиеся колючками.

Наматывай, сколько влезет...

В кого?

[*1927*]

ПОВЕРХ ВАРШАВЫ

Первое литературное впечатление на польской территории. Таможенный осмотр. Все книги отбирают. Я обращаюсь к какому-то высшему полицейскому таможенному чину.

— Прошу вернуть мне книги. Тем более что только мои сочинения...

Чин любезен и радостен.

— Вы сами написали? Значит, вы сами писатель?

Киваю скромно и утвердительно. Чин вежливо возвращает книги обратно. Вчитывается в мою фамилию.

— Маяковский... Такого не знаю. А вы Малашкина знаете? Он старый или молодой? Я прочел его книгу «Луна с правой стороны». Очень, чрезвычайно интересная книга... Он у вас тоже известный?

Очевидно, отбираемые книги не пропадают зря. Наскоро выложив общие знания о Малашкине, сажусь в варшавский поезд.

Какая-то станция, кажется, Барановичи. Поезд стоит минут 10. Подхожу к киоску за русскими эмигрантскими сочинениями. У киоска остолбеневаю. Лежит «Нива». «Нива» самая настоящая: буквы в цветочках, слева — семейства, читающие «Ниву», справа — амурчики, «Ниву» поливающие из лейки. Издание — Рига. Год — 27-й. И даже дань временам: «Нива» называется «новой». Расчет, думаю, простой. «Нивой» или «Миром» назвать обязательно — «привычка свыше нам дана»; с другой стороны, московскую «Ниву» уже обозвали «красной», а московский «Мир» почему-то

назван не божьим, а «новым», поэтому и осталась «Новая нива».

Возмущенный, раскрываю журнал. Еще б не возмущаться — какая наглая подделка! Читаю. Никакая не подделка. На первой странице Ахматова. Потом Зозуля — «Путешествие по Корсике», масса зощенок, и все в этом роде со слабой примесью собственных советоедов — рижан.

Я в раздумье.

Одно из двух. Или великое искусство действительно внеклассовое и покоряет одинаково и эсэсэсэрцев и рижан (тогда плохо для марксизма), или выпестованные нашими «Нивами» и «Мирами» писатели одинаково приемлемы и для советского обывателя и для оберегаемого от коммунизма рижского (тогда плоховато писателям).

Небось лефовцев в такой компании не найдете. Уж если и перепечатает газета стих, то обязательно хвост от себя приделает, да еще в комментариях покроет.

Не об этом ли верещал Полонский, говоря о нашей неприемлемости для заграниц?

Черт с ней, с такой приемлемостью!

Политические выводы из этого делать не к чему, но литературные — обязательно. А именно: погоня за темами, общими для всех человеков, это — погоня за огромным косным обывательским рынком; борьба этих тысяч писателей и критиков против агитки, против политики в искусстве — это борьба обывательского большинства против горсточки революционных писателей, против писания о революции и против нее самой.

Литература СССР — только участок на огромном фронте борьбы мира за освобождение; наши слова закатываются за кордоны — и там это не шаблонные агитки, а чудо свободного слова, организующего или еще более сплачивающего левые отряды для грядущей борьбы.

Товарищи писатели! На революцию ориентируйтесь, а не на примирительное сюсюканье Лежневых.

Варшава. (За поездку я побывал в Варшаве два раза: день — направляясь в Прагу, и десять дней — на обратном пути; объединяю в одно оба впечатления.)

Я приехал в Варшаву по приглашению «Блока» (левая писательская организация) и «Пен-клуба» («Клуб пера», имеющий разветвления по всей Европе, объединяющий маститых, положительных и признанных). На вокзале меня встретили и приветствовали чиновник министерства иностранных дел, друг Вандурский, и еще несколько писателей «Блока». «Пен-клуб», очевидно, убоявшись своего революционного приглашения, встречать не пришел, а, кажется, сидел в это время и надрывался в дебатах, что же ему теперь собственно говоря со мной делать. Вызвали духа, да еще какого революционного!

Чиновника тоже опровергли через дня три. Опровергли уже после того, как в официальной «Эпохе» его присутствие уже было распубликовано. Опровергли потому, что мой приезд совпал с отказом в визе путешествующему с лекциями Милюкову. И в газетах стали появляться грозные статьи: «Вместо Милюкова — Маяковский»; «Милюкову — нельзя, Маяковскому — можно», и т. д. и т. д.

Случай, конечно, юмористический.

В первый вечер я, конечно, встретился с самыми близкими нам и мне писателями. Это — Вандурский — прекрасный поэт и работник рабочего театра. На триста тысяч лодзинских пролетариев он один организовывает и ставит спектакли. Перед спектаклем он читает пролог из «Мистерии-буфф», потом — пьеса или инсценировка, от которой мо́рщится польское начальство. У него отбирают помещения, у него уничтожают декорации, над ним висят аресты, но он твердо ведет свою работу.

Поэт Броневский. Выпустил только что книгу стихов. Названия его стихов говорят за себя: «На смерть революционера», «Пионерам», «Кабала» и т. д.

У него есть стихи «Провокатор» — это о жизни сегодняшней Польши. Он читал эти стихи в рабочем собрании. Когда он произнес строку: «Провокаторы ходят меж нами», какие-то субъекты испуганно поднялись и начали улепетывать из зала, на ходу разъясняя, что они-де не по своей воле. Это стихотворение хорошо рисует и Польшу, и Броневского, и рабочий быт.

Критик Ставер — близкий нашим конструктивистам.

Щука — художник-карикатурист; Жарновер — художница, график, обложечница, и другие.

Эта группа издает журнал «Дзвигня» — рычаг.

Мне дарят 1, 2, и 3 номера. Раскрываю. Первое бросается в глаза: «Родченко в Париже» — перевод на польский язык помещенных в «Лефе» писем. Перевели и напечатали и за границей, и не только без всякого влияния, а, наоборот, с трудом доставая «Леф», вопреки Полонским улюлюканьям и статьям, ограждающим иностранный вкус от экспорта неэстетичных лефов к иностранцам.

Полонский, не хватайтесь за голову!

В Польше есть и люди диаметрально противоположные вам политически, но вашего эстетического вкуса.

Они гонят молодежь в Лувр, они радуются, когда Варшаву называют маленьким Парижем, они заводят у себя «неизвестного солдата», они говорят по-французски и читают французские романчики,— это позиция польских литературных государственников. Но ведь им за это Франция взаймы дает! Ведь им молодежь от Москвы отвадить надо!

И вот, в противовес этим, переводят родченковские письма, дискредитирующие богатый древней культурой, но остановившийся Париж, зовущие использовать его технику, направляя ее коммунистической рукой.

Эти письма переиздаются не «Новой нивой», а левым журналом, потому что позиция «Лефа» — позиция всякой культурно-революционной силы.

Утром я перешел из крохотного номерка в номер за 19 злотых — для представительства. Было от чего. Я начал атаковываться корреспондентами, и карикатуристами, и фотографами. Понятно. Я — первый поэт, приехавший из красной Москвы. Должен для беспристрастия отметить крайне корректный, предупредительный тон польской прессы. Неистовствовала только эмигрантская «За свободу», трубившая о въезде советского.

Интересным посетителем был председатель «Клуба» г-н Гетель. Этот, очевидно, умный и приятный человек

взял сразу быка за рога и спрашивал меня по наиболее интересующим «пенов» статьям. А именно — сколько у нас платят, как мы застрахованы и что сделать, чтобы у нас оплачивались польские переводы.

Моя информация о результатах работы комиссии Совнаркома по улучшению писательского положения произвела на моего собеседника большее впечатление, чем сто агитаторов и целый коммунистический «университет».

Мои слова о приравнении писателя к трудящимся вызвали у Гетеля уныло-удивленную улыбку.

— А я и в профессиональный союз не записан — не к чему это нам. Как он меня защищать будет?

Г-н Гетель увел меня на парадный завтрак, данный в честь «вызванного духа». «Пен-клуб» вышел из неловкого положения,— он пригласил на завтрак только шесть человек — правление, да и то неполное. Этим завтраком с небольшими разговорами об авторском праве и закончилась моя встреча с официальными представителями польской литературы. Мы позавтракали и разошлись, «не причинив друг другу никакого вреда» (пользы — также).

Вечером — новый банкет широкого левого объединения.

Первым я увидел вдохновенно глядящего, поэтически трясущего руку поэта и переводчика моего «Облака в штанах» — «Облак в споднях» — Тувима. Белые газеты писали, будто я, получив перевод, сказал: «Наплевать мне на польскую литературу». Я немедленно опроверг чепуху. Пришел другой писатель и переводчик — Слонимский. Он перевел «Левый марш» и для уравновешения своих взглядов написал еще и свой марш. У меня: «левой, левой, левой», у него: «вверх, вверх, вверх»,— этакий польский Шенгели.

Я похвалил перевод «Левого».

Слонимский спросил опасливо о «вверх».

— За «вверх» пускай вас в Польше хвалят.

Полеты Слонимского «вверх» кончились катастрофой.

В дни моего пребывания в Варшаве была поставлена его пьеса; не то «Вавилонская башня», не то «Герку-

лесовы столбы» — словом, из такого самого полета вверх.

На втором представлении театр был пуст.

Я виноват перед читателем за постоянные упоминания обедов! Но что поделаешь! Такова судьба официальных, полуофициальных и представительских поездок (моя, конечно, представительская). У меня был еще один грустный обед. Это — с моим переводчиком, уже упомянутым мною Тувимом.

Многие считают Тувима одним из самых лучших поэтов молодой Польши. Не зная языка — судить не берусь. Он переводил меня, очевидно, не из-за заработка. Какой заработок от книги в Польше, да еще от переводной, да еще с перевода одного из поэтов революции! Отношение его к моим стихам, очевидно, лирическое, и он решил, очевидно, посидеть час за обедом со своим собственным приятным воспоминанием. Он не ругал ни Польши, ни своего писательского положения, даже чуть похваливал своих перед иностранцем. Но именно в этом внезапно напущенном на себя, ни с чем остальным не гармонирующем свободословии было больше всего мотивов для жалости.

Ему, очевидно, нравилось бы писать вещи того же порядка, что «Облако в штанах», но в Польше и с официальной поэзией и то не просуществуешь,— какие тут «облаки»! Даже такие смирные, мифически потусторонние писатели, как одна из слав Польши — Пшибышевский, влачат жалковатое существование. Правительственная субсидия какому-нибудь «маститому» злотых 800 в месяц (рублей 180) уже вызывает писательскую зависть.

Что же делать Тувимам? Тувимы пишут тексты для певиц и певцов варьете.

(Глупые скажут: «А сам про Моссельпром писал?»— Я про Моссельпромы хочу писать потому, что нужно. А ему для варьете и не нужно и не хочется.)
И варьете прекрасно, если писать хоть немного «что хочешь».

Какое тут «хочешь», если такую польскую славу, как Жеромский, и то перед смертью вызывали в дефензиву с недоуменнейшим вопросом — как это ему в го-

лову пришло написать такую революционную вещь? И Жеромский шел!

Правда — можно писать и против того, что видишь. Но тогда кто тебя будет печатать?

А если тебя отпечатает нелегально нелегальная коммунистическая партия — готов ли ты садиться в цитадель на четыре, на шесть, на восемь лет?

А кто сейчас в силах идти на этот героизм, кроме человека, принадлежащего к классу, верящему в победу коммунизма?

Но можно писать просто книжечки,— такие, чтобы и вашим и нашим.

Такие еще труднее.

Кроме горизонтального разреза на классы, встретишься еще и с вертикальным — нации. Это при обязательном польском языке! Это значит, из тридцати миллионов населения восемь миллионов украинцев не прикоснутся к твоей книге. А если ты еще и еврей и пишешь на польскем — разве евреи будут тебя читать?

А Тувиму надо и некоторой бури и некоторого оживления, как у футуристов, как у лефов.

Найди и оживись, когда тебе приходится имитировать крупную литературную работу чтением выхолощенных стихов, разъезжая из столицы Варшавы в провинцию Вильно!

Что за провинция и какая столица?

Когда я ехал из Негорелого в Столбцы, я сразу отличил границу и то, что она польская, по многим и солидно закрученным колючим проволокам. Те, которые еще не успели накрутить, лежали тут же, намотанные на длинные, кажется, железные катушки.

Здание станции Столбцы, и чистое видом и белое цветом, сразу дало и Европу и Польшу.

Вот это забота, вот это стройка!

Но сейчас же за Столбцами пошла опять рухлядина — длинные-длинные перегоны без жилья и крестьян и косые хаты.

А разоренья и запустенья, пожалуй, и больше.

Видал я на полпути станцию — большая, очевидно. Поезд держала минут пять. Станция странная: только передняя стена, которую не имели в виду ремонтиро-

вать, сквозь выбитые окна виднелись земля, небо-потолок, трава-пол. На стене висел колокольчик. Только к одной трети стены были прилеплены телеграф и багажное. Перед этой стеной стояли четыре жандарма. Непонятная архитектура!

Правильнее было бы делать станции из четырех стен и с одним жандармом.

Редкие станции еще и малолюдны. Поезда пусты. В норд-экспрессе, мчащемся из Берлина в Варшаву, на 7 вагонов было человек пятьдесят. В простейшем поезде из Варшавы в Негорелое на девять вагонов ехало (не преуменьшаю) человек семь. Рядом с нашим вагоном тащился один совершенно пустой мягкий, один совершенно пустой жесткий и рядом — жесткий вагон всего с одним пассажиром. Правда, это — уже подъезжая к границе; вероятно, это редкость, но даже и для редкости пассажиров все-таки мало.

Когда подъезжаешь к Варшаве, кажется, что подъезжаешь к огромному городу. Кажется — потому что долго идет пригород, подготавливают крепость и цитадель, заставляет всматриваться растущий разгон предместья, и только когда прибываешь на станцию Варшава — оказывается, что и пригород и предместье — они и есть уже столица.

Странное ощущение — разбег без прыжка.

Временный деревянный барак вокзала еще больше увеличивает недоуменье.

При выходе на улицу две-три не то чтобы вертящиеся, а так, подпрыгивающие рекламы — смешат желанием походить на Европу.

Мысль о бедности провожает вас по улицам. Средний уровень одежи скорей приближается к московскому, чем, например, к берлинскому виду.

Обилие извозчиков. Такси, введенные недавно, еще не очень привились.

Магазины полны — но тоже какой-то провинциальной полнотой. Есть все — кроме того, что вам нужно.

Ни одно здание, ни одна стройка (кроме разве старых домов старого города) не останавливает вас. Бельведер, насколько позволяет поле зрения, так — загончик, гостиницы — középненькие, жилья — ординарные.

Лучшим местом мне показалась огромная площадь, оставшаяся после срытия православного собора (первая часть безбожной программы выполнена — остается срыть только католические); на этой площади памятник Понятовскому. Понятовский на лошади, без штанов, тычет мечом в сторону Украины. Памятник этот не совсем плох уже одним тем, что памятник Шопену много хуже.

Шопен — это какая-то скрюченная фигура, а рядом — больше фигуры — не то разбрызганные валы, не то раскоряченные коряги.

Спрашивают: «Что это у него рядом?»

Говорят: «Хаос».

Если рядом с человеком такое находится — это, действительно, большой беспорядок, но лепить это и ставить в саду — совершенно нелепо.

Постановка памятника оправдывается тем, что его, кажется, француз Польше подарил.

Говорят, сейчас гордая Польша собирает деньги, чтобы отправить их скульптору в награду, так как Польша не хочет пользоваться даровым.

Впрочем, злые люди утверждают, что французы уже раньше собрали деньги, только чтобы этот памятник был вывезен из Парижа.

Шумно только на главных улицах. Боковые пусты и молчаливы. Впрочем, последние дни, в связи с варшавскими городскими выборами, стало шумней и оживленней.

Повозки и легковые извозцы изукрашены плакатами и лозунгами.

Из разных окон раскидывается мелкий снег предвыборных летучек, иногда сплошь белящий и тротуары и мостовые.

Потом по тротуарам пошли намалеванные черной краской номера выборных списков. Краска паршивая и моментально стиралась шаркающими.

По стенам и заборам выклеены антибольшевистские плакаты: конечно — латыши, конечно — зверского вида, конечно — расстреливают каких-то людей честного и страдающего вида.

У польского правительства есть более верное средство предвыборной борьбы. Оно просто аннулировало

коммунистический список № 10 по каким-то формальным основаниям.

Пепеэсовцы немедленно выпустили протестующую прокламацию, где обвинялись сами коммунисты. Они, дескать, против демократии, поэтому с ними-де так недемократически и поступают.

После этого изъятия уже выборы ничем не омрачились и пошли по всем правилам политических оперетток.

Ездят, поют, разговаривают, кричат, свистят, аплодируют и часам к двенадцати расходятся, как из театра. Только на окраинах битые и раненые,— это если в предвыборную полемику вступают защитники аннулированного списка.

Последние дни особенно лезло в глаза предвыборное. Я переселился в пустующую до приезда курьеров дипкурьерскую комнату полпредства. Полпредство помещено удачно. Справа — полиция, в центре — полпредство, налево — монархический клуб. Часам к 8, к 9 вечера нас подымал со стульев дикий шум у самых полпредских дверей. Под окнами скакали десятки полицейских.

Каждый раз шумиха оказывалась пустяком.

Это с балкона клуба орали речи и распевали песни монархисты, собирая небольшую толпочку.

Немедленно появлялись на грузовике пепеэсовцы и старались их перекрыть пением Интернационала (!!!). Видимость получалась страшно революционная. Попев и сорвав десяток-другой монархических афиш, пепеэсовцы удалялись.

Тогда снова вылезали монархисты с лестницами и возможно выше наклеивали новые листы. Из парикмахерской (под клубом на Познанской) выбегает мастер, подталкиваемый пепеэсовским долгом, влазит по трубе и срывает наклейку.

Опять выбегает монархист...

Опять, ругаясь, вылазит пепеэсовец...

Сказка про белого бычка!

Но даже этот невеселый спектакль веселее скучных спектаклей в театрах.

Головатое ревю с постоянным восторженным припевом «Варшава, Варшава», с непременным превознесением ее парижских качеств, Вертинский на поль-

ском языке. В кино — «Медвежья свадьба» с знаменитой «польской» артисткой Малиновской, «Дворец и крепость» с переделанным под польский вкус концом — опять-таки с большевистским зверством, и, конечно, всякое американское приключенчество и французская сентиментальность.

Я убежден, что серьезный читатель знает Польшу лучше и глубже, чем я. Считал все-таки полезным записать мое поверхностное впечатление, так как, несмотря на близость Польши, наши проезжие редко в ней останавливаются, и, очевидно, редко это можно делать.

Выводы частные.

Для нас, не только авторов книг, но и организаторов литературы для общей пролетарской борьбы, литераторы Польши (да и других объезженных мною стран — Чехословакии, Франции, Германии) делятся на три группы. Те, кто избраны своим господином — классом, и не оборачиваются на имя СССР, а всячески помогают своим правительствам травить нас и оклеветывать. Другая группа — полупризнанные, полуопределившиеся — измеряет свое отношение к нам шансами на литературную конвенцию и возможность получать за переводы. Третьи — рабочие писатели и лефы (левая, срастающаяся с борьбой пролетариата часть европейской интеллигенции, «Ставба» — чехословацкая, «Дзвигня» — Польша, «Четыре ветра» — Литва, «Зенит» — югославская и др.). Третьи — это единственные отряды на Западе, подымающиеся на последнюю борьбу пролетариата.

Выводы общие.

Польша развивалась как крупная промышленная часть бывшей России. Промышленность осталась — рынков нет.

На Запад с лодзинским товаром не сунешься — на Западе дешевле и лучше. Западу нужна Польша как корова дойная, Польша земледельческая.

У многих поляков уже яснеет ответ на вопрос — быть ли советской республикой в союзе других советских или гонористой демократической колонией...

[*1927*]

ВАРИАНТЫ
И
РАЗНОЧТЕНИЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Стабилизация быта (стр. 7)

Машинописная копия:

29—30 I Отбирайте
открыточки
для любого гарнитура
II Отбирайте гения
для любого гарнитура

Бумажные ужасы (стр. 11)

Журн. «Бузотер», М. 1927, № 3, январь:

Подзаголовок: (Ощущение Владимира Маяковского)

67—69 Бумажища
в портфель
умещаются еле,

Сб. «Но. С.»:

Подзаголовок отсутствует.

67—69 Бумажища
в портфель
умещаются еле,

Нашему юношеству (стр. 14)

Черновой автограф в записной книжке 1927 г., № 37. Строки 1—5:

1 I Бросает меня
II На сотни эстрад бросает меня
2 На тысячи глаз молодежи

Черновой автограф в записной книжке 1927 г., № 39. Строки 1—5, 158—178:

2 на тысячи глаз молодежи
4—5 Как разен язык и одежи

158—161 Оттенков много во мне речевых
170—172 I Три разных народа в себе совмещав
II Три разных
III Такие крови ⟨в себе совмещав⟩
173—174 I дает мне право это
II беру я право вот это
175—176 воспеть всесоюзных совмещан
177—178 I украинцев и русопетов
II и ваших и русопетов

Запись рифмы к строкам 73, 76 в черновом автографе с поэтическими заготовками для различных произведений:

жаркими
парижаками

Авторизованная машинописная копия:

158—178 *отсутствуют.*

Журн. «Новый Леф», М. 1927, № 2, февраль:

16—17 бегут,
листками ворочая,

После 150 Победу
своими телами кормя,
на пушки пушки разинув,
бок о бок дрались дружины
армян,
украинцев,
русских,
грузинов.

158—178 *отсутствуют.*

Журн. «Новый Леф», М. 1927, № 3, март (в статье «Корректура читателей и слушателей»):

99—100 С грузинской татарская академия
158—161 Оттенков много во мне речевых.
170—172 Три наших нации в себе совмещав,

Сб. «Но. С.»:

152—157 *следуют после строки 178* [1]
158—161 Привычек нету во мне речевых
168—169 а по рождению
грузин.

---

[1] Слово «Москва» в строке 151 пропущено, очевидно, вследствие небрежности корректуры.

170—174 Три
разных
нации
в себе совмещав,
беру я
право это

Фабриканты оптимистов (стр. 19)

Черновой автограф в записной книжке 1927 г., № 39. Строки 1—12:

7—8 Все что из окошка видеть мог
9—10 I большущее окошко в складках холстика
II большущее окошко в складке холстика

Сб. «Но. С.»:

Подзаголовок отсутствует.

27—28 она от угрей такая
пятнистая.
32—33 И кажется
этой безгрудой фанере,
После 81 Саратов *отсутствует.*

По городам Союза (стр. 22)

Черновой автограф в записной книжке 1927 г., № 39. Строки 108—114, 135—144:

109—110 Здесь начались азиаты
138—144 стоит он у вечности в смете
Внимают ушами стихам про смерть
а сердцем слышу〈т〉 бессмертие.

Корректурный оттиск (имеет дату наборщика 7 февраля):

66—67 Сломал на яме ногу...
Раз ты
88 Баючит езда дребезжанием звонким.
119—120 Хранят
любовнейшие сказания
143—144 а сердцем слышут:
«бессмертье!»
147—148 Многое
так и осталось,

Журн. «Молодая гвардия», М. 1927, № 4, апрель:

66—67 сломал на яме ногу...
Раз ты
143—144 а сердцем слышут:
бессмертье.

Моя речь на показательном процессе по случаю возможного скандала с лекциями профессора Шенгели (стр. 27)

Черновой автограф в записной книжке 1927 г., № 37. Строки 1—29, 91—99:

Заглавие отсутствует.

10—11 I Кругом

II Вокруг меня толпа малышей

16 и голос у них гнусавый

26—29 I И если б меня

II И если бы вызвал меня судья
сказал бы ему виновато гудя

III А вызовут в суд убежденно гудя
скажу товарищ судья

91—96 для вас вопрос о поэзии нов
но видно же
эти молятся

Беловой автограф в записной книжке 1927 г., № 40:

Заглавие: I Моя речь на показательном процессе по случаю возможного скандала на лекции Шенгели.

II Моя речь на показательном процессе по случаю возможного скандала с лекцией Шенгели.

III Моя речь на показательном процессе по случаю возможного скандала с лекциями профессора Шенгели.

26—27 I А вызовут в суд —
виновато гудя

II А вызовут в суд
убежденно гудя

35—37 I Хоть я и слыхал
про статью
и закон

II Хоть я и слыхал
про суровый
закон

40—41 I Снимем
с закона
лирические одеяния

II Снимем
с фактов
лирические одеяния

III Законы
не знают
переодевания.

42—43 I Говоря
без преувеличенности

II а без
преувеличенности

44—46 I хулиганством
называются
озорные деяния

II а без
преувеличенности
хулиганство
это
озорные деяния

56—57 I но масса животных
стадо

II но масса баранов
стадо

75 I молился б на ихнюю личность

II воспел б<ы> ихнюю личность

III влюбился б в ихнюю личность

Отдельно записана рифма к строкам 79, 84:

минусов — и носов

80—81 I Пустяк!
Принудительный ассортимент

II Дыра!
Принудительный ассортимент

129—130 I Судья
расцветши розой в саду

II Судьей
расцветшим розой в саду

Машинописная копия:

80—81 Дыры!
Принудительный ассортимент

Журн. «Молодая гвардия», М. 1927, № 3, март:

103—105 как чаши
скрывает
церковные.

Сб. «Но. С.»:

Заглавие: Моя речь на показательном процессе по случаю возможного скандала на лекциях профессора Шенгели.

«За что боролись?» (стр. 31)

Черновой автограф в записной книжке 1927 г., № 39:

Заглавие отсутствует.

1—2	I	Крепнет слух бессмыслен и гадок
	II	Слух идет бессмыслен и гадок
3—4	I	трется в уши и душу ежит
	II	трется в уши и сердце ежит
5—6	I	будто бы упадок
	II	будто бы воли упадок
	III	говорят что воли упадок
13—15		про еду забывший ротишко
		под витриной косит в уныньи
16—17		И голодным вам на завись
19		и едят какие-то завы
22—23		Говорят о сильном сраме
24—25		что лишь радость развоскресеньена
26—27	I	что рабочие стали гусарами
	II	комсомольцы лейб-гусарами
28—29	I	пьют да ноют под стих Есенина
	II	ноют пьют под гитару Есенина
31	I	скрип заученной белой роли
	II	шип заученной белой роли
	III	шип сквозь губ кр⟨ивую?⟩
	IV	шип сквозь губ искривленную прорезь
32	I	революция не удалась
	II	революция то не удалась
37—38	I	Горло впетливают в коски
	II	Или горло впетлют в коски
39—40	I	И ругаюсь я как поэт
	II	И печалюсь я как поэт
45—46	I	тут и рифма и стих не при чем
	II	рифма в этих делах не при чем
47—49	I	дай мне
	II	дай как другу пару рук
52—54		Знаю я что значит не есть
		на бульварах валялся когда
57—58		за идею свою голодать
59—71		*отсутствуют. Записаны заготовки рифм:*

60, 64 завитую — завидую
62, 65 злись — слизь
72—75 Мы владыки их душ и тела
с нашей воли встречают восход

Отдельно записаны рифмы и наброски строк:

79 хотела
80 особых отделов
86 Чеки
89 чулки
78—79 если б партия захотела
81—82 эту мразь списать в расход.
83—84 I И слюнявя любезность наносную
II И рядясь в любезность наносную,
85—87 мы взамен подвалов Чеки
кормим дыней их ананасною
90—93 И их непачевое племя за это
что ест еду оно мою
94—95 I оно мне строит дома клозеты
II оно мне строит дома и клозеты
96—97 и преподает астрономию
98—115 *отсутствуют.*
124—125 I пол шара земных запрокидывая
II как чашу мир запрокидывая

Неиспользованные в стихотворении заготовки рифм и наброски строк:

само ли
комсомолец
обоями
заж<м>и обоймы
клялся
класса
Муре
жмуря
вестника
сверстника

Не вошедшие в стихотворение строки:

I Семнадцатилетним и двадцати
II Семнадцатилетние и двадцати
мы вам и сегодня сверстники
Не в трактире с цветами обоями

нас утопит пивная река
мы умрем сжимая обоймы
Видим видим перед собой мы
океана годов перекат
I на последней из баррикад
II на одной из баррикад.

Беловой автограф:

52—53 I Знаю я
II Знал и я
что значит «не есть»
87 кормим дыней их ананасною
112—115 Сейчас коммуне
ценнее гвоздь
чем тезисы о коммунизме.

Журн. «Новый Леф»,[с] *М. 1927, № 3, март; газ. «Комсомольская правда» М. 1927, № 69, 27 марта*:

112—115 Сейчас коммуне
ценнее гвоздь,
чем тезисы о коммунизме.

Сб. «Но. С.»:

112—115 Сейчас коммуне
ценнее гвоздь,
чем тезисы о коммунизме.
124—125 Чашей
мир запрокидывая

Корона и кепка (стр. 39)

Черновой автограф в записной книжке 1927 г., № 39:
Заглавие отсутствует.

1—2 I Царя вспоминаю меркнут слова
II Царя вспоминаю и меркнут слова
3—4 I не просто первый великий и главный
II и то удивительно если просто главный
III дух займет если просто главный
5—9 I А царь так даже не одна глава
II А царь не просто всему голова
а двухглавный
10—17 *отсутствуют.*

Отдельно записана первоначальная заготовка рифмы к строкам 19, 21:

грозна
казна

18—19 I И ворочает глаза грозны
II и косит ворочает глаза грозны
22—24 I И гремели в каждом онемевшем мéсте
II И свистели в каждом онемевшем месте
27—28 I Мы Николай Второй
II Мы Николай Вторый
29—31 обращенный в тартарары
главный начальник России тюрьмы
32—35 царь польский, царь эстляндский
царь лифляндский и царь курляндский
38—39 над Россией крестьянской
над Россией рабочей
43—45 *отсутствуют.*
46—48 Но память
о прошлом
временем грабится
63—64 I Под⟨писал?⟩
II Нате мандат
без всякой волокиты
67—68 I Отк⟨азался?⟩
II Подписал поставил исходящий номер
70—75 Пошел по небесной скатерти дорожке
Оставил эти ножки да рожки.
76—79 Это то ли стул то ли стол
со ступеньками со всех сторон
80—81 Это так называемый престол
87—94 *отсутствуют.*
97—98 I цари ходили ее носивши
II бриллиантов пуд устанешь носивши
101—102 I удобнее в кепке и много красивше
II в кепке мягше и много красивше
103 Очень неудобная эта корона
108—109 Поломан клюв обстрижены когти

Журн. «Октябрьские всходы», Харьков, 1927, № 5, март:

8—9 а даже
двухглавый.
10—11 Он сидит
в коронном ореоле,
20—21 повелитель
жизней и казны.

38—39 над Россией крестьянской
и рабочею,
63—64 Получайте мандат
без всякой волокиты.

Журн. «Семь дней», М. 1927, № 11, 4 марта:
20—21 Повелитель
жизней и казны.
63—64 Получайте мандат
без всякой волокиты

Газ. «Молодой ленинец», М. 1927, № 59, 12 марта:
14—15 Как полагается в орлиной роли
20—21 повелитель
жизней и казны
63—64 Получайте мандат
без всякой волокиты

Газ. «Призыв», Владимир, 1927, № 59, 12 марта:
20—21 повелитель
жизней и казны
63—64 Получайте мандат
без всякой волокиты

Газ. «Северный рабочий», Ярославль, 1927, № 59, 12 марта:
20—21 повелитель
жизней и казны
63—64 Получайте мандат
без всякой волокиты

Газ. «Трудовая правда», Пенза, 1927, № 58, 12 марта:
20—21 повелитель
жизней и казны
60—64 *отсутствуют.*

Сб. «Но. С.»:
8—9 а даже —
двуглавый.
103 Очень неудобна такая корона.

Вместо оды (стр. 43)

Беловой автограф:
После 9 Расскажу
обыкновенный случай
не самый плохой
и не самый лучший.

12—14 оглохшая
от примусовых пыхтений
и уханий
27—28 I Хозяйка сердитая
видно сразу
II Баба сердитая
видно сразу
62—63 Простите великодушно
и буду тише

Газ. «Труд», М. 1927, № 55, 8 марта:

12—14 оглохшая
от примусов, пыхтений
и уханий.
62—63 Простите великодушно,
и буду тише
73—74 все поняв
все простив

Вдохновенная речь про то, как деньги увеличить и уберечь (стр. 47)

Черновые наброски строк 5—13 в записной книжке 1927 г., № 39:

5—8 мы
просим взаймы
9—13 дураков нет
монет

Машинописная копия архива газ. «Известия ЦИК»:

44—45 I А если
не будешь мелить Емелю
II А если
не будешь молоть Емелю

Лезьте в глаза, влетайте в уши слова вот этих лозунгов и частушек (стр. 50)

Черновой автограф в записной книжке 1927 г., № 39. Строки 50—54 и 62—68:

50—51 100 выиграл и рад

Февраль (стр. 53)

Беловой автограф:

4—5 I толпились по десять
стекались по стó
II толпились по десять
сходились по стó

40—44 *вставлены позже.*
75—77 Но постепенно
пришла степенность
и белая пена.

Газ. «Труд», М. 1927, № 59, 12 марта:

73—74 Городу
и этого мало
75—77 Но постепенно
пришла степенность
и белая пена.
96—98 И мы
дошли,
в октябре доверша

Первые коммунары (стр. 56)

Газ. «Труд», М. 1927, № 63, 18 марта:

30—31 Когда пошли
в дорожной тесьме
71—73 Не сбить нас
ни слову
ни плети.

Лучший стих (стр. 59)

Газ. «Труд», М. 1927, № 66, 23 марта:

1—3 Аудитория
сыпет
вопросы колючие
67—69 не приравняю
к простому
к газетному факту,

Не все то золото, что хозрасчет (стр. 62)

Беловой автограф:

12—14 I Да еще
в довершенье
между нас
II Да еще
в довершенье
промежду нас —
50—51 I Граф Толстой,
в историю ряженый
II Щеголяет Толстой,
в историю ряженый

63—65 I Чуть ли
не над ВЦИКом
ножкой машет
II Чуть ли
не над ЦИКом
ножкой машет·

69—71 разные
ихние
левые марши

96—98 I по стих
сверкающий
оружием класса
II по стих
бьющий
оружием класса

99—100 I никому не продадим
ни за какую деньгу.
II мы не продадим
ни за какую деньгу.

Авторизованная машинописная копия:

50—51 Щеголяет Толстой
в историю ряженый

69—71 I разные
ихние
левые марши.
II разные
ваши
левые марши.

Рифмованные лозунги (стр. 65)

Журн. «За грамоту», М. 1927, № 1, апрель:

24—25 12,
12 миллионов

Маленькая цена с пушистым хвостом (стр. 68)

Журн. «Бузотер», М. 1927, № 14, апрель:

22—23 Вперила
очков тарелки

Английский лидер (стр. 71)

Газ. «Труд», М. 1927, № 83, 13 апреля:

Заглавие: Гавэлок Вильсон

Эпиграф: Известный предатель, «вождь» английского союза моряков,— Гавэлок Вильсон опубликовал книгу «Мое бурное жизненное путешествие», в которой описывает свои подвиги. Г. Вильсон представляет собой профсоюзного «вождя» американского типа, буквально продающегося капиталистам за деньги.

40—42 хозяина
с рабочими миря?
Может договориться раб ли,

65—67 Таких
деньков примиренных
надо,

96—97 Станет
товарищем близким,

«Ленин с нами!» (стр. 79)

Газ. «Труд», М. 1927, № 86, 16 апреля:

134—136 А нынче
власть
и партия здравствует

180 самых трудных годов

После 180

«На толщь
окрутивших
соглашательских веревок
слова Ильича
ударами топора.
И речь
прерывало
обвалами рева:
— Правильно, Ленин.
Верно.
Пора! —»
Десятилетие!
Долго очень.
Были белые —
стали клячи.
И сам
Керенский
с парой пощечин
за морем
себе
на чаишко клянчит.

А партия,
которой
от нас
судьба
советских республик
вверена —
всегдашним,
громовым рупором масс
раструбливает
это:
— верно! —
Годы!
Не смыть вам,
когда минуете,
и эту
с массой минут.
Как о первой
октябрьской минуте
об этой
упомянут.

Лена (стр. 84)

Сочинения, т. 6:

36—37 Ныне
58—59 Скрипенье сапог
и скрипенье льда...
89—91 пишет
жандарм
упитанный

Мощь Британии (стр. 88)

Газ. «Труд», М. 1927, № 89, 20 апреля:

33—35 Взрываются
мины,
матросов сметя,—
69—77 И ловит
Вильсон
ежемесячный чек
в сотню
английских фунтов.
За это
к хозяевам впущен в палаты

и с ними
добрый и миленький.
122—123 вернитесь
к союзным зонам.

Товарищу машинистке (стр. 92)

«Наша газета», М. 1927, № 91, 22 апреля; журн. «Бузотер», М. 1927, № 16, апрель:

36—37 только знает
пудриться
120—122 А город
в глаза в оба
сам

Сб. «Но. С.»:

120—122 Аж город
в глаза оба
сам

Весна (стр. 97)

Журн. «Бузотер», М. 1927, № 17, май:

117—119 На луже,
зажатой
берегом в бока,

Сердитый дядя (стр. 101)

Газ. «Труд», М. 1927, № 99, 5 мая:

37—38 то пишущего
рука

Осторожный марш (стр. 109)

Газ. «Рабочая Москва», М. 1927, № 121, 31 мая:

Заглавие: Иди по республике, тревожная весть:
фронта нет, но опасность есть!
32—33 Не жаль им,
товарищ,
36—37 Держи,
товарищ,
43—44 уже
у разных Врангелей

Венера Милосская и Вячеслав Полонский (стр. 111)

Черновой автограф в записной книжке 1927 г., № 42. Строки 125—131, 141—142, 173—174 и заготовки для строк 132—136, 139—140, 169—170:

125—126 I Не гараж а сам бог
129—131 I в переводе на простой
II в переводе на русский простой
1000 вагонов и двести стойл
132—136 ройльса
с ветром сросся
139—140 кита ж
141—142 подымают на 6 этаж
169—170 не позволим
173—174 I тыкать нам мозоли
II тыкать нам в лицо мозоли.

Авторизованная машинописная копия:

168 I Тряхните футурстариной.
II Тряхнем и мы футурстариной.

Господин «народный артист» (стр. 120)

Газ. «Комсомольская правда», М. 1927, № 123, 2 июня:

47—49 Когда
полями,
кровью политыми,
69—70 и те,
кто покорны фаустовскому тельцу

Дела вузные, хорошие и конфузные (стр. 123)

Беловой автограф с поправками:

20—21 I и вот
за какой-то за перелет
II и вот
за какой-то там перелет
22 I венками чело его кроют
II венками голову кроют
48—52 Жюри
стояло
у двери уборной
с часами
и на часах
После 52 Поблажки и льготы ему
не даны.
Он крякнул —
и снова сел,

помял живот,
расстегнул штаны
и снова
без отдыха ел.

87—88 I На мир глядим без конфуза
II На вуз не навел конфуза

Отдельно записаны рифмующиеся концы строк 96, 100:

Умерьте пыл
или в попы

104—105 I то ее
не к жратве вороти
II ее
не к жратве вороти

110—113 I И пузом не лопнешь
не треснешь,
полезней
и интересней ж.
II Не лопнешь ты
и не треснешь,
полезнее
и интересней ж.

114—116 I И скоро
и вуз
разложится весь
II А то
и вуз
разложится весь

117 I С такими героями цацкаясь
II С героем обжорки цацкаясь

120—121 I Вот эти
привычки бурсацкие
II такие нравы
бурсацкие

Газ. «Комсомольская правда», М. 1927, № 126, 7 июня:

48—52 жюри
стояло
у двери уборной
с часами
и на часах,

После 52 Поблажки и льготы ему
не даны.

Он крякнул —
и снова сел,
помял живот,
расстегнул штаны —
и снова
без отдыха ел.

101—103 А если
в тебе
озорная страсть

Да или нет? (стр. 130)

Черновой автограф:

Заглавие отсутствует.

1—3 I Сегодня
польской
наемной рукой

II Сегодня
пулей
наемной руки

11—13 I Мы ждем
от Варшавы
точный ответ

II Мы ждем
от правительства
точный ответ

III Мы требуем
точный
и ясный ответ

16—17 I Вы вместе с убийцами?
Да или нет

II Варшава с убийцами?
Да или нет

III Паны за убийцу?
Да или нет

20—21 мы выжмем
взявши за горло

27—28 Мы терпим Шанхай
стерпели Аркос

34—35 но им
не сломать стальных

48—49 I нанявшему
и убийцам

II погромщикам
и убийцам

Общее руководство для начинающих подхалим (стр. 140)

Авторизованная машинописная копия:

Заглавие: Руководство для начинающих подхалим

5—9 Глядя на них
и некоторой молодежи
хочется
так же
устроиться тоже.

47—48 «Руководство
для молодого подхалима»

115—128 *вписаны от руки.*

Крым (стр. 144)

Черновой автограф в записной книжке 1927 г., № 37. Строки 1—8:

1—2 I Хожу смотрю в окно ли я
II Хожу гляжу в окно ли я

5—8 то в глаз тебе магнолия
то в нос тебе глициния

Беловой автограф:

Строки 19—25 первоначально записаны перед строками 9—18, затем переставлены, как в тексте.

Товарищ Иванов (стр. 146)

Газ. «Комсомольская правда», М. 1927, № 138, 22 июня:

95—104 *отсутствуют.*

Польша (стр. 154)

Машинописная копия:

6—7 I А лишь
звенит
офицерский звон
II Одно
звенит
офицерский звон

41—42 а вилку
стиснули пальцы.

Чугунные штаны (стр. 157)

Журн. «Молодая гвардия», М. 1927, № 7, июль:

Заглавие: Варшава

19—20 Киев и Харьков наши.
42—43 И...
сделайте милость,
пожалте к нам,
54—55 на градусов девяносто
вправо!
78—79 против
панской Польши.
86—88 Заслужишь —
и стой.
Довидзенья.

Посмотрим сами, покажем им (стр. 163)

Газ. «Рабочая Москва», М. 1927, № 154, 10 июля:

20—22 Буржуи
тоже
в кулак не свистят —

Иван Иванович Гонорарчиков (стр. 165)

Беловой автограф:

51 I гнилая фраза
II гордая фраза

«Комсомольская правда» (стр. 175)

Беловой автограф:

6—8 Где ж
организация
и размах наш?
74—77 Делаете
дело
собственное
ваше

Газ. «Комсомольская правда», М. 1927, № 168, 27 июля:

51—53 Помогай
листам
к молодежи подойти.
57—60 Вопросы
и трудовые,
и веселые,
и скользкие,
74—77 Делаете
дело
собственное
ваше

Пиво и социализм (стр. 178).

Машинописная копия I:

Заглавие: Витебские мысли

Машинописная копия II:

72—73 Что вы, товарищи,
белены

Журн. «Бузотер», М. 1927, № 31, август:

72—73 Что вы, товарищи,
белены

Беловой автограф в записной книжке 1927 г., № 51. Строки 31—33, 42—47, 53—55, 64—66:

42—44 Уже и жены работающих на заводе
45—47 I об своих мужьях твердят стоусто
II о своих мужьях твердят стоусто

Сб. «Но. С.»:

10—11 Хороша шутка!
Недурно сострена!

Чудеса! (стр. 185)

Запись рифм в записной книжке 1927 г., № 46:

40 тусклые
46 тульские
29 маркерами
35 форме

Сб. «Но. С.»:

18—19 Афиша на стенах дворца:
Во вторник
55—57 Пусть тот,
кто советам
не знает цен

Маруся отравилась (стр. 188)

Сб. «Слоны в комсомоле»:

Перед 1 1
56—58 Смер-тель-ный
яд
испит.

Перед 70 *вместо* Почему? — 2
197—201 *отсутствуют.*
Перед 207 *вместо* Что? — 3
217—219 Вино и книга.
И если
ее

Письмо к любимой Молчанова, брошенной им, как о том сообщается в № 219 «Комсомольской правды» в стихе по имени «Свидание» (стр. 196)

Беловой автограф в записной книжке 1927 г., № 51. Строки 53—55, 62, 69—72, 105—110:

69—70 Девушка плюньте на строку

Газ. «Комсомольская правда», М. 1927, № 226, 4 октября:

85—86 Знаю я —
в жакетах в этаких

«Англичанка мутит» (стр. 200)

Газ. «Рабочая Москва», М. 1927, № 234, 13 октября:

26—27 И если
чанзолиньи китайцы

Рапорт профсоюзов (стр. 203)

Беловой автограф:

20—21 I где строится страна
или ставят заплату
II где строится страна
или ставят заплаты

«Массам непонятно» (стр. 205)

Сб. «Но. С.»:

32—33 Точка —
родинка

Размышления о Молчанове Иване и о поэзии (стр. 209)

Беловой автограф:

Заглавие: Разные размышления о Молчанове Иване и о поэзии.

21 I Но есть ли н<ам>
II Но что за толк
III Но что нам за толк

Гимназист или строитель (стр. 221)

Сб. «Слоны в комсомоле»:

99—101 А если
и пишет
— ученый и прыткий

120—122 той,
что облегчает
человечьи руки.

Баку (стр. 227)

Черновой автограф в записной книжке 1927 г., № 51:

Заглавие отсутствует.

2—3 Каспийское пьяно от льдов и нордоста

6—8	I	ложится сразу недвижимой лужей
	II	и сразу ложится недвижимой лужей
12—13		трудом копошится Баку плоскокрыший
16		и осень шатает ветрами выстегав
17—18		На всех бульварах под башнею девьей
27—30	I	Он может купить не Москву а картинку
	II	Он может купить не Баку а картинку
44—46	I	Слетело с Детердинга английское сэрство
	II	Сошло с Детердинга английское сэрство
47—48	I	и сэр такой испускает крик
	II	и сэр такой испускает рык
52—55		На кой же хрен мне финики эфти Нефти подайте. Нефти!
66—67		Нефть это значит в грядущем бреду
75—76	I	Нефти не страшны водные рвы
	II	С нефтью не страшны водные рвы
79—80		на броненосце проноситесь вы
89—90	I	Пер⟨вым?⟩
	II	У берегов внезапно явись
93—94		на дом не может вязнет в низине
95—98		Нефть это значит что трактор и танки
109—110	I	Нефть миллионщиком стал оголец
	II	Это миллионщиком стал оголец
111—112		Если фонтан забил бушуя
123—125	I	Нефть это значит владелец нефти
	II	Нефть это значит собственник нефти
126—127		Владелец моря держатель власти.
132—139		Сэры в⟨ы⟩ влезли в двери не в те обратно вот в эти лезут Сэры отцепитесь от наших нефтей самим нужны дозарезу

Неиспользованные в стихотворении заготовки рифм:

такие — Тагиев — нагие
промотавши — Манташев

Беловой автограф:

Заглавие: Я вас не понимаю, мистер Детердинг!

Подзаголовок: (Баку)

16 норд-ост шатает ветрами выстегав

После 55 *вместо* II: Я вас понимаю, мистер Детердинг!

66—67 Нефть это значит:
в грядущем бреду
93—94 I На
II Дом обходит,
вязнет в низине...
123—125 I Нефть — это значит:
соб<ственник>
II Нефть — это значит:
владыка нефти
128—139 *отсутствуют.*

Газ. «Заря Востока», Тифлис, 1927, № 1650, 13 декабря:

После заглавия — подзаголовок: Я вас не понимаю, мистер Детердинг

49—51 какой
урядник разве
привык.

После 55 *вместо* II: Я вас понимаю, мистер Детердинг

66—67 Нефть — это значит
в грядущем бреду
132—139 Сэры,
вы лезете
в двери не в те;
обратно
вот в эти лезут.
Сэры,
отцепитесь от наших нефтей.
Самим
нужны дозарезу!

Сочинения, т. 7 (вторая часть стихотворения, начиная со строки 56):

Заглавие: Я вас понимаю, мистер Детердинг
66—67 Нефть — это значит
в грядущем бреду,
128—139 *отсутствуют.*

Солдаты Дзержинского (стр. 231)

Черновой автограф в записной книжке 1927 г., № 51:

Заглавие и посвящение отсутствуют.

1—2 I Тебе Маяковский поэт и певун
II Тебе поэт поэт и певун

9—12 I и не славить его и не вымести
II не хочу не славить его и не вымести
III Вас ни славить ни вымести
IV Вас не хочу ни славить ни вымести
13—15 I полезной
железной
II Мое железное слово железной
III Железные слова о железной
18—19 I Не взять нас врагу
II Не съесть врагу
25—26 I Не скоро установится блаженство весеннее
II Блаженство не скоро установится весеннее
27—30 I Битвы будут громше чем крымское
II Громше битвы будут чем крымское
42—43 I время ждет сражения ж<атвы>
II время ждет сражений жатвы
44—46 I Чека это диктатуры кулак
Класса кулак сжатый
II Чека это диктатуры кулак
сжатый
47 I Храни дома и речки
II Храни пути и речки
48—49 и кровь и кров
50—51 I Среди врага секретчики
II Ищи врага секретчики
III Бери врага секретчики

Отдельно записаны заготовки рифм:

17 держись ка
20—21 товарищи Дзержинского
49 Крой
53 Кро

Черновой автограф в записной книжке 1927 г., № 52:

Заглавие и посвящение отсутствуют.

1—5 *отсутствуют.*
9—16 Вас ни славить не хочу и не вымести
Железными словами говорю
о железной необходимости
18—19 не съесть нас врагу
25—26 еще не настали дни весенние
42—43 И смерть глядит ожидает жатвы

48—51 и кровь и кров
бери врагов секретчики

Газ. «Комсомольская правда», М. 1927, № 289, 18 декабря; газ. «Заря Востока», Тифлис, 1927, № 1655, 18 декабря:

Посвящение отсутствует.

Хорошо! Октябрьская поэма (стр. 233)

Запись рифмы в записной книжке 1927 г., № 39:

275 стружки
281 старушки

Запись рифмы в записной книжке 1927 г., № 40:

51 наймем
56 знамен

Черновой автограф строк 1088—1107, 1123—1125, 1129—1130 (из 7 главы) в записной книжке 1927 г., № 41:

1093—1094 Сожмите
косарь
и кователь
1097—1104 I Вверх флаг
рвань встань
враг ляг
страх плах
II Враг ляг
день дрянь
Вверх флаг
рвань встань

Черновой автограф строк 3157—3159 (из 19 главы) в записной книжке 1927 г., № 42:

Что ни год расти
этой бодрости

Черновой автограф с поэтическими заготовками для различных произведений на отдельном листе:

1—5 слепо
эпос
6—8 эпопей
12—14 приходи попей
89—95 Родзянки
мать твою за ноги
1503—1508 очах
Колчак
толча
Колчак

Черновой автограф глав 1, 9—17 и строк 2897—2898, 2901—2902 (из 18 главы) в записной книжке 1927 г., № 43:

1—5 Эпос времена и люди
дни и солнце — эпос
эпоса не видеть слепо

6—8 Я ни эпосов не делаю ни эпопей.
25—28 I или в сердце билось моем
II или в сердце было в моем
42—43 I от октябрьского свидетеля счастливого
II от свидетеля счастливого

1301—1303 что за нация такая социалистичья
1319—1321 с трудом перебиваетесь со дня на день
1326—1329 за что вы идете когда велят воюй
1330—1332 I Можно быть разорванным бомбищей
II Можно быть разорванными бомбищею
можно умереть за землю свою
1354—1362 это вот отечество райские кущи
ради такого бы мол отечества
поняли мы бы и смерть и молодечество
1363—1366 I Слушай национальный трутень,
день наш тем и славен что труден
II И не понимает национальный трутень
что день наш тем и славен что труден

1367—1368 Эта песня песнею будет
1369—1371 наших бед побед и буден
1378—1380 I Что если в России увязнет коготок
II если в России увязнет коготок
1419—1421 I и поверх всех
II а поверх всех

1422—1423 с жерлами чудовищной длинноты
1439—1441 I сжали горло и стискивают
II нащупали горло и стискивают
1445—1446 в Каспийское и в Балтийское
1453—1454 I стоит ⟨морей владычица⟩
II везде морей владычица
III стоит морей владычица
1455—1456 I железная ⟨Британия⟩
II бульдожья Британия
1459—1460 I и пушки глядят в лицо
II и пушки смотрят в лицо

1464—1467	I	рыбкой наедитесь пойдя на дно
	II	рыбки наедитесь пойдя на дно
1484—1486		выпускают впереди одураченных ребят
1493—1494		идут на Питер
1506—1508		сибирский хлеб сапогами толча
1511—1515		идут за ним голубые чехи траншеи машинами выбраны
1529—1538		Я мол иду мол прихлебывает виски а из лесу десять чудовищ большевистских я раз одного другого раз
1539—1541	I	Кстати и девушку спас
	II	как дэнди кстати и девушку спас.
1542—1547		Спросите мадамы у мерина сивого а кто же Мурманск разизнасиловал
1551—1552	I	кровью крашеная
	II	волны крашен⟨ые⟩
	III	кровью крашеная
1555—1556	I	кладь страшную
	II	с кладью страшной
1557—1558	I	несла в Ледовитый
	II	шли в Ледовитый
1561—1563		одного коммуниста который скручен
1567—1569	I	бежали от выстрелов берег вычистя
	II	бегали от выстрелов берег вычистя
1570—1576		Над серыми хатами огненные перья руки холеные туго у горл
1577—1579	I	итс эй лонг увей ту типерери
	II	но итс эй лонг увей ту типерери
1594—1599		Будьте прокляты прогнившие королевства и демократии с выродившимся своим фратерните и эгалите
1600—1603	I	на красных льется свинца кипяток
	II	свинцовый на красных льет кипяток
1620—1621		С Лениным в мыслях и с наганом в руке
1625—1626		проста и суха
1641—1642	I	сую⟨т⟩
	II	тома суют
	III	суют тома шекспирьи
1645—1646	I	картошка пиром
	II	картошка в пир им

1662—1664 I и бег и бой и сон и тлен
II и бой и бег и сон и тлен
1670—1671 грозою омываема
1690—1692 обманут зацелуют убьют за руп
1696—1698 I за хлебной за карточкой стоит лесоруб
II за хлебными карточками стоят лесорубы
III по хлебным карточкам живут лесорубы
1712—1717 чай привыкши
Будет обед и будет ужин
1718—1720 I белых когда отобьем от ворот
II белых бы вон отбить от ворот
1721—1723 I есть захотелось пояс туже
II есть захотелось пояс потуже
1741—1744 I два блюда суп с бульоном
II блюда два котлеты с бульоном
III ни щей ни каш бифштекс с бульоном
1745—1747 I хлеб свой полтора миллиона
II хлеб твой и полтора миллиона
III хлеб ваш и полтора миллиона
IV и хлеб ваш и полтора миллиона
1754—1755 I да вот как нá зло
II а вот как нá зло
III а вот как раз как нá зло
IV а вот как нá зло
1757—1758 и нету масла
1759—1760 I очень научные
II они научные
1761—1762 I напишут и вылечат
II напишут вылечат

Первоначальные варианты строфы 1765—1772:

I Начальство ласково
к мандатам Луначарского
II Начальство не ласково
к мандатам Луначарского
1777—1779 I Дрова
II Дров березовых сухие поленья
1780—1782 шубу широкого
потребления
1786—1788 хотите брать головной убор
1799—1800 I идет назад
II идут назад

1806—1808		Ося, Лиля, я
1837—1838		вспотел вымок
1841		стругаю перочинным
1842—1843	I	ржа
	II	нож ржа
1846—1847	I	в груди жар
	II	в голове жар
1853—1854		это лезет угар
1861—1862		говорят будят
1864—1865	I	очень угорели
	II	с углей угорели
1880—1883	I	по этому морю розовому на юг
	II	по розов⟨ой⟩ глади моря на юг
1888—1889		там где березовые
1901—1903	I	любовей дружб семей
	II	любовей дружб и семей
1909—1911		поймешь что нельзя на людей жалеть
1912—1913	I	ни одеяла ни ласки
	II	ни одеяло ни ласку
1914—1916	I	страну где воздух как сладкий морс
	II	землю где воздух как сладкий морс
1917—1918	I	бросишь и уйдешь колеся
	II	бросишь и мчишь колеся
1930—1932	I	где же тут словам и в этих строках
	II	где уж тут словам и в этих строках
1933—1935	I	боли волжской я не коснусь
	II	волжской боли я не коснусь
1958—1959		тому виною глаза небеса
1963—1964		круглые карие
1981—1982	I	нужна зелень
	II	теплота зелень
1991—1993	I	Я много дарил и конфет и букетов
	II	я много дарил конфет да букетов
2008		средней травинки

Зачеркнутый первый вариант строк 2027—2040:

	Сквозь снег и ветра
	приходила сестра
I	что тебе Оля
II	чего тебе Оля
	щепотку соли.

2035—2036 I дай соли
II нет ли соли
2044—2045 I скользит сестра идет сестра
II скользит сестра бредет сестра
2046—2047 идет трехверстной Преснею
2058—2060 I А соль не валится
II пришла А соль не валится
2065—2066 ступай жена
2106—2107 лежала Америка
2108—2109 I лежала и лакала
II лежала лакала
2112—2114 I в лицо ваше что толще свиных причуд
II в лицо ваше толще свиных причуд
2117—2120 I из нищей земли моей кричу
II из нищей нашей земли кричу
2121—2124 I Я эту землю люблю
II Я землю эту люблю
III Я землю вот эту люблю
2128—2129 пуза растил и зобы
2133—2135 I не бросить и не забыть
II не ⟨разлюбить⟩
III ее ⟨разлюбить⟩
IV не разлюбить не забыть
2140—2141 I по ней мин⟨уты⟩
II несут минуты вестницы
2148—2149 никаких топлив
2155—2156 I почти до самой трубы до носа
II до самой трубы до носа
2170—2177 *отсутствуют.*
2181—2182 I за снежную скатерть
II сквозь снежную скатерть
2183—2194 *отсутствуют.*
2201—2206 Деникин подходит к самой тульской пороховой сердцевине
2207—2208 I За
II Обулись обыватели по пыли печатают
2214—2216 I чаи ручьи сухари сахары
II ручьем чаи сухари сахары
2217 Близко беленький
2225—2228 I и красные мчались на юг эскадроны
II и красные скакали на юг эскадроны

2237—2239		простреленным легким страшно хрипя
2243—2245		кровь со ступенек стекала на пол
2256—2258		и визг шел шакалий
2259—2261	I	говорит салоп чуйке
	II	салоп говорит чуйке
2262—2263		чуйка шепчет салопу
2264—2265	I	попались длинноносые щуки
	II	заерзали длинноносые щуки
2266—2268	I	скоро всех ухлопают
	II	всех скоро слопают
2269—2271		А потом топырили глазные тарелины
2272—2274	I	длинную длинную фамилий тропу
	II	в длинную длинную фамилий тропу
	III	в длинную фамилий и званий тропу
2275—2280		а ветер сдирал списки расстрелянных
		рвал закручивал и пускал в трубу
2284—2286		Лубянская лапа Ве че ка
2289—2291		обыватели сидите у очага
2303—2306		Люди хоронились за кухни да пеленки
2317—2319	I	и мы умрем за вашу власть
	II	а мы душой за вашу власть
2320—2322		А утром небо как веча звонница
2341	I	последнее одно усилье
	II	одно последнее усилье
2345—2347	I	в голоде в холоде и наготе
	II	в голоде холоде и наготе
	III	в холоде в голоде и наготе
2348—2350	I	держали взятую власть да так
	II	держали то что взяли да так
2356—2358		росли без трудов у рта моего
2365—2366	I	вымы<л>
	II	и полуживую вынянчил
2367—2368	I	где с пулей
	II	где с пулей встань с винтовкой ложись
2369—2370	I	и каплей льешься с массами
	II	где каплей льешься с массами
2378—2380	I	Мне рассказывал грустный еврей
	II	Мне рассказывал знакомый еврей
	III	Мне рассказывал тихий еврей
2430—2431		наши наседали били по трапам
2441—2447	I	Глядя на ноги

шагом резким
шел Врангель
в черной черкеске
II Шагом резким
глядя на ноги
в черной черкеске
шел Врангель
2455 Над белым тленом
2466—2468 под выстрелы в лодку прыгнул Ваше
2479—2481 Стрелой пролетела штандартная яхта
2485—2487 тащились оторванные от станков и пахот
2493—2494 I в дыру к Милюкову в Дарданеллы узкие
II к туркам в дыру в Дарданеллы узкие
2505—2510 если не доить коров в Аргентине
умирать по каторгам по африканским
2511—2513 I чужие волны белых качали
II чужие волны качали транспорты
2553—2554 спускаются с Симферополя

Отдельно записана первоначальная заготовка рифм к строкам 2559, 2564:

боевая
разбивая
2557—2559 I Прохладой
II знаменами бой овевая
2560—2562 с красными вместе спускалась с гор
2565—2570 клонилась когда пулеметом крошило
и вновь подымалась в свинце
2574—2576 Слушают пушек морские ведьмы
2581—2583 I готовы умереть мы
II как сыпется с гор готовы умереть мы
2587—2588 I пальцы огромной р<уки>
II пальцы корявой руки
2589—2590 буквы непривычные гнут
2596—2600 Точка конец телеграмме и войне
2601—2603 Вспоминали недопахано недожато у кого
2607—2608 и шли оттирая пот рукавом
2630—2632 Отечество славим которое есть
2633—2634 I Но больше
II и трижды которое будет
2640—2642 I радуюсь маршу которым идем
II я радуюсь маршу которым идем

2653—2655 как меркнет доверье к природным дарам
2660—2661 крестьян закорузлых сердца
2672—2673 как первую весну человечества
2674—2675 I рожденную в трудах и в бою
II идущую в трудах и в бою

Отдельно записаны строки и наброски строк:

2897—2898 В мире насилья и денег
2901—2902 ваши великие тени
2920—2921 товарищи тише
2924—2925 ощетинивши

Черновой автограф глав 18 и 19 в записной книжке 1927 г., № 41:

2712—2714 I Но чаще и чаще
сюда теперь прихожу я один
II а чаще
просто один
2732—2734 Оттуда где Совнарком и ВЦИК
2743—2745 на секунду склонит голову
2746—2747 I и сно⟨ва⟩
II и вновь голова лунь
2757—2760 I Красная площадь до яви денной
II площадь в сияньи в яви в денной
2769—2772 I штыки от луны и тверже и злей
II штыки от луны тверже и злей
2792—2794 Память не пускает и меня
2804—2805 под радость рабочих шумящую морево

Отдельно записаны заготовки рифм к строфе 2806—2816:

2808 за час
2813 сочась
2810 около
2816 мокла
2806—2808 Вот с этим я виделся чуть не за час
2809—2810 I смеялись снимался около
II смеялся снимался около

Отдельно записана рифма к строкам 2819, 2824:

бородкой
короткой
2817—2822 за ними предо мной на мгновенье короткое
таким с каким портретами сжились
2833—2837 скажу не задумавшись делай ее
с товарища Феликса Дзержинского
2847—2849 и никто почти от старых лет

2864—2867	I	скажите стоите скажите не сдали
	II	скажите вы здесь скажите не сдали
2883—2884	I	крепнет крепка и стройна
	II	крепнет сильна и стройна
2885—2896		*отсутствуют.*
2906—2908		А вас не всосала всевластная тина
2913—2916		скажите цела ли скажите едина ль
2917—2919	I	готова ли к бою рабочая сила
	II	готова ли к бою партийная сила
2924—2925	I	Встанет штыки ощетинивши
	II	Встанем штыки ощетинивши
2937—2938	I	А в нашей буче кипучей
	II	А в буче кипучей
2939		и еще лучше
2954—2955		ветчина фрукты
2960—2963	I	Под лампочкой сияет Цена ⟨снижена⟩
	II	Лампы сия⟨ю⟩т цены снижены
2977—2979	I	и радуюсь я это мой труд
	II	радуюсь я это мой труд
2990—2991		спешат на заседание в красное здание
3001—3002	I	меня стережет
	II	меня бережет
3014—3015	I	никогда не было
	II	никогда в нем не было
3018—3019	I	на тучи кочки
	II	через тучи кочки
	III	облачки кочки
3020	I	перелазят летчики
	II	переплыли летчики
3023—3024	I	встал стою как дерево я
	II	встал словно дерево я
3043—3044	I	Суд⟨ьи?⟩ дрожат
	II	Прокуроры дрожат
3046—3047		Покрыта передовица
3050—3051		лезут хорошо
3054	I	у всех на виду
	II	у меня на виду
3055—3056		Барабану бока

3063—3064 пушки возятся
3078—3081 *отсутствуют.*
3108—3109 I за садами поле
II за городом поле
3116—3117 I в бородах папаши
II сидят папаши
3121—3122 I почитает стихи
II попишет стихи
3141—3143 а наша страна подросток

Беловой автограф 10-й главы:

1446—1447 в Каспийское
и в Балтийское
1493—1494 идут
на Питер
1514—1581 *отсутствуют.*
1620—1621 I с Лениным в голове
и с наганом в руке
II с Лениным в башке
и с наганом в руке.

Авторизованная машинописная копия глав 2—8— экземпляр, представленный Ленинградскому академическому Малому оперному театру:

148—150 Не гадал,
что в кровати
царицам вверенные
176—178 Он сам
опьянен
своей славой
181—184 *вписаны на полях.*
183—184 как хвастает
иной адъютантик.
202—203 а дамы
и дети пузанчики
263—265 I и его
рисуют
Бродский и Репин
II и его
рисуют
и Бродский и Репин
294—295 I видавшая виды
Пе. Эн. Милюков

II видавший виды
Пе. Эн. Милюков.
553—561 *вписаны на полях.*
558—559 I А в конце у Лиговки
другие слова
II А в конце Лиговки
другие слова
605—606 из тела
рабочую душу
625—627 эту
самую
Александру Феодоровну
709—711 Качались
двс
огромные тени.
727—729 Но тени
боролись
спутав лапы
752—754 I и
редели
защитники Зимнего
II Редели
защитники Зимнего
757—759 И долго
длилась
борьба молчания
793—795 Как смерть
глядит
неласково
796—798 I С Аврорских
башен
сталь.
II С Аврорьих
башен
сталь.
877—879 часы
таперича
наши».
887—889 Забились
за галстух
за что им приняться?

896—898 Вбегает
дрожащий
«драться глупо!»
918—923 объявил,
как об очень простом
и несложном
я
председатель реввоенсовета
Антонов
958—960 I бледнели
звезды
на карауле
II бледнели
звезды небес
в карауле
961—964 Дул
по другому
октябрь
ветрами
1052—1053 I Незнакомка
и дымки севера
II Незнакомки
и «дымки севера»
1078—1087 *вписаны на полях.*
1078—1080 I Но Блоку
Христос
появляться не стал
II Но Блоку
Христос
являться не стал
1083—1085 I Живые
с песней
из-за угла
II Живые
с песней
вместо Христа
1142—1149 *вписаны на полях.*
1172—1175 I вы-
хо-
ди,
босы

II вы-
хо-
ди,
босый

Авторизованная машинописная копия глав 2—8:

148—150 не гадал,
что в кровати
царицам вверенные

176—178 Он сам
опьянен
своей славой

181—184 *вписаны на полях.*

202—203 I а дамы
и дети пузанчики
II и дамы
и дети пузанчики

263—265 I и его
рисуют
Бродский и Репин
II и его
рисуют
и Бродский и Репин

553—561 *вписаны на полях.*

558—559 А в конце Лиговки
другие слова

605—606 I из тела
рабочую душу
II из тела
пролетарскую душу

625—627 эту
самую
Александру Феодоровну

709—711 Качались
две
огромные тени

757—759 I И долго
длилась
борьба молчанья
II И долго
длилось
это молчанье

793—795 Как смерть
глядит
неласково

796—798 I с Аврорских
башен
сталь

II Аврорьих
башен
сталь

877—879 часы
таперича
наши!

887—889 I Забились
за галстук
— за что им приняться?—

II Забились
под галстук
— за что им приняться?—

896—898 I вбегает
дрожащий
«драться глупо».

II вбегает
юнкер
«драться глупо».

918—923 объявил,
как об очень простом
и не сложном
Я
председатель реввоенсовета
Антонов

958—960 I бледнели
звезды
на карауле.

II бледнели
звезды небес
в карауле.

961—964 I дул
по другому
октябрь
ветрами

II дул
как всегда
октябрь ветрами
1052—1053 I Незнакомка
и дымки севера
II Незнакомки
и дымки севера
1078—1087 *вписаны на полях.*
1142—1149 *вписаны на полях.*
1222 I разнеслась с тачанок
II сыпется с тачанок

Авторизованная машинописная копия глав 1—19. Последовательность глав: 1—17, 19, 18 [1]. *Нумерация глав отсутствует* [2].

1—8 Эпос —
времена и люди
дни и солнце —
эпос
эпоса не видеть —
слепо.

Я
ни эпосов не́ делаю,
ни эпопей

148—150 не гадал
что в кровати
царицам вверенные
176—178 Он сам
опьянен
своей славой
446 I черт его знает что такое
II черт его знает что это такое
558—559 I А в конце Лиговки
другие слова
II А в конце у Лиговки
другие слова

[1] С этого текста набиралось первое издание поэмы. Перестановка глав, соответствующая окончательному тексту, была сделана в корректуре первого издания, согласно телеграмме, посланной Маяковским из Ялты 26 августа 1927 года.

[2] Нумерация глав была сделана в корректуре по письму Маяковского в Госиздат из Ялты 28 августа 1927 года.

625—627 эту
самую
Александру Феодоровну

793—798 I как смерть
глядит неласково
с Аврорских
башен
сталь

II как смерть
глядит
неласковая
аврорьих
башен
сталь

918—923 объявил,
как об очень простом
и не сложном
Я
председатель
реввоенсовета
Антонов

1052—1053 I Незнакомки
и дымки севера

II Незнакомки,
дымки севера

1319—1321 I с трудом
перебиваетесь
со дня на день

II с трудом
перебиваясь
со дня на день

1446—1447 I в Каспийское
и в Балтийское,—

II в Каспийское,
в Балтийское,—

1493—1494 I идут
на Питер

II прут
на Питер

1539—1541 I кстати
как денди
я девушку спас.
II кстати
как денди
и девушку спас.
1577—1581 Но...
«итс эй лонг вей
ту типерери
итс эй лонг вей
ту го!»
1888—1889 I там,
где березовые
II туда,
где березовые
2008 I средней травинки
II средней бровинки
2133—2135 I не разлюбить,
не забыть!
II нельзя
никогда
забыть!
2320—2322 I А утром
небо
как веча звонница
II А утром
небо
веча звонница
2348—2350 I держали
все что взяли
да так
II держали
взятое
да так
2479—2481 Стрелой
пролетела
штандартная яхта
2485—2487 тащились
оторванные
от станков и пахот

2550—2552 наши
с песней
идут с Джанкоя
2607—2608 Пошли,
отирая пот рукавом,
2806—2808 Вот с этим
я виделся
чуть не за час
2850—2851 I И чудилось мне,
что на красном погосте
II И чудится мне,
что на красном погосте
2937—2939 А в буче
кипучей
и еще лучше
2990—2991 Спешат
на заседание
в красное здание
3046—3047 Занимается
передовица
3078—3081 *отсутствуют.*
3121—3122 почитает стихи

Журн. «Новый Леф», М. 1927, № 6. Строки 1372—1460, 1610—1621 (из 10 главы):

Заглавие: Из поэмы «Октябрь»
1446—1447 в Каспийское
и в Балтийское,

Журн. «Красная новь», М. 1927, № 8, август. Главы 2—8:

Заглавие: 25 октября 1917
148—150 не гадал,
что в кровати,
царице вверенной
176—178 Он сам
опьянен
своей славой
316—317 короновал бы
Михаила
445—446 это...
черт его знает что такое
558—559 А в конце Лиговки
другие слова

597—606 *отсутствуют.*

945—946 Товарищ Подвойский,
сев в машину

Журн. «Новый Леф», М. 1927, № 7. Глава 19:

Заглавие: Хорошо! Из поэмы «Октябрь»

После 2982 Душа
за грош —
очень хорошо ж?!

Газ. «Комсомольская правда», М. 1927, № 217, 23 сентября. Глава 17:

Заглавие: Пою республику. Из Октябрьской поэмы.

2660—2661 крестьян
закорузлых
сердца.

Газ. «Комсомольская правда», М. 1927, № 221, 28 сентября. Глава 18:

Заглавие: Красная площадь. Из поэмы «Хорошо»

2806—2808 Вот с этим
я виделся
чуть не за час

2811—2813 Но падает
Войков,
кровью сочась,

2871—2873 достроит
коммуну
из света
из стали

Журн. «На литературном посту», М. 1927, № 20, октябрь. Глава 9:

Заглавие: Из поэмы «Хорошо»

1363—1364 Слушай,
национальный трутень,—

1367—1368 И наша песня
песней будет

Газ. «Ленинградская правда», Л. 1927, № 236, 15 октября. Строки 2231—2377 (из 15 главы):

Заглавие: Такая земля. Отрывок из Октябрьской поэмы «Хорошо»

2320—2322 А утром
небо
вечезвонится.

2341 усилие

Газ. «Комсомольская правда», М. 1927, № 237, 16 октября. Глава 6:

Заглавие: Кончилось ваше время. Отрывок из Октябрьской поэмы «Хорошо»

727—729 Но тень
боролась.
Спутали лапы.

947—949 сказал шоферу
«Кончено...
в Смольный».

1-е отдельное издание поэмы:

316—317 Короновал бы
Михаила

918—920 объявил
как об очень простом
и несложном

1853—1854 это
тянет угар

2479—2481 Стрелой
пролетела
штандартная яхта

2550—2552 Наши
с песней
идут с Джанкоя,

2607—2608 Пошли,
отирая пот рукавом

2806—2808 Вот с этим
я виделся
чуть не за час

Газ. «Комсомольская правда», М. 1927, № 249, 30 октября. Строки 1372—1460, 1610—1621 (из 10 главы):

Заглавие: Политика проста. Из Октябрьской поэмы

Газ. «Рабочая Москва», М. 1927, № 255, 7 ноября. Глава 19:

Заглавие: Хорошо!

2948—2949 Окна
разинули

После 2982 Душа
за грош —
очень хорошо ж?!

Сочинения, т. 8:

Повторяются разночтения 1-го отдельного издания поэмы, за исключением строки 316—317, совпадающей с основным текстом.

ОЧЕРКИ

Поверх Варшавы (стр. 347)

Журн. «Молодая гвардия», М. 1927, № 7, июль:

Стр. 347

2 *Вместо*: Все книги отбирают //[1] Все книги отобрали

5—6 *Вместо*: Прошу вернуть мне книги. Тем более что только мои сочинения // Прошу верните мне книги! Тем более, только мои, мои сочинения...

8 *Вместо*: Вы сами написали? Значит, вы сами писатель? // Вы сами писали? Значит вы сам писатель?

9 *Вместо*: вежливо // вежливейше

12 *После*: молодой // Он знаменитый или нет?

14 *Слова:* Он у вас тоже известный? — *отсутствуют.*

15 *Вместо*: отбираемые книги // отбираемые у пассажиров книги

22 *Вместо*: семейства, читающие «Ниву» // семейство, читающее «Ниву».

Стр. 348

14—15 *Вместо*: для оберегаемого от коммунизма рижского // для оберегаемых от коммунизма рижан

19 *Вместо*: да еще в комментариях покроет // да еще хвоста мало покажется, в комментариях покроет

28—30 *Вместо*: это борьба .....против нее самой // это борьба обывательщины против революционных писателей, против писания о революции и против самой революции

Стр. 349

6 *Вместо*: друг Вандурский // наш друг Вандурский

7 *Вместо*: «Пен-клуб» // Сам «Пен-клуб»

11—12 *Вместо*: Вызвали духа да еще какого рево-

---

[1] Знаком // отделяется текст основного источника от его варианта.

люционного // Вызвали духа, да еще красного, а что с ним делать — неизвестно

13 *Вместо*: через дня три // через три дня

15 *Вместо*: уже было распубликовано // было республиковано

22 *Вместо*: я, конечно, встретился // я торопился встретиться

29 *Вместо*: у него // у Вандурского

32—33 *Вместо*: Поэт Броневский. Выпустил только что книгу стихов // Поэт Броневский, выпустивший только что книгу прекрасных стихов «Над городом»

33 *Вместо*: говорят за себя // сами пропагандируют книгу

35 *Вместо*: У него есть стихи // у Броневского есть стих

35—36 *Вместо*: о жизни сегодняшней Польши // о жизни и страхе сегодняшней Польши

36 *Вместо*: Он читал эти стихи // Он читал этот стих

40 *Вместо*: они-де не по своей воле // мы-де не по своей воле, нас-де начальство посылает

40—41 *Вместо*: хорошо рисует // показывает

Стр. 350

5—6 *Вместо*: Первое бросается в глаза // Первым впечатывается в глаза

7 *Вместо*: помещенных в «Лефе» писем // помещенных в «Лефе» родченковских писем

8—9 *Вместо*: без всякого влияния, а, наоборот, с трудом // без всякого нашего влияния, а, наоборот, сами и с трудом

9—10 *Вместо*: вопреки Полонским улюлюканьям // не вняли Полонским улюлюканьям

24—27 *Вместо*: И вот, в противовес ..... коммунистической рукой // И вот в противовес им, переводят родченковские письма, письма бытово снижающие богатый древней эстетической культурой, но остановившийся еще по привычке штампующей эстетики Париж. Лефы зовут и Родченко использовать технику Парижа, освободив ее от эстетической мишу-

ры, направляя эту технику коммунистической рукой.

29 *Вместо*: позиция // это позиция

36 *Вместо*: корректный // вежливый

37 *После*: польской прессы. // Воспитанный народ!

38—39 *Вместо*: эмигрантская «За свободу», трубившая о въезде советского // эмигрантская «За свободу», трубившая о въезде советского хулигана

40 *Вместо*: председатель «Клуба» // председатель «Пен-клуба»

Стр. 351

1 *Вместо*: спрашивал меня // спрашивал меня только

3 *Вместо*: сколько у нас платят // сколько у нас платят, за что платят, кому платят, почему платят

10—11 *Слова*: Мои слова о приравнении.....унылоудивленную улыбку — *отсутствуют.*

13 *После*: защищать будет? // Не такой он.

25—26 *После*: поэтически трясущего руку // откидывающего локоны (даже если он будет лысым).

28—29 *Вместо*: сказал: «Наплевать мне на польскую литературу» // сразу выразился: «Наплевать мне на всякую польскую литературу»

30 *Вместо*: опроверг // опровергаю

31—32 *Вместо*: для уравновешения своих взглядов // для уравновешения и демонстрирования целомудрия своих взглядов

38—39 *Вместо*: кончились катастрофой // кончились большой неудачей

Стр. 352

7 *Вместо*: представительская // полупредставительская

7 *Вместо*: У меня был // Но у меня был

25—26 *Вместо*: какие тут «облаки» // какие же тут «Облаки»

37—38 *Вместо*: и варьете прекрасно, если писать хоть немного «что хочешь» // и варьете пре-

красная вещь, если писать хотя бы чуть как хочется.

40 *Вместо*: Жеромский // Жеромского

Стр. 353

1 *Вместо*: написать такую революционную вещь // описать какую ни на есть революцийку

8—10 *Вместо*: А кто сейчас.....победу коммунизма // А многие ли из некоммунистов в силах идти на этот героизм

19 *Вместо*: разве евреи будут тебя читать // кто тебя будет читать

21 *Вместо*: как у футуристов // чтоб как у футуристов

29—30 *Вместо*: Те, которые еще не успели накрутить, лежали тут же, намотанные // Та, которая еще не успела быть накрученной, лежала тут же намотанная

31 *После*: железные катушки. // Не помню есть ли такое на других границах. На польской на этом особенно фиксируешь взгляд.

32 *Вместо*: Здание станции Столбцы // Здание станции Столбцов

35—36 *Вместо*: рухлядина // русятина

38 *Вместо:* А разоренья и запустенья, пожалуй, и больше // Разорения, запустения. Иногда и больше нашего.

Стр. 353—354

40—2 *Вместо*: Поезд держала .....трава-пол // Поезд на себе держала минут пять. Но станция была странная: только передняя стена развалившаяся, даже и не думающая ремонтироваться, сквозь выбитые окна виднелась и земля, и небо-потолок, и трава-пол

Стр. 354

4 *Вместо:* Перед этой стеной стояли четыре жандарма // Перед этой одной стеной стояли человека четыре жандармистых военных

20—21 *Вместо*: подготавливают крепость и цитадель // подготавливает крепость и цитадель

22—23 *Вместо*: когда прибываешь на станцию Вар-

шава // когда останавливаешься и говорят Варшава

27 *Вместо*: увеличивает недоуменье // распаливает недоумение

40 *Вместо*: насколько позволяет поле зрения // с расстояния, дозволенного к воззрению

Стр. 355

3—4 *Вместо*: выполнена — остается срыть только католические // выполнена теперешним правительством, будущему останется срывать только католические

4 *Вместо*: на этой площади памятник //на эту площадь выезжает памятник

5 *Вместо*: Понятовский на лошади // Понятовский мужчина на лошади

9—10 *Вместо*: а рядом — больше фигуры // а рядом размерами значительно больше фигуры

11 *Вместо*: раскоряченные коряги // раскоряченная коряга

19 *Вместо*: Говорят, сейчас // И то, говорят, сейчас

20 *Вместо*: скульптору в награду // скульптору наградой

24 *После*: вывезен из Парижа. // Поляки настаивают на том, что Варшава европеистее Москвы. Москвичи этого не скажут. Вероятно потому такое несоответствие взглядов, что многие поляки не видали Москвы, а многие москвичи Варшаву видали, хотя бы и из-за пятидесяти верст расстояния

27 *Вместо*: стало шумней // стали шумней

39 *После*: страдающего вида. // Напрасная трата бумаги.

41 *После:* предвыборной борьбы. // Правительство подумало, подумало и воспользовалось.

Стр. 356

7—8 *Вместо*: уже выборы ничем не омрачились и пошли // предвыборная борьба уже ничем не омрачалась и пошла

15 *Вместо*: пустующую до приезда // пустующую от отъезда до приезда

25 Интернационала (!!!) — *отсутствует*.
29 *Вместо*: вылезали // вылазят
30 *Вместо*: наклеивали // наклеивают
36 *Вместо*: Сказка про белого бычка // Сказка про очень белого бычка
37—38 *Вместо*: веселее скучных спектаклей в театрах // веселее скучных настоящих спектаклей и театров

Стр. 357

14—15 *Вместо*: литераторы Польши // литература Польши
16 *Перед*: делятся // и литераторы Польши
19—20 *Вместо*: оклеветывать // поклеветывать
25 *Вместо*: чехословацкая // Чехословакия
27 *Вместо*: югославская // Югославия
28—29 *Вместо*: подымающиеся на последнюю борьбу пролетариата // отряды подымающегося на последнюю борьбу рабочего человечества
35 *Вместо*: дешевле и лучше // и дешевле и лучше
35—36 *Вместо*: как корова дойная // корова дойная
37 *Вместо*: У многих поляков уже яснеет ответ // У многих поляков, не только рабочих, уже яснеет ответ
39 *Вместо*: демократической колонией // демократической, но колонией.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРИЖИЗНЕННЫЕ ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. МАЯКОВСКОГО, ВОШЕДШИХ В ВОСЬМОЙ ТОМ

Хорошо! Октябрьская поэма. Гиз, М.—Л. 1927, 104 стр.

Хорошо! Октябрьская поэма, второе издание. Гиз, М.—Л. 1928, 104 стр.

Н о. С. (Новые стихи). Изд. «Федерация», М. 1928, 107 стр.

Слоны в комсомоле. Изд. «Молодая гвардия», М. 1929, 95 стр.

Школьный Маяковский. Гиз, М.—Л. 1929, 104 стр.

Сочинения, т. 6. Гиз, М.—Л. 1930, 253 стр.

Сочинения, т. 7. Гиз, М.—Л. 1930, 351 стр.

Сочинения, т. 8. Гиз, М.—Л. 1931, 336 стр. [1].

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БММ — Библиотека-Музей В. В. Маяковского.

ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР.

ЦГАЛИ — Центральный Государственный архив литературы и искусства СССР.

ЦГАОР — Центральный Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства.

---

[1] В редакционном предисловии к 7-му тому Сочинений 1930 г. указывается: «7-й и 8-й томы — последние, собранные и сданные в печать Вл. Вл. Маяковским».

СТИХОТВОРЕНИЯ

Стабилизация быта (стр. 7). Машинописная копия архива газ. «Известия ЦИК» (ЦГАОР); газ. «Известия ЦИК», М. 1927, № 13, 16 января; Сочинения, т. 6.

На машинописной копии пометка редактора газ. «Известия ЦИК» И. И. Степанова-Скворцова: «Пустить! И. С. 12/I—1927».

Строки 23—24 и 45—46. См. в «Мертвых душах» Гоголя разговор дамы, приятной во всех отношениях, и просто приятной дамы о модных фасонах. «Да, поздравляю вас: оборок более не носят... на место их фестончики... фестончики, все фестончики...» Там же одна дама рассказывает другой о модной материи: «Фон голубой и через полоску все глазки и лапки, глазки и лапки, глазки и лапки...» (Том I, гл. IX.)

Строка 32. *Казин* В. В. (род. 1898) — советский поэт.

Строки 47—52. *«Медвежья свадьба»* — популярная в 20-х годах кинокартина, снятая по сценарию А. В. Луначарского, с артистом К. В. Эггертом в главной роли.

Строки 66—77. В № 2 журнала «Экран» за 1927 год была напечатана «Анкета о нашей моде и ее будущем». Отвечая на эту анкету, зав. плановым отделом Москвошвея Гольцман писал, что «...мы идем... прямо в объятия смокингов и фраков». Секретарь МК ВЛКСМ Сотников в том же номере журнала предлагал «...исходить из уже установившихся у нас в Союзе в послереволюционное время элементов одежды: простая русская рубашка, брюки дудочкой, пиджак и кепка».

Бумажные ужасы (стр. 11). Журн. «Бузотер», М. 1927, № 3, январь; сб. «Но. С.»; Сочинения, т. 7.

Нашему юношеству (стр. 14). Черновой автограф строк 1—5 в записной книжке 1927 г., № 37 (БММ); черновой автограф строк 1—5 и 158—178 в записной книжке 1927 г., № 39 (БММ); запись рифмы к строкам 73, 76 в черновом автографе с поэтическими заготовками для различных произведений на отдельном листе (ЦГАЛИ); авторизованная машинописная копия (БММ); журн. «Новый Леф», М. 1927, № 2, февраль; журн. «Новый Леф», М. 1927, № 3, март (строки 99—100, 158—178 в заметке «Корректура читателей и слушателей»); сб. «Но. С.».; Сочинения, т. 6.

В настоящем издании в текст 6 тома Сочинений внесены исправления: в строке 43—44 вместо «Поля — на миллионы хлебных тонн» — «Поля — на мильоны хлебных тонн» (по тексту журн. «Новый Леф»); в строке 158—161 вместо «Три разных игрока во мне речевых» — «Три разных истока во мне речевых» (исправление опечатки).

В заметке «Корректура читателей и слушателей», помещенной в № 3 «Нового Лефа», Маяковский писал, что, пользуясь своей лекционной поездкой в Киев и Харьков (в феврале), он «проверил это стихотворение на украинской аудитории». «Замечания... сводились лишь к уточнению отдельных слов и выражений, могущих быть неверно понятыми в условиях гиперболического ощущения каждого слова о национальном языке на первых шагах борьбы за обладание им... С удовольствием и с благодарностью, для полной ясности и действенности, вношу всю сделанную корректуру». (См. заметку в томе 12 наст. изд.)

Строка 13. *Курский* — вокзал в Москве.

Строки 106—107. *Бодлер* Шарль (1821—1867), *Малларме* Стефан (1842—1898) — французские поэты-символисты.

Строка 115. *Бульвардье* (франц.) — праздношатающийся, фланер.

Фабриканты оптимистов (стр. 19). Черновой автограф строк 1—12 в записной книжке 1927 г., № 39 (БММ); журн. «Бузотер», М. 1927, № 11, март; сб. «Но. С.»; Сочинения, т. 7.

В настоящем издании в текст 7 тома Сочинений внесено исправление: в строке 12 вместо «Г. Мальков» — «Т. Мальков» (по автографу и сб. «Но. С.»).

Написано во время пребывания Маяковского в Саратове в последних числах января 1927 года.

Строка 53. *...ордена Доброфлота...* — Речь идет о значках, которые носили служащие Добровольного флота.

Строка 55. *Доброхим* — Добровольное общество содействия строительству химической промышленности.

Строка 66. *Бебель* Август (1840—1913) — виднейший деятель германской социал-демократической партии и II Интернационала.

По городам Союза (стр. 22). Черновой автограф строк 108—114, 135—144 в записной книжке 1927 г., № 39 (БММ); корректурный оттиск стихотворения, набранного 7 февраля 1927 г. для публикации в «Известиях ЦИК»; журн. «Молодая гвардия», М. 1927, № 4, апрель; Сочинения, т. 6.

В настоящем издании в текст 6 тома Сочинений внесены исправления: в строке 5 вместо «и пустынная ширь» — «и пустырьная ширь», в строке 46 вместо «сели двое мужчин» — «сели два мужичины» (по корректурному оттиску и журн. «Молодая гвардия»).

Написано под впечатлением поездки по городам Поволжья (вторая половина января 1927 г.).

Строка 7. ... *обдорская темь*... — Маяковский имел в виду пустынный Обдорский край в низовьях Оби, на широте Северного полярного круга.

Строка 8. ...*сиянье Кашир*. — Имеется в виду Каширская электростанция (близ Москвы).

Строка 36. *ВАПП* — Всесоюзная Ассоциация пролетарских писателей.

Строка 50. Из Нижнего-Новгорода Маяковский ехал до ст. Арзамас в местном поезде (чтобы пересесть там на курьерский, направляющийся в Казань). В этом поезде он и слышал разговор двух крестьян, жителей села Сережи.

Строки 115—128. Маяковский говорит о пребывании В. И. Ленина в Казанском университете в 1887 году.

Строки 129—144. Маяковский выступал перед студентами Казанского университета 21 января 1927 года, в третью годовщину со дня смерти В. И. Ленина, с чтением заключительной части поэмы «Владимир Ильич Ленин».

Моя речь на показательном процессе по случаю возможного скандала с лекциями профессора Шенгели (стр. 27). Черновой автограф строк 1—29, 91—99 в записной книжке 1927 г., № 37 (БММ); беловой автограф в записной книжке 1927 г., № 40 (БММ); машинописная копия (БММ); журн. «Молодая гвардия», М. 1927, № 3, март; сб. «Но. С.»; Сочинения, т. 6.

Стихотворение было прочитано Маяковским в Харькове 22 февраля 1927 года (см. афишу выступления в 13 т. наст. изд.).

Шенгели Г. А. (1894—1956) — поэт, переводчик, автор брошюры «Как писать статьи, стихи и рассказы», которую Маяковский резко критиковал в статье «Как делать стихи?» (см. т. 12 наст. изд.), а также в ряде публичных выступлений 1926—1927 годов. Стихотворение является продолжением полемики с Шенгели, выступившим в конце 1926 года с злопыхательским докладом, в котором огульно-отрицательно оценивалось творчество Маяковского (вышел отдельной книгой: «Маяковский во весь рост», изд. Всероссийского союза поэтов, М. 1927).

Строки 35—37. *...хоть я и слыхал про суровый закон...*— Речь идет о декрете Совета Народных Комиссаров СССР «О мероприятиях по борьбе с хулиганством», принятом 29 октября 1926 года.

Строка 39. *Крыленко* Н. В. (1885—1938) — заместитель народного комиссара юстиции с 1922 по 1928 год.

Строка 126. *Калинин* М. И. (1875—1946) — председатель ЦИК СССР, с 1938 года — председатель Президиума Верховного Совета СССР.

Строка 128. *Рыков* А. И. (1881—1938) — в то время председатель Совнаркома СССР. Впоследствии лидер правой оппозиции.

«За что боролись?» (стр. 31). Черновой автограф в записной книжке 1927 г., № 39 (БММ); беловой автограф (ИМЛИ); журн. «Новый Леф», М. 1927, № 3, март; газ. «Комсомольская правда», М. 1927, № 69, 27 марта; сб. «Но. С.»; Сочинения, т. 7.

Строка 86. *Чека* — Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ЧК). В 1922 году реорганизована в Государственное политическое управление.

«Даешь изячную жизнь» (стр. 35). Журн. «Бузотер», М. 1927, № 9, март; Сочинения, т. 6.

Стихотворение написано в связи с кампанией, которую вел комсомол против обывательски-мещанских представлений об «изящной» жизни, распространившихся среди части молодежи тех лет.

Весь номер сатирического журнала «Бузотер», где было напечатано это стихотворение, вышел с заголовком «Специальный номер — «Даешь изящную жизнь!».

На тему, затронутую в этом стихотворении, и под тем же заглавием Маяковский выступал с докладами в 1927 году неоднократно (впервые 14 января в Москве в Большой аудитории Политехнического музея).

Строка 29. *Милюков* П. Н. (1859—1943) — лидер кадетской партии, во Временном правительстве первого состава министр иностранных дел, после октября 1917 года — белоэмигрант.

Строка 30. *Керенский* А. Ф. (р. 1881) — глава Временного правительства, после октября 1917 года — белоэмигрант.

Строка 102. *«Мощи» Калинникова* — полупорнографический роман из монастырской жизни, И. Ф. Каллиникова.

Корона и кепка (стр. 39). Черновой автограф в записной книжке 1927 г., № 39 (БММ); журн. «Октябрьские всходы», Харьков, 1927, № 5, март; журн. «Семь дней», Ташкент, 1927, № 11, 4 марта; журн. «Бузотер», М. 1927, № 10, март; газ. «Молодой ленинец», М. 1927, № 59, 12 марта; газ. «Призыв», Владимир, 1927, № 59, 12 марта; газ. «Северный рабочий», Ярославль, 1927, № 59, 12 марта; газ. «Трудовая правда», Пенза, 1927, № 58, 12 марта; сб. «Но. С.»; Сочинения, т. 6.

Написано к десятилетию со дня свержения самодержавия.

Строки 27—42. Маяковский пародирует полный титул царя Николая II.

Строка 52. *Шкрабица* — сокращенное от школьная работница.

Строка 86. *Бебель* — см. примечание к стихотворению «Фабриканты оптимистов» (стр. 420).

Вместо оды (стр. 43). Беловой автограф (БММ); газ. «Труд», М. 1927, № 55, 8 марта; Сочинения, т. 6.

В настоящем издании в текст 6 тома Сочинений внесены исправления: в строке 22 вместо «с парнем среднего роста» — «с парнем среднего ростца», в строке 56 вместо «письмо раскаянное» — «письмо раскаленное», в строке 104 вместо «и суд, и треск» — «и суд, и «треть» (по автографу и газ. «Труд»).

Написано к Международному женскому дню.

Строки 100—101. *Перпетуум мобиле* (лат.) — вечное движение.

Строка 104. *«Треть»* — алименты.

Вдохновенная речь про то, как деньги увеличить и уберечь (стр. 47). Черновые наброски строк 5—13 в записной книжке 1927 г., № 39 (БММ); машинописная копия архива газ. «Известия ЦИК» (ЦГАОР); газ. «Известия ЦИК», М. 1927, № 57, 10 марта; газ. «Ленинградская правда», Л. 1927, № 57, 10 марта.

Печатается по тексту газеты «Известия ЦИК».

Написано в связи с выпуском Государственного внутреннего 10%-ного выигрышного займа 1927 года.

Лезьте в глаза, влетайте в уши слова вот этих лозунгов и частушек (стр. 50). Черновой автограф строк 50—54 и 62—68 в записной книжке 1927 г., № 39 (БММ); «Рабочая газета», М. 1927, № 58, 11 марта.

Написано в связи с выпуском Государственного внутреннего 10%-ного выигрышного займа 1927 года.

Февраль (стр. 53). Беловой автограф (БММ); газ. «Труд», М. 1927, № 59, 12 марта; Сочинения, т. 6.

Перепечатано: газ. «Трудовая правда», Пенза, 1929, № 58, 11 марта.

Написано к десятилетию со дня свержения самодержавия.

Строка 62. *«Вихри враждебные веют над нами...»* — первая строка польской революционной песни «Варшавянка» (русские слова Г. М. Кржижановского).

Строка 63. *«Отречемся от старого мира...»* — первая строка революционной песни «Рабочая марсельеза».

Строка 87. *Керенский* — см. примечание к стихотворению «Даешь изячную жизнь» (стр. 422).

Первые коммунары (стр. 56). Газ. «Труд», М. 1927, № 63, 13 марта; Сочинения, т. 6.

Написано ко дню памяти Парижской Коммуны 1871 года.

Строки 32—33. *...жандармы буржуев — версальцы.*— В Версале (под Парижем) в марте — мае 1871 года находилось контрреволюционное правительство Тьера.

Строка 40. *Галиффе* Гастон (1830—1909) — генерал, жестоко расправившийся с коммунарами в 1871 году.

Лучший стих (стр. 59). Газ. «Труд», М. 1927, № 66, 23 марта; сб. «Но. С.»; Сочинения, т. 6.

Перепечатано: газ. «Северный рабочий», Ярославль, 1927, № 68, 25 марта.

Выступление Маяковского, о котором рассказывается в стихотворении, состоялось в Ярославле в Городском театре 21 марта. В рецензии о вечере указывалось: «После одного из перерывов Владимир Маяковский сообщил радиограмму «Северного рабочего» о взятии

Шанхая, встреченную громом аплодисментов». («Северный рабочий», 23 марта 1927 г.)

Строки 38—41. *Рабочими и войсками Кантона взят Шанхай!* — В период первой гражданской революционной войны 1924—1927 годов в Кантоне (город на юге Китая, центр провинции Гуандун) было создано буржуазно-демократическое антиимпериалистическое правительство. В феврале 1927 года национально-революционная армия кантонского правительства начала наступление на Шанхай. 21 марта, когда революционные войска быстро продвигались к Шанхаю, в самом Шанхае началось вооруженное восстание рабочих, в результате которого власть милитаристов была свергнута.

Строка 84. *Кули* — носильщик, чернорабочий.

Не все то золото, что хозрасчет (стр. 62). Беловой автограф (хранится у В. А. Катаняна); авторизованная машинописная копия (БММ); журн. «Новый Леф», М. 1927, № 4, апрель; сб. «Но. С.»; Сочинения, т. 7.

Строки 50—54. Имеется в виду историческая пьеса А. Н. Толстого и П. Е. Щеголева «Заговор императрицы», шедшая в те годы на сцене многих театров.

Строка 78. *Леф* — журнал «Новый Леф», выходивший под редакцией Маяковского в 1927—1928 годах.

Рифмованные лозунги (стр. 65). Журн. «За грамоту», М. 1927, № 1, апрель; газ. «Комсомольская правда», М. 1929, № 297, 25 декабря.

Перепечатано: журн. «Красное студенчество», М. 1929—1930 уч. год, № 15, январь (отрывок под заглавием «Бороться с темнотой и невежеством — твоя обязанность»).

Печатается по тексту «Комсомольской правды».

Маленькая цена с пушистым хвостом (стр. 68). Журн. «Бузотер», М. 1927, № 14, апрель; Сочинения, т. 6.

Строки 1—5. Перефразировка популярной частушки «Сидит милка на крыльце с выраженьем на лице...»

Английский лидер (стр. 71). Газ. «Труд», М. 1927, № 83, 13 апреля (под заглавием «Гавэлок Вильсон»); Сочинения, т. 6.

В газете «Труд» стихотворение напечатано с эпиграфом (см. в разделе «Варианты и разночтения»).

Строка 15. *Вильсон* Джозеф Хавелок (1858—1929) — один из

реакционных лидеров английского профсоюзного движения. Вильсону посвящены еще два стихотворения Маяковского, написанные в том же году: «Мощь Британии» (стр. 88) и «Гевлок Вильсон» (стр. 181).

Мрачный юмор (стр. 75). Журн. «Бузотер», М. 1927, № 15, апрель; Сочинения, т. 6.

Напечатано в номере журнала, посвященном событиям в Китае («Специальный номер — китайский»).

Строка 36. *Георг* V — король Великобритании с 1910 по 1936 год.

Строка 85. *...горящий Нáнкин.*— 24 марта 1927 года, когда национально-революционная армия заняла Нанкин, военные корабли США и Англии подвергли город ожесточенной бомбардировке.

Строки 107—108. *Дядя Сам* — ироническое прозвище американских капиталистов, *Джон Буль* — буржуа-англичан.

Строка 122. «*Бузотер*» — еженедельный сатирический журнал, выходил в 1924—1928 годах.

«Ленин с нами!» (стр. 79). Газ. «Труд», М. 1927, № 86, 16 апреля; Сочинения, т. 6.

Написано к десятилетию возвращения В. И. Ленина из эмиграции в Россию (16 апреля 1917 г.).

Строки 27—31. *И я привожу вам просто цитаты из сердца и из стиха.*— В строках 54—61, 72—82, 94—105, 117—127, 139—148, 160—169 приведены цитаты из поэмы «Владимир Ильич Ленин» (см. т. 6 наст. изд., стр. 276—277, строки 1694—1755). Незначительные разночтения имеются в строках 74 (1704) и 95 (1714).

Лена (стр. 84). Газ. «Труд», М. 1927, № 87, 17 апреля; Сочинения, т. 6.

Печатается по тексту газеты «Труд».

Написано в связи с 15-й годовщиной Ленского расстрела.

В 1923 году на ту же тему Маяковским было написано два стихотворения — «17 апреля» и «Крестьянин,— помни о 17 апреля!» (см. т. 5 наст. изд.)

Строка 108. *Лензото* — «Ленское золотопромышленное товарищество», акционерное общество, эксплуатировавшее золотые прииски на реке Лене.

Мощь Британии (стр. 88). Газ. «Труд», М. 1927, № 89, 20 апреля; Сочинения, т. 6.

Строка 58. *Гевлок Вильсон* — см. примечание к стихотворению «Английский лидер» (стр. 424).

Строки 111. *Чемберлен* Остин (1863—1937) — министр иностранных дел Англии в 1924—1929 годах в консервативном правительстве Болдуина.

Товарищу машинистке (стр. 92). «Наша газета», М. 1927, № 91, 22 апреля; журн. «Бузотер», М. 1927, № 16, апрель; сб. «Но. С.»; Сочинения, т. 6.

Написано в связи с конкурсом на лучшую машинистку, который проводила редакция «Нашей газеты».

Весна (стр. 97). Журн. «Бузотер», М. 1927, № 17, май; Сочинения, т. 6.

Строки 123—126. *Славное море — священный Байкал...*— начальные слова известной народной песни. Автор слов — Дм. Давыдов.

Сердитый дядя (стр. 101). Газ. «Труд», М. 1927, № 99, 5 мая; Сочинения, т. 6.

В настоящем издании в текст 6 тома Сочинений внесено исправление: в строках 67—69 вместо «оболган и без всякого повода» — «оболган невинно и без всякого повода» (по тексту газ. «Труд»).

Негритоска Петрова (стр. 105). Журн. «Бузотер», М. 1927, № 19, май; Сочинения, т. 6 (строки 1—106).

Печатается по тексту журнала «Бузотер».

Осторожный марш (стр. 109). Газ. «Рабочая Москва», М. 1927, № 121, 31 мая (под заглавием: «Иди по республике тревожная весть: фронта нет, но опасность есть!» [1]); Сочинения, т. 6.

Перепечатано: газ. «Звезда», Днепропетровск, 1927, № 129, 9 июня (под заглавием: «Иди по республике тревожная весть! Фронта нет, но опасность есть!»); газ. «Северный рабочий», Ярославль, 1927, № 134, 16 июня (под тем же заглавием); газ. «Большевистский молодняк», Саратов, 1927, № 44, 7 ноября (отрывок под заглавием: «Держи, товарищ, порох сухим!»).

Написано в связи с разрывом дипломатических отношений между Англией и СССР (27 мая). Этому предшествовал ряд провокационных действий консервативного правительства «твердолобых», в частности — налет английской полиции на помещение Торгпред-

[1] Измененные строки 94—98 стихотворения «Лев Толстой и Ваня Дылдин»: «Жива, как и раньше, тревожная весть:— Нет фронтов, но опасность есть!» (См. т. 7, стр. 194.)

ства СССР и Аркоса (Англо-русской торговой компании) в Лондоне (10 мая).

Строки 29—31. *...подпишут под Бухарина любой бумажки клок.*— Речь идет о фальшивке, появившейся в английской печати весной 1927 года под видом «письма Бухарина». *Бухарин* Н. И. (1888—1938) — в то время член Исполкома Коминтерна. Впоследствии лидер правой оппозиции.

Венера Милосская и Вячеслав Полонский (стр. 111). Черновой автограф строк 1—11 в записной книжке 1927 г., № 41 (БММ) и строк 125—136, 139—142, 169—170, 173—174 в записной книжке 1927 г., № 42 (БММ); авторизованная машинописная копия (БММ); журн. «Новый Леф», М. 1927, № 5 (вышел в июле); сб. «Но. С.»; Сочинения, т. 6.

Написано после поездки Маяковского в Париж (начало мая 1927 г.).

Стихотворение связано с полемикой, развернувшейся между критиком В. П. Полонским (1886—1932) и журналом «Новый Леф», который редактировал Маяковский. В газете «Известия ЦИК» 25 и 27 февраля 1927 г. была напечатана статья Полонского «Заметки журналиста. Леф или блеф?», направленная против журнала «Новый Леф». (Особенно резко Полонский нападал на письма из Парижа художника А. М. Родченко, опубликованные в № 2 журнала.) В журнале «Новый Леф», № 3, март, в ответ на статью был напечатан «Протокол о Полонском» — выписка из стенограммы заседания сотрудников журнала от 5 марта под председательством Маяковского. 23 марта в Политехническом музее состоялся диспут на тему «Леф или блеф?». После диспута Полонский опубликовал в журнале «Новый мир», 1927, № 5, май, статью «Критические заметки. Блеф продолжается».

Полемика с Полонским содержится во многих статьях и выступлениях Маяковского (см. т. 12 наст. изд.).

Строка 14. *Лувр* — музей изобразительных искусств в Париже.

Строки 35—36. *Ноблес оближ* — французская поговорка: положение обязывает.

Строки 50—54. В 1927 году В. Полонский редактировал журналы «Новый мир», «Красная нива» и «Печать и революция».

Строки 70—74. *Радимов* П. А. (р. 1887) — советский поэт и художник. О его попытках писать стихи из деревенской жизни гекзаметрами Маяковский иронически упоминал в стихотворении

«Четырехэтажная халтура» (см. т. 7 наст. изд.) и в статье «Как делать стихи?» (см. т. 12 наст. изд.).

Строка 107. *Кук* — туристическое агентство.

Строка 134. *Ройльс* (точнее: Рольс-Ройс) — марка автомобиля английского завода.

Строка 165. *АХРР* — Ассоциация художников революционной России, существовавшая в 1922—1932 годах.

Глупая история (стр. 116). Журн. «Бузотер», М. 1927, № 21, июнь; Сочинения, т. 6.

Господин «народный артист» (стр. 120). Газ. «Комсомольская правда», М. 1927, № 123, 2 июня; Сочинения, т. 6.

Строки 92—96. Ф. И. Шаляпин был лишен звания Народного артиста 24 августа 1927 года.

Дела вузные, хорошие и конфузные (стр. 123). Беловой автограф с поправками (БММ); газ. «Комсомольская правда», М. 1927, № 126, 7 июня; Сочинения, т. 6.

Написано по материалам корреспонденций, напечатанных в «Комсомольской правде» 28 мая 1927 года.

Строка 4. *Линдберг* Чарлз — американский летчик, совершивший первый беспосадочный перелет Нью-Йорк — Париж в мае 1927 года.

Строка 31. *Вхутемас* (Высшие государственные художественно-технические мастерские) — высшее художественное учебное заведение, существовавшее в Москве.

Славянский вопрос-то решается просто (стр. 128). Газ. «Рабочая Москва», М. 1927, № 127, 8 июня; Сочинения, т. 6.

В газете «Рабочая Москва» напечатано рядом с очерком Маяковского «Немного о чехе» (см. стр. 339).

Строки 3—5. *Езжу Польшею, по чехам, по словакам.* — Маяковский был в Польше и Чехословакии в апреле—мае 1927 года.

Строки 6—16. В очерке «Ездил я так» Маяковский рассказывает, как во время пребывания в Праге у него просили автограф «обязательно по славянскому вопросу: как раз — пятидесятилетие балканской войны» (см. стр. 332).

Строки 31—43. О Крамарже см. также в очерках «Немного о чехе» (стр. 341) и «Чешский пионер» (стр. 343).

Да или нет? (стр. 130). Черновой автограф; газ. «Комсомольская правда», М. 1927, № 128, 9 июня; Сочинения, т. 6.

Написано по поводу убийства 7 июня в Варшаве полпреда СССР в Польше П. Л. Войкова (1888—1927). В эти же дни были написаны также стихотворения «Слушай, наводчик!», «Призыв», «Голос Красной площади».

Об убийстве Войкова говорит Маяковский и в поэме «Хорошо!» (см. главу 18, строки 2806—2816).

Строки 27—28. Имеется в виду контрреволюционный переворот Чан Кай-ши в Шанхае 12 апреля, инспирированный английскими и американскими империалистами, и налет английской полиции на помещение англо-советской торговой компании — Аркос в Лондоне 10 мая. В правительственном сообщении, выпущенном 8 июня, указывалось, что убийство тов. Войкова последовало «за целым рядом прямых и косвенных нападений со стороны английского правительства на учреждения СССР за границей и разрывом дипломатических отношений с СССР со стороны Великобритании».

Слушай, наводчик! (стр. 132). Газ. «Рабочая Москва», М. 1927, № 128, 9 июня.

Написано по поводу убийства 7 июня полпреда СССР в Польше П. Л. Войкова.

Строка 24. *Чемберлен* — см. примечание к стихотворению «Мощь Британии» (стр. 426).

Ну, что ж! (стр. 134). Газ. «Комсомольская правда», М. 1927, № 131, 12 июня.

Перепечатано: газ. «Северный рабочий», Ярославль, 1927, № 153, 6 июля.

В газете «Комсомольская правда» помещено на «Литературной странице», посвященной предстоящей «Неделе обороны» (10—17 июля 1927 г.). См. дальше стихотворения на ту же тему: «Призыв», «Сплошная неделя», «Посмотрим сами, покажем им», «Мускул свой, дыхание и тело тренируй с пользой для военного дела».

Призыв (стр. 135). Газ. «Комсомольская правда», М. 1927, № 131, 12 июня; Сочинения, т. 6.

Перепечатано: газ. «Большевистский молодняк», Саратов, 1927, № 25, 19 июня.

См. примечания к стихотворениям «Да или нет?» и «Ну, что ж!» (стр. 429).

Строки 7—13. В правительственном сообщении об убийстве П. Л. Войкова указывалось на целый ряд диверсий, поджогов, террористических актов, совершенных в последнее время монархистами и белогвардейцами по указке из-за границы.

Строки 42—43. *...выстрел молодчика-монархиста...*— Речь идет об убийстве П. Л. Войкова. Убийца — двадцатилетний монархист Каверда.

Про Госторг и кошку, про всех понемножку (стр. 137). Газ. «Комсомольская правда», М. 1927, № 131, 12 июня; Сочинения, т. 6.

Стихотворение представляет собой подпись к рисунку «Похороны безвременно погибших кошек». В газете «Комсомольская правда» оно напечатано в большой подборке под общей шапкой «Выносить ли сор из избы? Совячейка Госторга в борьбе с бюрократизмом».

Написано на основе материалов, которые сообщил рабочий холодильника Госторга Курбатов (эти материалы были напечатаны в том же номере газеты).

Голос Красной площади (стр. 139). «Рабочая Газета», М. 1927, № 131а, 13 июня; Сочинения, т. 6.

См. примечание к стихотворению «Да или нет?» (стр. 429).

Написано в связи с похоронами П. Л. Войкова на Красной площади 11 июня 1927 года. С речами на похоронах выступали А. И. Рыков и Н. И. Бухарин (см. примечания к стихотворениям «Моя речь на показательном процессе...» и «Осторожный марш»— стр. 421 и 427).

Общее руководство для начинающих подхалим (стр. 140). Авторизованная машинописная копия (БММ); газ. «Комсомольская правда», М. 1927, № 135, 18 июня; Сочинения, т. 6.

В настоящем издании в текст 6 тома Сочинений внесено исправление: в строках 75—76 вместо «И будь уверен — за слова эти» — «И будь уверен — за слова за эти» (по тексту авторизованной машинописной копии).

Строка 97. *«Анти-Дюринг»* — книга Ф. Энгельса.

Крым (стр. 144). Черновой автограф строк 1—8 в записной книжке 1927 г., № 37 (БММ); беловой автограф (Институт русской литературы АН СССР, Ленинград); машинописная копия (БММ); газ. «Комсомольская правда», М. 1927, № 136, 19 июня; сб. «Но. С.»; Сочинения, т. 6.

Строка 16. *...на Чаир...* — В Чаире (Крым) Маяковский жил в августе 1926 года.

Товарищ Иванов (стр. 146). Газ. «Комсомольская правда», М. 1927, № 138, 22 июня; Сочинения, т. 6.

В настоящем издании в текст 6 тома Сочинений внесено исправление: в строках 5—7 вместо «Сидит бессмысленно у стула в оправе» — «Сидит бессменно у стула в оправе» (по тексту «Комсомольской правды»).

В газете «Комсомольская правда» стихотворение напечатано в большой подборке, посвященной борьбе с бюрократизмом в Госторге, под общей шапкой: «Залп по совдуракам».

Строка 104. *Консистория* — учреждение, управлявшее делами церкви.

Ответ на «Мечту» (стр. 149). Газ. «Комсомольская правда», М. 1927, № 140, 24 июня; Сочинения, т. 6.

В настоящем издании в текст 6 тома Сочинений внесено исправление: в строке 65 вместо «усатый унтер» — «усастый унтер» (по тексту «Комсомольской правды»).

Стихотворение «Мечта», подписанное «Вузовец», было помещено в стенной газете медицинского факультета МГУ. Редакция «Комсомольской правды» передала его Маяковскому для ответа. «Ответ на «Мечту» был напечатан в «Комсомольской правде» вместе со стихотворением «Вузовца».

Польша (стр. 154). Машинописная копия (БММ); газ. «Рабочая Москва», М. 1927, № 141, 25 июня; Сочинения, т. 6.

В газете «Рабочая Москва» напечатано рядом с очерком Маяковского «Наружность Варшавы» (см. стр. 344).

В настоящем издании в текст 6 тома Сочинений внесены исправления: вставлены пропущенные строки 44—50 (по тексту машинописной копии); в строке 56 вместо «от этих эполет» печатается «от их эполет» (по текстам машинописной копии и газ. «Рабочая Москва»).

Строки 1—3. Маяковский был в Варшаве в мае 1927 года.

Чугунные штаны (стр. 157). Журн. «Молодая гвардия», М. 1927, № 7, июль (под заглавием «Варшава»); сб. «Но. С.»; Сочинения, т. 8.

В том же номере журнала «Молодая гвардия» напечатан тематически связанный со стихотворением очерк Маяковского «Поверх Варшавы» (см. стр. 347).

Строки 4—8. *Понятовский* Юзеф (1762—1813) — польский военачальник, участвовал в походе Наполеона в Россию, командовал польским корпусом. О памятнике Понятовскому см. также в очерке «Поверх Варшавы» (стр. 355).

Строка 53. *Бельведер* — дворец в Варшаве; был резиденцией военного диктатора Польши маршала Пилсудского (1867—1935).

Сплошная неделя (стр. 160). Газ. «Комсомольская правда», М. 1927, № 149, 5 июля.

Написано в связи с подготовкой к «Неделе обороны», которая проводилась с 10 по 17 июля 1927 года.

Строки 10—16. О факте приземления двух польских летчиков на минском аэродроме газеты сообщали 2 июля 1927 года.

Посмотрим сами, покажем им (стр. 163). Газ. «Рабочая Москва», М. 1927, № 154, 10 июля; Сочинения, т. 6.

Перепечатано: газ. «Звезда», Днепропетровск, 1927, № 167, 24 июля.

Написано в связи с «Неделей обороны», которой посвящен весь номер «Рабочей Москвы», вышедший под общим лозунгом: «Сегодня— первый день «Недели обороны». Рабочий, ладь свое хозяйство, но не забывай смазывать винтовку».

Строка 53. *Чемберлен* — см. примечание к стихотворению «Мощь Британии» (стр. 426).

Иван Иванович Гонорарчиков (стр. 165). Беловой автограф (БММ); журн. «На литературном посту», М. 1927, № 14, июль.

Печатается по тексту журнала с исправлением в строке 15: вместо «склоняясь» — «склонясь» (по автографу).

Строки 17—18. *О дайте, дайте мне свободу...* — ария Игоря из оперы «Князь Игорь» А. Бородина.

Строка 37. *Лебедев-Полянский* П. И. (1881—1948) — критик и историк литературы, в то время был начальником Главлита (Главного управления по делам литературы и издательств).

М у с к у л   с в о й,   д ы х а н и е   и   т е л о   т р е н и р у й   с   п о л ь з о й   д л я   в о е н н о г о   д е л а (стр. 169). Газ. «Рабочая Москва», М. 1927, № 160, 17 июля.

Написано в связи с «Неделей обороны», которая проводилась с 10 по 17 июля 1927 года.

Н а г л я д н о е   п о с о б и е (стр. 172). Газ. «Комсомольская правда», М. 1927, № 165, 23 июля; газ. «Вечерние известия», Одесса, 1927, № 167, 25 июля.

Печатается по тексту газеты «Комсомольская правда».

Написано в связи с происходившими в июле 1927 года крупными волнениями среди рабочих Вены. Эти события нашли отклик и в поэме «Хорошо!» (см. главу 19, строки 3031—3044).

Строки 17—21. Поводом для волнений явилось оправдание венским судом фашистов, убивших двух рабочих. Восставшие рабочие подожгли здание суда.

Строки 52—55. Похороны 57 рабочих, убитых во время столкновений с войсками, состоялись 20 июля.

«К о м с о м о л ь с к а я   п р а в д а» (стр. 175). Беловой автограф (БММ); газ. «Комсомольская правда», М. 1927, № 168, 27 июля; Сочинения, т. 6.

Написано в связи с постановлением ЦК ВЛКСМ «О распространении газеты «Комсомольская правда» (было напечатано в газете 22 июля).

П и в о   и   с о ц и а л и з м (стр. 178). Две машинописные копии (БММ); журн. «Бузотер», М. 1927, № 31, август; беловой автограф строк 31—33, 42—47, 53—55, 64—66 в записной книжке 1927 г., № 51 (БММ); сб. «Но. С.»; Сочинения, т. 7.

Беловой автограф в записной книжке № 51 представляет собой запись начальных строк четырех строф — повидимому, для памяти при чтении стихотворения.

Строки 7—9. *«Раки и пиво завода имени Бебеля».*— Такую вывеску Маяковский видел во время своей поездки в Витебск в марте 1927 года (первоначальный вариант заглавия — «Витебские мысли»).

Бебель — см. примечание к стихотворению «Фабриканты оптимистов» (стр. 420).

Строка 39. *«Женщина и социализм»* — книга Бебеля.

Гевлок Вильсон (стр. 181). Газ. «Труд», М. 1927, № 207, 11 сентября; Сочинения, т. 6.

См. примечание к стихотворению «Английский лидер» (стр. 424—425).

Строки 86—92. Имеется в виду всеобщая стачка английских рабочих в мае 1926 года.

Строка 106. *Тимбукту* — город во Французском Судане (Зап. Африка).

Чудеса! (стр. 185). Запись рифм к строкам 29, 35 и 40, 46 в записной книжке 1927 г., № 46 (БММ); газ. «Рабочая Москва», М. 1927, № 221, 28 сентября; сб. «Но. С.»; Сочинения, т. 6.

Строки 19—21. «*Во вторник выступление товарища Маяковского*». — Выступление Маяковского в Ливадийском дворце (бывшей царской летней резиденции, превращенной в крестьянский санаторий) состоялось 22 августа 1927 года.

Маруся отравилась (стр. 188). Газ. «Комсомольская правда», М. 1927, № 226, 4 октября; «Слоны в комсомоле»; Сочинения, т. 6.

В газете «Комсомольская правда» стихотворение напечатано в большой подборке под общей шапкой: «Мы против снижения цен на человека».

Эпиграфы взяты из заметок, напечатанных в «Комсомольской правде»: первый — из заметки «Электротехник Боб» (27 августа 1927 года), второй — из заметки «Скучно жить» (31 августа 1927 года).

В стихотворении использованы также материалы заметок «О нежных ручках» и «Щеголи и кавалеры», напечатанных 27 августа в подборке «Комсомольской правды» — «Обыватели в комсомоле».

В первой части стихотворения пародируется песня уличных шарманщиков «Маруся отравилась, в больницу повезли...»

Строка 130. *Гарри Пиль* — популярный в 20-е годы немецкий киноактер.

Письмо к любимой Молчанова, брошенной им, как о том сообщается в № 219 «Комсомольской правды» в стихе по имени «Свидание» (стр. 196). Газ. «Комсомольская правда», М. 1927, № 226, 4 октября; беловой автограф строк 53—55, 62, 69—72, 105—110 в записной книжке 1927 г., № 51 (БММ); Сочинения, т. 6.

Беловой автограф в записной книжке № 51 находится на одной

странице с автографом стихотворения «Пиво и социализм» и обнаруживает тот же характер записи (см. примечание к стихотворению «Пиво и социализм», стр. 433).

Стихотворение является ответом на стихотворение И. Молчанова «Свидание», напечатанное в «Комсомольской правде» 25 сентября.

См. также написанное вскоре стихотворение «Размышления о Молчанове Иване и о поэзии», в котором полемика была продолжена (стр. 209).

Молчанов И. Н. (р. 1903) — советский поэт.

Строки 15—18. Пересказ строк стихотворения Молчанова: «Ты стала слишком некрасивой// В твоей косынке//Голубой».

Строки 19—26. Пересказываются строки Молчанова: «Я, милая, люблю другую—//Она красивей и стройней, //И стягивает грудь тугую// Жакет изысканный на ней».

Строки 37—42. Цитата из стихотворения Молчанова.

Строки 58—61. У Молчанова: «Тот, кто устал, имеет право// У тихой речки отдохнуть».

«Англичанка мутит» (стр. 200). Газ. «Рабочая Москва», М. 1927, № 234, 13 октября; Сочинения, т. 6.

Заглавие происходит от возникшего в XIX веке выражения «англичанка гадит» (имелись в виду интриги английской политики).

Строка 11. *Бриан* Аристид (1862—1932)— французский министр иностранных дел.

Строка 12. *Детердинг* Генри (1866—1939) — глава крупного англо-голландского нефтяного треста «Ройял датч шелл»; в 1927 году вел яростную кампанию против СССР, рассчитанную на срыв экспорта советской нефти.

См. написанное о Детердинге в том же году стихотворение «Баку» (стр. 227).

Строки 13—22. Речь идет о требовании французского правительства об отозвании советского посла в Париже X. Раковского, который был объявлен «персона нон грата» — «нежелательным лицом».

Строка 66. *Макдональд* Джемс Рамсей (1866—1937) — лидер лейбористской партии.

Рапорт профсоюзов (стр. 203). Беловой автограф (БММ); газ. «Рабочая Москва», М. 1927, № 235, 14 октября.

Печатается по тексту газеты «Рабочая Москва».

Написано в связи с происходившим в октябре 1927 года VIII Московским губернским съездом профсоюзов.

Строки 4—8. На съезде было представлено полтора миллиона членов профсоюза.

«Массам непонятно» (стр. 205). Журн. «Бузотер», М. 1927, № 39, октябрь; сб. «Но. С.»; Сочинения, т. 7.

Строка 24. *Надсон* С. Я. (1862—1887) — русский поэт.

Строки 28—30. *А еще посредников кроет Асеев.*— Имеется в виду стихотворение Н. Асеева «Через головы критиков» (сб. «Изморозь», Госиздат, 1927, стр. 23).

Размышления о Молчанове Иване и поэзии (стр. 209). Беловой автограф (БММ); газ. «Комсомольская правда», М. 1927, № 243, 23 октября.

Печатается по тексту газеты «Комсомольская правда».

Является ответом на стихотворение Молчанова «У обрыва», напечатанное в том же номере «Комсомольской правды», и продолжает полемику, возникшую по поводу стихотворения И. Молчанова «Свидание» (см. выше «Письмо к любимой Молчанова, брошенной им...», стр. 196).

Молчанов— см. примечание к стихотворению «Письмо к любимой Молчанова, брошенной им...» (стр. 435).

Строки 3—5. *Читаю*: *«Скучает Молчанов Иван».*— Имеется в виду следующее место в стихотворении Молчанова: «За ней, за рекою — //Дожди да туман...//Грустны мы с тобою// Молчанов Иван».

Строки 32—42. Маяковский говорит о заключительных строках стихотворения Молчанова: «А может случиться —//Нахлынет туман,//Тревогу былую// Забьет// Барабан».

Понедельник — субботник (стр. 211). Газ. «Наш подарок Октябрю» (однодневная газета «Комсомольской правды»), М. 1927, 24 октября.

Перепечатано: газ. «Северный рабочий», Ярославль, 1927, № 246, 27 октября (без заглавия).

Стихотворение посвящено Всесоюзному комсомольскому субботнику, проводившемуся в октябре 1927 года по инициативе ЦК ВЛКСМ и Комиссии по борьбе с беспризорностью. Оплата труда участников субботника шла на борьбу с беспризорностью.

Газета «Наш подарок Октябрю» вышла с лозунгом: «Ни одного беспризорника на улице, ни одного комсомольца вне субботника!»

Автобусом по Москве (стр. 213). Газ. «Комсомольская правда», М. 1927, № 255, 6 ноября; Сочинения, т. 6.

Написано к десятой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Строки 77—89. Происшествие, о котором в этих строках говорится, послужило основой для стихотворения 1918 года «Хорошее отношение к лошадям» (см. т. 2 наст. изд., стр. 10).

Было — есть (стр. 217). Газ. «Труд», М. 1927, № 255, 6 ноября.

Написано к десятилетию Великой Октябрьской социалистической революции.

Строка 42. *«Снегири»* — шутливое прозвище милиционеров, носивших в те годы красные фуражки, отделанные серым каракулем.

Строка 64. *НОТ* — научная организация труда.

Строка 102. *Фордзон* — марка трактора, выпускавшегося заводом Форда. С 1923 года производился также на ленинградском заводе «Красный путиловец» (теперь завод им. Кирова).

Гимназист или строитель (стр. 221). Газ. «Комсомольская правда», М. 1927, № 273, 30 ноября; «Слоны в комсомоле»; Сочинения, т. 6.

Строки 21—22. *«Пифагоровы штаны на все стороны равны...»* — ария из оперетки В. Рапопорта «Иванов Павел», популярной в предреволюционные годы.

Строки 23—28. Приведен стишок, при помощи которого заучивались имена собственные, которые писались через букву ять.

Строка 30. *Иловайский* Д. И. (1832—1920) — автор реакционных учебников по всеобщей и русской истории, широко распространенных в дореволюционной школе.

Строка 32. *Барбаросса* («Рыжая борода») — прозвище Фридриха I (1123—1190), императора так называемой «Священной Римской империи германской нации».

Строка 34. Имеется в виду эпизод истории Средних веков, когда германский император Генрих IV в Каноссе (Сев. Италия) на коленях вымаливал прощение у папы Григория VII, отлучившего его от церкви.

Строки 55—57. Начало «Слова о полку Игореве» (точно: «Не лепо ли ны бяшет, братие...»).

Строки 63—67. Начало «Илиады» Гомера в переводе Н. М. Минского.

Строки 129—134. *Комсá на фабрике «Красная нить» решила по-новому нитки вить.*—О работе комсомольцев фабрики «Красная нить» рассказывалось в корреспонденции из Ленинграда, помещенной в «Комсомольской правде» 24 ноября под названием «На правом берегу Невы».

Б а к у (стр. 227). Черновой автограф в записной книжке 1927 г., № 51 (БММ); беловой автограф (БММ); газ. «Заря Востока», Тифлис, 1927, № 1650, 13 декабря (с подзаголовками «Я вас не понимаю, мистер Детердинг» и «Я вас понимаю, мистер Детердинг»—вместо цифр I, II, обозначающих части стихотворения); газ. «Комсомольская правда», М. 1928, № 83, 7 апреля; Сочинения, т. 7 (строки 56—127, под заглавием «Я вас понимаю, мистер Детердинг»).

Печатается по тексту газеты «Комсомольская правда» с исправлением в строках 109—110: вместо «Это миллионщиком стал оголец»—«Это мильонщиком стал оголец» (по тексту 7 тома Сочинений).

Под текстом в газете дата: «Баку, 5/XII—27 г.».

В «Комсомольской правде» стихотворение было напечатано с примечаниями самого Маяковского; они воспроизводятся ниже—см. примечания к строкам 18, 26.

Строка 18. Старинная башня в Баку, в которой еще огнепоклонники поддерживали вечный огонь, зажигая идущие из земли нефтяные газы.

Строка 26. *Детердинг* — владыка английской нефти, ведущий борьбу против советской.

См. также примечание к стихотворению «Англичанка мутит» (стр. 435).

Строки 61—65. Маяковский имеет в виду появившиеся в печати сообщения о раскрытой в Берлине банде фальшивомонетчиков, печатавшей фальшивые червонцы и имевшей связи с Детердингом.

С о л д а т ы Д з е р ж и н с к о г о (стр. 231). Черновые автографы в записных книжках 1927 г., № 51 и № 52 (БММ); газ. «Комсомольская правда», М. 1927, № 289, 18 декабря; газ. «Заря Востока», Тифлис, 1927, № 1655, 18 декабря; Сочинения, т. 6.

Написано к десятилетию ВЧК—ОГПУ. Посвящение — В. М. Горожанину, работнику Украинского ГПУ.

Дзержинский Ф. Э. (1877—1926) — с декабря 1917 года был бессменным председателем ВЧК (Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем), а затем ГПУ и ОГПУ (Объединенного государственного политического управления).

Строка 51. *Секретчики* — работники Секретно-политического отдела ОГПУ.

Строка 53. *КРО* — Контрразведывательный отдел ОГПУ.

Хорошо! Октябрьская поэма (стр. 233).

Запись рифм к строкам 275, 281 и 51, 56 в записных книжках 1927 г., № 39 и № 40 (БММ); черновой автограф строк 1088—1107, 1123—1125, 1129—1130 в записной книжке 1927 г., № 41 (БММ); черновой автограф строк 3157—3159 в записной книжке 1927 г., № 42 (БММ); первоначальные наброски к строкам 1—8, 12—14, 89—95, 1503—1508 в черновом автографе с поэтическими заготовками для различных произведений на отдельном листе (ЦГАЛИ); черновой автограф глав 1, 9—17 и строк 2897—2898, 2901—2902 в записной книжке 1927 г., № 43 (БММ); черновой автограф глав 18 и 19 в записной книжке 1927 г., № 44 (БММ).

Беловой автограф 10 главы; авторизованная машинописная копия глав 2—8— экземпляр, представленный Ленинградскому академическому Малому оперному театру (Ленинградская театральная библиотека); авторизованная машинописная копия глав 2—8; авторизованная машинописная копия глав 1—19 (хранятся у В. А. Катаняна); машинописная копия глав 2—8 (ЦГАЛИ).

Журн. «Новый Леф», М. 1927, № 6, строки 1372—1460 и 1610—1621 из 10 главы (под заглавием «Из поэмы «Октябрь»); журн. «Красная новь», М. 1927, № 8, август, главы 2—8 (под заглавием «25 октября 1917 года»); журн. «Новый Леф», М. 1927, № 7, глава 19 (под заглавием «Хорошо!». Из поэмы «Октябрь»); газ. «Комсомольская правда», М. 1927, № 217, 23 сентября, глава 17 (под заглавием: «Пою республику. Из Октябрьской поэмы») и № 221, 28 сентября, глава 18 (под заглавием «Красная площадь. Из поэмы «Хорошо»); журн. «На литературном посту», М. 1927, № 20, октябрь, глава 9 (под заглавием «Из поэмы «Хорошо»); журн. «Молодая гвардия», М. 1927, № 10, октябрь, главы 9—12 (под заглавием «Хорошо»); газ. «Вечерняя Москва», М. 1927, № 224, 1 октября, строки 2019—2040, 2063—2135 из 14 главы (под заглавием «Хорошо!». Отрывок II ч. Октябрьской поэмы»); газ. «Ленинградская правда», Л. 1927, № 236, 15 октября, строки 2231—2377 из 15 главы (под заглавием «Такая земля. Отрывок из Октябрьской поэмы «Хорошо»); газ. «Комсомольская правда», М. 1927, № 237, 16 октября, глава 6 (под заглавием «Кончилось ваше время. Отрывок из Октябрьской поэмы «Хорошо»); отдельное издание поэмы; корректурные листы 2-го издания (август 1928); второе издание; «Школьный Маяковский» (глава 19); Сочинения, т. 8.

К 10-летию Октября отрывки из поэмы напечатаны: газ. «Комсомольская правда», М. 1927, № 249, 30 октября, строки 1372—1460 и 1610—1621 из 10 главы (под заглавием «Политика проста. Из Октябрьской поэмы»); журн. «Молодая гвардия», М. 1927, № 11, ноябрь, главы 13—19 (под заглавием «Хорошо»); газ. «Рабочая Москва», М. 1927, № 255, 7 ноября, глава 19 (под заглавием «Хорошо!»).

Перепечатки в периферийной прессе:

Журн. «Шквал», Одесса, 1927, № 37, сентябрь (под заглавием «25 октября 1917 г.»), строки 139—180 из 3 главы (с подзаголовком «Керенский») и строки 902—971 из 6 главы (с подзаголовком «Взятие Зимнего дворца»); № 44, ноябрь, 19 глава (под заглавием «Хорошо!»); № 49, декабрь, строки 2254—2319 из 15 главы (под заглавием «Хорошо!»).

Журн. «Октябрьские всходы», Харьков, 1927, № 17, сентябрь, строки 628—756 из 6 главы (под заглавием «Взятие Зимнего. Отрывок из поэмы «Октябрь»); № 18, сентябрь, строки 757—905 из 6 главы (под заглавием «Взятие Зимнего. Отрывок из поэмы «Октябрь»).

Газ. «Пролетарий», Харьков, 1927, № 255, 6 ноября, строки 139—205 из 3 главы, 415—496 из 5 главы, 1088—1237 из 7 главы и 17 глава (под заглавием «Хорошо!». Отрывки из Октябрьской поэмы»).

Газ. «Звезда Алтая», Бийск, 1928, № 211, 7 ноября, строки 3052—3163 из 19 главы (под заглавием «Хорошо!»).

Печатается по тексту 2-го издания поэмы (1928). (В т. 8 Сочинений, вышедшем в 1931 г., напечатано по невыправленному экземпляру 1-го издания.)

В текст поэмы внесены исправления: в строке 510 вместо «Поправься!»—«Поправьсь!» (по тексту журн. «Красная новь»); в строке 1764 вместо «Анатоль Васильевича» — «Анатоль Васильича» (по автографу); в строке 2417 вместо «Забыли приличие» — «Забыли приличия» (по автографу и авторизованным машинописным копиям). В строках 455—456, 464, 607, 1260—1261, 1323 разрядка дана по авторизованным машинописным копиям.

Начало работы над поэмой «Хорошо!» относится к декабрю 1926 — началу 1927 года. Одновременно велись переговоры с Управлением ленинградских академических театров, которое обратилось к Маяковскому с просьбой написать текст для юбилейного спектакля к десятилетию Октябрьской революции. 16 февраля 1927 года Маяковский подписал договор, в котором обязался «представить... законченное художественное произведение... каковое могло бы послужить канвой для синтетического спектакля,

сценарий которого будет разработан самими Академическими театрами...»

15-го июня Маяковский прочел руководителям Управления написанную им зимой — весной 1927 года часть поэмы (главы 2—8), которая и должна была послужить основой для юбилейного представления. Юбилейная комиссия одобрила текст поэта.

Следующие 9 глав (9—17) и первая были написаны в мае—июле, и две заключительные главы (18—19) были закончены в июле—начале августа 1927 года в Крыму.

При сдаче в Госиздат рукопись делилась на следующие части: вступление (глава 1), первая часть (главы 2—8), вторая часть (главы 9—17) и третья часть (главы 18—19). Рукопись первой части была сдана Госиздату 4 июля, второй — 22 июля, третья часть была прислана Маяковским из Ялты 5 августа.

Поэма называлась сначала «Октябрь», потом «25 октября 1917». Заглавие «Хорошо!» дано было уже после того, как поэма была закончена. Тогда же Маяковский устранил ее членение на 3 части.

2—8 главы поэмы были инсценированы для праздничного представления в честь 10-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Спектакли шли в октябрьские дни 1927 года в Ленинградском Малом оперном театре.

Одно из первых чтений поэмы состоялось 18 октября 1927 года в Красном зале МК ВКП(б) для актива московской партийной организации. Вслед за этим Маяковский несколько раз выступал с чтением «Хорошо!» в Большой аудитории Политехнического музея, в Доме печати, Колонном зале Дома союзов, а затем в конце 1927—начале 1928 года в Ленинграде и многих городах Украины, Закавказья, Поволжья, Урала.

О значении, которое сам Маяковский придавал этой поэме, он говорит в автобиографии: «Хорошо» считаю программной вещью, вроде «Облака в штанах» для того времени. Ограничение отвлеченных поэтических приемов (гиперболы, виньеточного самоценного образа) и изобретение приемов для обработки хроникального и агитационного материала. Иронический пафос в описании мелочей, но могущих быть и верным шагом в будущее («сыры не засижены — лампы сияют, цены снижены»), введение, для перебивки планов, фактов различного исторического калибра, законных только в порядке личных ассоциаций («Разговор с Блоком», «Мне рассказывал тихий еврей, Павел Ильич Лавут»)» (см. т. 1 наст. изд., стр. 28—29).

Строка 91. *Гучков* А. И. (1862—1936) — лидер буржуазно-монархической партии октябристов, крупный московский промыш-

ленник, в 1917 году во Временном правительстве первого состава — военный и морской министр.

Строка 94. *Родзянко* М. В. (1859—1924) — крупный землевладелец, председатель 3-й и 4-й Государственных дум.

Строка 108. *Керенский* — см. примечание к стихотворению «Даешь изячную жизнь» (стр. 422).

Строка 141. *Растрелли* В. В. (1700—1771) — выдающийся русский архитектор. Им построен Зимний дворец в Петербурге.

Строка 153. Имеется в виду А. Ф. Керенский, который по профессии был адвокатом (присяжным поверенным).

Строки 161—171. В этой строфе Маяковский сатирически использует известное стихотворение Лермонтова о Наполеоне «Воздушный корабль», высмеивая стремление Керенского подражать Наполеону.

О бонапартизме министерства Керенского писал В. И. Ленин в статье «Начало бонапартизма» (Сочинения, т. 25, стр. 199).

Строки 209—217. Во Временном правительстве первого состава Керенский был министром юстиции, затем министром-председателем, военным министром и верховным главнокомандующим.

Строка 242. *Корнилов* Л. Г. (1870—1918) — генерал, верховный главнокомандующий при Временном правительстве; в августе 1917 года руководил контрреволюционным мятежом.

Строки 252—259. Исполнительный комитет Петроградского совета постановил арестовать свергнутого Николая II. У Временного правительства было намерение отправить его за границу, в Англию. Король Георг V был двоюродным братом Николая II.

Строки 263—265. *...и его рисуют — и Бродский и Репин.* — Художники И. Е. Репин (1844—1930) и И. И. Бродский (1883—1939) писали портреты Керенского летом 1917 года. В 1926 году Репин подарил написанный им портрет в Музей революции СССР.

Строка 273. *Кускова* Е. Д. (р. 1869) — правая социал-демократка, была одно время близка к кадетам. После 1917 года—ярый враг советской власти.

Строка 295. *Милюков* — см. примечание к стихотворению «Даешь изячную жизнь» (стр. 422).

Строки 296—303. Здесь и далее сатирически перефразирован разговор Татьяны Лариной с няней из 3 главы «Евгения Онегина».

Строка 317. *Михаил* Романов — брат Николая II, в пользу которого Николай отрекся от престола.

Строка 422. *«Селект»* — гостиница в Петрограде на ул. Лиговке.

Строки 486—493. Имеется в виду клевета, распространявшая-

ся буржуазной печатью о политических эмигрантах, вернувшихся после свержения самодержавия из Швейцарии на родину. Они проехали через Германию и Швецию, так как Франция и Англия не разрешили им проезд через свои территории.

Вильгельм II — германский император и король Пруссии в 1888—1918 годах.

Строка 494. *Кресты* — тюрьма в Петрограде.

Строки 517—522. *...быть под началом Бронштейна бескартузого...*— Л. Троцкий (Бронштейн) (1879—1940) был назначен Наркомвоенмором в начале 1918 года. (См. о нем примечание на стр. 529, т. 6 наст. изд.).

Строка 540. *Каледин* А. М. (1861—1918) — генерал, в конце 1917 — начале 1918 года руководил контрреволюцией на Дону.

Строки 555—557. *Челядь чайники бесшумно подавала.*— В чайниках под видом чая подавали в ресторанах спиртное (торговля спиртными напитками в военное время была запрещена).

Строки 585—590. *Выборгская сторона* — рабочий район Петрограда. *Литейный мост* — мост через Неву, соединяющий Выборгскую сторону с центром города.

Строка 598. *Лашевич* М. М. (1884—1928) — член Военно-революционного комитета Петроградского совета. Ему было поручено во главе рабочих отрядов занять почту, телеграф и телефон.

Строки 612—616. *Сегодня, говорит, подыматься рано. А послезавтра — поздно.*— См. в книге воспоминаний Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир»: «Я... ждал результатов совещания за дверью, в коридоре. Володарский, выйдя из комнаты, рассказал мне: «Ленин говорил: «6 ноября будет слишком рано действовать: для восстания нужна всероссийская основа, а 6-го не все еще делегаты на съезд прибудут[1]. С другой стороны 8 ноября будет слишком поздно действовать: к этому времени Съезд организуется, а крупному организованному собранию трудно принимать быстрые и решительные мероприятия. Мы должны действовать 7 ноября — в день открытия Съезда, так, чтобы мы могли сказать ему: «Вот власть! Что вы с ней сделаете?» («Десять дней, которые потрясли мир», М. 1923, стр. 67).

Строка 627. *Александра Федоровна* — жена царя Николая II. Здесь игра слов: Керенского звали Александр Федорович.

Строка 634. *Троицкий* — мост через Неву в Петрограде, вблизи Зимнего дворца. Теперь — Кировский.

---

[1] II Всероссийский съезд Советов должен был открыться 25 октября (7 ноября).

Строки 655—657. Циничная фраза Керенского о «взбунтовавшихся рабах» была сказана им в апреле 1917 года на совещании делегатов фронта.

Строка 663. *Миллионная* — улица, прилегающая к Зимнему дворцу. Теперь — улица Халтурина.

Строка 665. *Кексгольмцы* — солдаты лейб-гвардии Кексгольмского полка, выступившие на стороне революции.

Строки 669—670. *...Ильич гримированный...* — Скрываясь от агентов Временного правительства, В. И. Ленин жил под именем рабочего Сестрорецкого завода Иванова. 24 октября переодетый и загримированный Ленин появился в Смольном институте, где помещался Военно-революционный комитет и штаб восстания.

Строка 673. *Антонов-Овсеенко* В. А. (1884—1937) и *Подвойский* Н. И. (1880—1948) — члены Военно-революционного комитета Петроградского совета; командовали отрядами, штурмовавшими Зимний дворец. Описывая исторические события этого дня на Дворцовой площади и свержение Временного правительства, Маяковский пользовался воспоминаниями участников событий и в частности воспоминаниями Н. И. Подвойского, в которых подробно рассказывалось и о планах, и о расположении сил, и о самом штурме дворца.

Строка 718. *Павловцы* — солдаты Павловского пехотного полка, принимавшие участие в штурме Зимнего дворца.

Строки 722—724. *Куда против нас бочкаревским дурам?!* — М. Бочкарева — один из организаторов появившихся летом 1917 года «женских батальонов смерти». В числе защитников Временного правительства был Первый Петроградский женский батальон.

Строка 745. *Михайловцы* — юнкера Михайловского артиллерийского училища. *Константиновцы* — юнкера Константиновского артиллерийского училища.

Строка 790. *Нет Прокоповича.* — Министр продовольствия С. Н. Прокопович не присутствовал на последнем заседании Временного правительства: не мог проникнуть в осажденный восставшими Зимний дворец.

Строки 791—798. *А из-за Николаевского чугунного мостá, как смерть, глядит неласковая Аврорьих башен сталь.* — Команда крейсера Балтийского флота «Аврора» принимала активное участие в Октябрьском вооруженном восстании. Выполняя приказ Военно-революционного комитета, авроровцы привели 24 октября крейсер к Николаевскому мосту.

Николаевский мост — мост через Неву вблизи Зимнего дворца. Теперь — мост лейтенанта Шмидта.

Строка 803. *Коновалов* А. И.— министр торговли и промышленности, председательствовал на последнем заседании Временного правительства.

Строка 882. *Тринадцать* — тринадцать министров, членов Временного правительства.

Строки 915—926. В воспоминаниях Н. И. Подвойского свержение Временного правительства описывается так: «Массы врываются в комнату, в массе тов. Антонов. То, что называлось Временным правительством — тут... почти мертво физически... «Именем Военно-революционного комитета Петроградского совета объявляю Временное правительство низвергнутым», — декретирует Антонов» («Октябрьская революция», хрестоматия, Госиздат, М. 1925, стр. 293).

Строки 1040—1041. *«Здравствуйте, Александр Блок...*— О встрече с А. А. Блоком, описанной здесь, Маяковский вспоминал еще в 1921 году в статье, написанной после смерти Блока: «Помню, в первые дни революции проходил я мимо худой, согнутой солдатской фигуры, греющейся у разложенного перед Зимним костра. Меня окликнули. Это был Блок. Мы дошли до Детского подъезда. Спрашиваю: «Нравится?» — «Хорошо, сказал Блок, а потом прибавил:— У меня в деревне библиотеку сожгли». Вот это «хорошо» и это «библиотеку сожгли» были два ощущения революции, фантастически связанных в поэме «Двенадцать» (см. статью «Умер Александр Блок» в т. 12 наст. изд.).

Строки 1052—1053. *Незнакомки, дымки севера...* — Маяковский имеет в виду характерные для творчества Блока поэтические образы. «Незнакомка» — название стихотворения и лирической драмы Блока.

Строки 1074—1077. *Как будто оба ждут по воде шагающего Христа.*— Имеется в виду миф о Христе, прошедшем как по суше по водам Генисаретского озера. В финале поэмы Блока «Двенадцать» Христос идет во главе красногвардейского патруля.

Строки 1322—1325. См. в «Горе от ума» Грибоедова — «И дым отечества нам сладок и приятен» (действие 1, явление 7).

Строки 1384—1387. Названия контрразведывательных органов Франции, Англии, Польши, Румынии.

Строки 1511—1513. *...с ним идут голубые чехи.*— Состоявшие из чехов (носивших голубые мундиры) части австрийской армии, сдавшиеся в плен русским в период мировой войны, в 1918 году подняли в Сибири и Поволжье контрреволюционный мятеж и этим облегчили продвижение Колчака.

Строки 1578—1581. Начальные слова песенки, популярной в английской армии («Путь далек до Типерери, далеко шагать...»).

Строка 1599. ... *«фратэрнитэ́» и «эгалитэ́»!* (франц.)—«братство» и «равенство». «Свобода, равенство, братство» — лозунг французской буржуазной революции конца XVIII века.

Строки 1606—1609. Начальные слова старой национальной песни Североамериканских соединенных штатов («Янки, простофиля, не унывай, янки, простофиля и франт...»).

Строки 1627—1630. *Живу в домах Стахеева я, теперь Веэсэнха.*— Дома, принадлежавшие ранее золотопромышленнику Стахееву, по Лубянскому проезду, № 3, в Москве. В квартире № 12 жил Маяковский.

Веэсэнха (ВСНХ) — Высший совет народного хозяйства.

Строки 1647—1650. *...слушают асфальт с копейками в окне...*— то есть слушают бродячих шарманщиков, бросая им деньги из окон на асфальт.

Строки 1651—1656. *Трансваль, Трансваль, страна моя, ты вся горишь в огне!* — песенка времен англо-бурской войны (1899—1902). Трансвааль (Южная Африка) — страна буров.

Строки 1687—1692. Весной 1920 года в Верховном трибунале разбиралось дело о крупных спекуляциях в Главтопе (Главном управлении топливной промышленности при ВСНХ); было привлечено к суду 50 человек.

Строка 1711. *Филиппов* — известный в дореволюционной Москве владелец булочных и кондитерских.

Строки 1739—1740. *...едят у Зунделовича.*— Частная столовая Зунделовича помещалась в доме, где жил Маяковский.

Строка 1764. *...Анатоль Васильича.*— Луначарский А. В. (1875—1933)— нарком просвещения РСФСР в 1917—1929 годах.

Строка 1806. *Лиля* — Лиля Юрьевна Брик, близкий друг Маяковского

Строка 1807. *Ося* — Осип Максимович Брик (1888—1945), литературный критик, друг Маяковского.

Строка 1818. *Ярославский* — вокзал Северной железной дороги в Москве. В то время из-за недостатка топлива во многих домах замерзали канализационные трубы.

Строки 1933—1935. *...боли волжской я не коснусь.*— Речь идет о голоде в Поволжье в 1921—1922 годах.

Строка 2033. *Оля* — Ольга Владимировна Маяковская (1891—1949), сестра поэта.

Строка 2047. *Пресня* — Красная Пресня, один из районов Москвы, где жили мать и сестры Маяковского.

Строки 2136—2138. *Под ухом самым лестница...*— За стеной комнаты, в которой жил Маяковский, находилась входная лестница.

Строки 2225—2230. Конница генерала Мамонтова в августе — сентябре 1919 года прорвалась в тылы Красной Армии. В октябре Мамонтов был разбит под Воронежем.

Строки 2231—2253. Маяковский говорит о покушении на В. И. Ленина 30 августа 1918 года, совершенном правой эсеркой Каплан после выступления Ленина на заводе бывш. Михельсона.

Строки 2281—2286. 2 сентября 1918 года на заседании ВЦИК по докладу Я. М. Свердлова о покушении на В. И. Ленина было принято решение о красном терроре против буржуазии и ее агентов.

...Лубянская лапа Че-ка.— Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ЧК) помещалась на Лубянской площади (теперь пл. Дзержинского).

Строки 2310—2319. Маяковский пародирует популярную уличную песенку «Цыпленок жареный, цыпленок пареный...»

Строка 2381. *Павел Ильич Лавут* — устроитель вечеров-выступлений Маяковского в городах СССР в 1926—1930 годах.

Строка 2477. *«Алмаз»* — крейсер, на котором Врангель бежал из Крыма.

Строка 2496. *...завтрашние галлиполийцы...*— Бежавшие из Крыма белогвардейцы высадились на полуострове Галлиполи (европейская часть Турции).

Строки 2539—2540. *Ол райт* (англ.) — все в порядке, хорошо.

Строки 2571—2573, 2583—2584. Цитируются строки известной военной песни «Марш Буденного» (слова А. Д' Актиля): «Ведь с нами Ворошилов — первый красный офицер:// Сумеем кровь пролить// За СССР».

Строки 2709—2711. *...и в мертвом холоде слез и льдин...*— Маяковский говорит о похоронах В. И. Ленина 27 января 1924 года.

Строка 2751. *Лобное место* — каменный помост на Красной площади, построенный в 1534 году для объявления важнейших указов; использовался также для совершения казней.

Строки 2761—2765. *Стена — и женщина со знаменем склонилась над теми, кто лег под стеной.*— Имеется в виду барельеф работы скульптора С. Т. Коненкова на Кремлевской стене в память погибших во время уличных боев в октябре 1917 года. Снят в 1949 году в связи с реконструкцией одной из башен Кремля. Ныне находится в Музее революции в Москве.

Строки 2797—2805. *Красин* Л. Б. (1870—1926)— один из старейших деятелей коммунистической партии. В 1924 году — первый посол

СССР во Франции. Маяковский вспоминает приезд Л. Б. Красина в Париж в декабре 1924 года.

Дорио Жак — деятель рабочего движения Франции, впоследствии предал интересы рабочего класса.

Строки 2806—2816. *Войков* П. Л.—полпред СССР в Польше, был убит в Варшаве 7 июня 1927 года. Маяковский виделся с ним во время пребывания в Варшаве в середине мая 1927 года. Под непосредственным впечатлением смерти Войкова написаны были стихотворения «Да или нет?», «Слушай, наводчик», «Голос Красной площади» (см. стр. 130, 132, 139).

Строки 3031—3044. Маяковский говорит о венском восстании в июле 1927 года. Поводом к выступлению рабочих послужило оправдание судом фашистов, убивших двух рабочих. Восставшие подожгли здание суда.

Строки 3038—3039. *Зер гут* (нем.) — очень хорошо.

ОЧЕРКИ

Ездил я так (стр. 331). Журн. «Новый Леф», М. 1927, № 5.

Написан под впечатлением поездки в Чехословакию, Францию, Германию, Польшу (15 апреля — 22 мая 1927 года).

Стр. 331. *Бальмонт* К. Д. (1867—1942)— русский поэт-декадент, после Октябрьской революции — эмигрант. Сонет Бальмонта, посвященный Маяковскому, написан был на вечере «Встреча двух поколений поэтов» в январе 1918 года, где Маяковский прочел поэму «Человек».

Броневский Владислав (р. 1898) — известный польский поэт, один из зачинателей пролетарской поэзии.

Якобсон Р. О. (р. 1896) — ученый, филолог. Маяковский встречался с ним в 1916—1920 годах в Петрограде и Москве. О Якобсоне есть упоминание в стихотворении «Товарищу Нетте пароходу и человеку» (т. 7 наст. изд., стр. 163).

Стр. 332. *Гòра* Иозеф (1891—1945) — чешский поэт и писатель.

Сайферт Ярослав (р. 1901) — современный чешский поэт.

Махен (точнее: Маген) Иржи (1882—1939)— чешский писатель и драматург.

Библ Константин (1898—1951) — чешский поэт.

Незвал Витезслав (р. 1900) — современный чешский поэт.

...синеблузные вещи... — то есть произведения, характерные для «Синей блузы» — разновидности эстрадного театра, получившего

распространение в СССР в 20-х годах. Выступления «Синей блузы» посвящались актуальным вопросам внутренней и международной жизни. Самодеятельные и профессиональные коллективы «Синей блузы» (выступавшие в синих рабочих блузах) существовали при многих клубах предприятий и учреждений.

Большой вечер в «Виноградском народном доме». — Маяковский выступал в Праге в Виноградском народном доме 26 апреля. Вечер открылся вступительным словом поэта Иозефа Гора, прошел с большим успехом и имел широкий отклик в печати.

Тагор Рабиндранат (1861—1941) — крупнейший индийский поэт, романист и драматург.

Милюков — см. примечание к стихотворению «Даешь изячную жизнь» (стр. 422).

Стр. 333. ... *отзывы о вечере по якобсоновскому письму...* — Письмо Р. Якобсона с отзывами чехословацкой печати о вечере в Виноградском народном доме было послано Маяковскому через несколько дней после его отъезда из Праги.

Бенеш Эдуард (1884—1948) — министр иностранных дел Чехословакии в 1918—1935 годах, потом президент.

Дюамель Жорж (р. 1884) — современный французский писатель; посетил Москву в марте — апреле 1927 года.

Брик О. М. — см. примечание к поэме «Хорошо!» (стр. 446).

...основываясь на печальном опыте с Мораном и Берро... — Маяковский имеет в виду клеветнические очерки французского писателя Поля Морана «Я жгу Москву» и журналиста Анри Берро «Что я видел в Москве», выпущенные после поездки в СССР в 1924 году.

Стр. 334. *Дюртен* Люк (р. 1881) — современный французский писатель.

Они собираются на свои обеды уже с 1909 года. — Маяковский говорит об «обедах» «Пен-клуба», который был организован не в 1909, а в 1919 году.

Дягилев С. П. (1872—1929) — художественный и театральный деятель, антрепренер. Организовал в Париже так называемые русские сезоны — балетные и оперные спектакли. Ориентировался на эстетско-формалистические течения в европейском буржуазном искусстве.

«Ажаны» (франц.) — полицейские.

«Клартэ» — французский прогрессивный журнал, выходил в 1919—1928 годах. Был основан А. Барбюсом.

Арагон Луи (р. 1897)—выдающийся французский поэт и прозаик.

Элюар Поль (1895—1952) — выдающийся французский поэт.

Барон Жак (р. 1905) — современный французский поэт.

Было в кафе «Вольтер».— Выступление Маяковского в Париже в кафе «Вольтер» состоялось 7 мая 1927 года.

Стр. 335. *Кор-а-кор* (франц.) — схватка, рукопашная.

«Бродячая собака» — артистический подвал-кафе, в котором собиралась художественная богема предреволюционного Петрограда.

Георгий Иванов — поэт, принадлежал к группе акмеистов, после 1917 года — белоэмигрант.

Гильбо Анри (р. 1884) — французский поэт и писатель, автор книги «Владимир Ильич Ленин. Жизнеописание» (1924).

Бехер Иоганнес (р. 1891) — современный немецкий поэт, переводчик поэмы «150 000 000» на немецкий язык (1924).

«Ротэ Фанэ» — немецкая газета, центральный орган Коммунистической партии Германии.

Каменева О. Д. — в то время председатель правления ВОКС.

Роган Карл — редактор немецкого журнала «Europäische Revue». Маяковский встретился с ним в апреле 1927 года в Москве.

Стр. 336. *Я попал в Варшаву...* — О пребывании в Варшаве см. также очерки «Наружность Варшавы» и «Поверх Варшавы».

Пепеэсовцы — члены партии ППС (Польской партии социалистов).

...письма Родченко...— Письма художника А. М. Родченко из Парижа были напечатаны в № 2 журн. «Новый Леф» за 1927 год. О В. Полонском, резко критиковавшем эти письма, см. в примечании к стихотворению «Венера Милосская и Вячеслав Полонский» (стр. 427).

...поэт Броневский, только что выпустивший новую книгу стихов «Над городом».— Во время пребывания Маяковского в Варшаве В. Броневский подарил ему только что вышедший сборник стихов «Дымы над городом» с надписью «Владимиру Маяковскому, поэту революции».

Вандурский Витольд (1891—1937) — польский поэт и драматург. Встречался с Маяковским во время пребывания в Москве в 1920 году. Рассказывая в своих воспоминаниях о распространении поэзии Маяковского в Польше, Вандурский писал: «Рабочий Лодзинский театр, открытый в 1923 году, ввел в свой репертуар несколько инсценированных поэм Маяковского и каждую свою программу малых форм начинал с хорового чтения пролога к «Мистерии-буфф». На других рабочих сценах большой успех имела инсценировка «Левого марша» (журн. «Життя и революция», Киев, 1931, № 7).

См. также о Вандурском в очерке «Поверх Варшавы», стр. 349.

Стр. 337. *Тувим* Юлиан (1894—1953) — выдающийся польский поэт. Вспоминая впоследствии о своем знакомстве с поэзией Маяковского, Тувим писал: «Поэтическое потрясение, которое испытал, читая впервые Маяковского, я могу сравнить только с потрясением, пережитым мною, когда я слышал и видел раздираемое молниями небо. Мятеж, переворот, громы, пламя — все ново, беспрецедентно, чудесно, поразительно, революционно... И сразу — и уже навсегда — Маяковский слился для меня с Октябрьской революцией...» («Поэты-лауреаты народной Польши», изд-во «Иностранная литература», М. 1954, т. 1, стр. 21).

Слонимский Антони (р. 1895) — современный польский поэт. Перевод «Левого марша» был сделан им в 1921 году. Вместе с переводом Слонимский напечатал как бы в ответ Маяковскому свой «Контрмарш».

Стерн Анатоль (р. 1899) — современный польский поэт, переводчик стихов Маяковского. В 1927 году под редакцией Стерна вышел сборник стихов Маяковского в переводах Ю. Тувима, В. Броневского, Б. Ясенского, А. Слонимского и других. Предисловие к этому сборнику было написано Маяковским во время пребывания в Варшаве (см. т. 12 наст. изд.).

Гетель Фердинанд (р. 1895) — современный польский писатель, прозаик. В настоящее время в эмиграции.

Немного о чехе (стр. 339). Газ. «Рабочая Москва», М. 1927, № 127, 8 июня.

Напечатан рядом со стихотворением Маяковского «Славянский вопрос-то решается просто» (см. стр. 128).

Стр. 341. *Чернов* В. М. (1876—1952) — лидер партии эсеров, после 1917 года белоэмигрант.

Синеблузники — см. примечание к очерку «Ездил я так» (стр. 448).

...сцена «Слезы Крамаржа».— Об этой пьесе говорит Маяковский и в очерке «Чешский пионер» («Плач Крамаржа»— стр. 343). См. о Крамарже также в стихотворении «Славянский вопрос-то решается просто» (стр. 128).

Чешский пионер (стр. 342). Газ. «Пионерская правда», М. 1927, № 12, 25 июня.

Стр. 342. *«Синяя блуза»* — см. примечание к очерку «Ездил я так» (стр. 448).

Стр. 343. *Красный Спортинтерн* — международная организация рабочего физкультурного движения, существовавшая с 1921 по 1937 год.

Наружность Варшавы (стр. 344). Газ. «Рабочая Москва», М. 1927, № 141, 25 июня.

Напечатан рядом со стихотворением Маяковского «Польша» (см. стр. 154).

Перепечатан: газ. «Северный рабочий», Ярославль, 1927, № 151, 6 июля (под заглавием «Маленький Париж»).

Поверх Варшавы (стр. 347). Журн. «Молодая гвардия», М. 1927, № 7, июль; Сочинения, т. 6.

В настоящем издании в текст 6 тома Сочинений внесено исправление: на стр. 350 в строке 23 вместо «отводить» —«отвадить» (исправление опечатки).

В том же номере «Молодой гвардии» напечатано тематически связанное с очерком стихотворение Маяковского «Варшава» («Чугунные штаны» — см. стр. 157).

В ряде мест очерк перекликается с некоторыми наблюдениями и положениями очерка «Ездил я так», написанного, возможно, несколько раньше (см. стр. 331). Имена польских поэтов и писателей, встречающиеся в обоих очерках, см. в примечаниях к очерку «Ездил я так» (стр. 448—451).

Стр. 347. *Малашкин* С. И. (р. 1890) — советский писатель.

Стр. 348. *Зозуля* Е. Д. (1891—1941) — советский писатель. Маяковский говорит об очерках Зозули «Из Москвы на Корсику и обратно».

Лежнев А. З. (1893—1937) — советский критик. Ироническое упоминание о нем есть в стихотворении «Марксизм — оружие, огнестрельный метод. Применяй умеючи метод этот» (см. т. 7 наст. изд., стр. 110).

Стр. 350. *«Родченко в Париже» — перевод на польский язык помещенных в «Лефе» писем.* — См. примечание к очерку «Ездил я так» (стр. 450).

Я начал атаковываться корреспондентами, и карикатуристами, и фотографами.— Интервью с Маяковским были помещены в польских газетах «Эпоха», «Польска вольность» (Варшава), «Хвиля» (Львов) (см. т. 13 наст. изд.).

Стр. 351. *Шенгели* — см. примечание к стихотворению «Моя речь на показательном процессе по случаю возможного скандала с лекциями профессора Шенгели» (стр. 421).

В дни моего пребывания в Варшаве была поставлена его пьеса...— Пьеса А. Слонимского «Вавилонская башня» была поставлена Польским драматическим театром.

Стр. 352. *Пшибышевский* Станислав (1868—1927) — известный польский писатель, один из видных представителей декадентского крыла движения «Молодая Польша».

Жеромский Стефан (1864—1925) — известный польский писатель.

Дефензива — польская охранка.

Стр. 355. *...памятник Понятовскому.*— О памятнике Понятовскому см. также в стихотворении «Чугунные штаны» (стр. 157).

...памятник Шопену...— Этот памятник, работы скульптора В. Шимановского, был поставлен в Варшавском саду Лазенки в 1926 году.

Стр. 356. *Пепеэсовцы* — см. примечание к очерку «Ездил я так» (стр. 450).

Вертинский А. Н. (1887—1957) — эстрадный артист, автор романсов и песенок.

Стр. 357. *...«Медвежья свадьба» с знаменитой «польской» артисткой Малиновской...* — О кинокартине «Медвежья свадьба» см. примечание к стихотворению «Стабилизация быта» (стр. 418). Киноактриса В. С. Малиновская играла главную роль в этой картине.

«Дворец и крепость» — кинокартина, снятая по роману Ольги Форш «Одеты камнем» (1924).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ[1]

СТИХОТВОРЕНИЯ *(1927)*

[1] В первой колонке цифр указываются страницы текста, во второй — вариантов, в третьей — примечаний.

**ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ
МАЯКОВСКИЙ**

Полное собрание сочинений. Том 8

Редактор тома Ф. Пицкель

Редактор *К. Малышева*

Оформление художника *Б. Воронецкого*

Художественный редактор *Г. Клодт*

Технический редактор *Г. Архангельская*

Корректор *Г. Сурис*

Сдано в набор 29/X 1957 г.
Подписано к печати 1/III 1958 г.
Бумага $84\times108^{1}/_{32}$—14,38 печ. л. =
23,58 усл. печ. л. 21,68 уч.-изд. л +
8 вклеек =22,08 л. Тираж 190 000 экз.
Заказ № 1102. Цена 5 руб.

Гослитиздат
Москва, Б-66, Новс-Басманная, 19.

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Московского городского Совнархоза
Москва, Ж-54, Валовая, 28.

